

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ  
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ  
Федеральное государственное автономное  
образовательное учреждение высшего образования  
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ  
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Д. В. Аверьянова, В. Д. Береснев, Н. И. Береснева,  
А. Ю. Внутских, С. Г. Зырянов, С. В. Комаров, Ю. В. Лоскутов,  
Л. А. Мусаелян, Н. К. Оконская, С. В. Поросёнков, С. В. Рязанова,  
Р. К. Стерледев, Т. Д. Стерледева

## **СУБЪЕКТНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ**

Монография

*Под общей редакцией Ю. В. Лоскутова*



Пермь 2022

УДК 1:316  
ББК 87.6  
С89

**Субъектность** в современном обществе: социально-философский аспект : монография / Д. В. Аверьянова, В. Д. Береснев, Н. И. Береснева, А. Ю. Внутских, С. Г. Зырянов, С. В. Комаров, Ю. В. Лоскутов, Л. А. Мусаелян, Н. К. Оконская, С. В. Поросёнков, С. В. Рязанова, Р. К. Стерледев, Т. Д. Стерледева ; под общей редакцией Ю. В. Лоскутова ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2022. – 128 с.

ISBN 978-5-7944-3897-0

Коллективная монография «Субъектность в современном обществе: социально-философский аспект» создана рядом уральских философов с целью многостороннего исследования современного состояния субъектности с социально-философской точки зрения. Формирование человеческой субъектности, будучи неотъемлемой частью гражданского воспитания, является также и актуальной теоретической проблемой для социальной философии.

В книге не только рассматривается общее содержание понятия «социальный субъект», но и анализируются некоторые особенные проявления социальной субъектности. Ставится проблема возможной субъектности искусственного интеллекта и требуемой реакции на последнюю со стороны социального субъекта, а также рассматривается роль последнего в процессе цифровизации. Представлено социально-философское, субъектное понимание интеллектуальной собственности. Анализируется политическая субъектность современных российских региональных элит. Выявляются субъекты праздничной деятельности, а также религиозного и атеистического дискурсов в современной России.

Монография предназначена специалистам-философам и всем интересующимся социально-гуманитарной проблематикой.

УДК 1:316  
ББК 87.6

*Печатается по решению кафедры философии  
Пермского государственного национального исследовательского университета*

*Рецензенты:* д-р филос. наук, профессор кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры **М. Г. Писманик**;  
канд. филос. наук, зав. кафедрой философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета **А. А. Краузе**

ISBN 978-5-7944-3897-0

© ПГНИУ, 2022  
© Коллектив авторов, 2022

## Содержание

<b>Предисловие редактора</b> (Ю.В. Лоскутов) .....	4
<b>О понятиях социального и исторического субъекта</b> (С.В. Комаров) .....	9
<b>Человек и искусственный интеллект: конфликт или кооперация?</b> (Р.К. Стерледев, Т. Д. Стерледева) .....	26
<b>Цифровизация и риски становления социального субъекта</b> (А.Ю. Внутских) .....	45
<b>Интеллектуальная собственность в информационном обществе и формирование профессионала</b> (Н.К. Оконская) .....	54
<b>Особенности политической субъектности региональных элит в современной России</b> (С.Г. Зырянов, Д.В. Аверьянова, Л.А. Мусаелян) .....	72
<b>Праздник к нам приходит (субъект в праздничной культуре)</b> (Н.И. Береснева, В.Д. Береснев) .....	102
<b>Субъекты религиозного дискурса в современном обществе</b> (С.В. Рязанова) .....	107
<b>Субъекты формирования атеистического дискурса в современном обществе</b> (С.В. Поросёнков) .....	117
<b>Сведения об авторах</b> .....	126

## Предисловие редактора

Проблема субъектности в современном обществе является остроактуальной в силу того, что и педагогика, и менеджмент, и государственная политика сталкиваются сегодня с проблемой противостояния враждебным идеологическим манипуляциям. Успешно противостоять им может только активный субъект социального мышления и поведения, а вовсе не пассивный объект манипулятивного воздействия. Воспитание достойного гражданина – это воспитание самостоятельного, ответственного субъекта. По-настоящему суверенное государство выступает подлинным субъектом на международной арене. Со всем недавно термин «субъектность» прозвучал на весь мир тогда, когда президент России В.В. Путин отметил то, что «внутри самых разных стран и обществ уже развивается по своему характеру освободительное, антиколониальное движение против однополярной гегемонии. Его субъектность только будет нарастать»<sup>1</sup>.

Но кто такой «социальный субъект»? В настоящей коллективной монографии не только рассматривается общее содержание соответствующего социально-философского понятия, но и анализируются некоторые особенные проявления социальной субъектности.

Социальный субъект – это носитель (субстрат) целенаправленного действия<sup>2</sup>, и поэтому определение социального субъекта (отдельный индивид, социальная группа, государство, нация и т. д.) зависит в каждом конкретном случае от содержания данного действия.

Постмодернизм провозгласил «смерть субъекта», но это оказались мнимые похороны. Субъектность глубоко укоренена в повседневной жизни, обычный человек и не подозревает о том, что на его субъектности философы-постмодернисты поставили крест, он интуитивно ощущает себя тем, кто именуется «субъектом» в социальной философии и философской антропологии. Одним из особенных порождений постмодернистской философии является «плоская онтология», которая распространена в двух вариантах – как объектно-ориентированная онтология<sup>3</sup> и как акторно-сетевая теория<sup>4</sup>. «Плоская

---

<sup>1</sup> Подписание договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России // <http://kremlin.ru/events/president/news/69465> (дата обращения: 02.10.2022).

<sup>2</sup> Любутин К.Н. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии. М.: Высшая школа, 1981. С. 124.

<sup>3</sup> Харман Г. Четвероякий объект: метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь: Гиле Пресс. 2015. 152 с.; Брайант Л. Демократия объектов. Пермь: Гиле Пресс. 2019. 320 с.; Деланда М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь: Гиле Пресс. 2018. 170 с. и др.

<sup>4</sup> Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.; Беннетт Дж. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей. Пермь: Гиле Пресс. 2018. 220 с. и др.

онтология» в своих теоретических построениях нивелирует специфику социального субъекта, рассматривает человека просто как вещь среди других вещей и тем самым разрушает гуманистический категорический императив Иммануила Канта, предписывающий относиться к людям как к цели, но не как к средству<sup>5</sup>.

Проблема социальной субъектности заключается не столько в *количестве* социальных субъектов (хотя оно имеет тенденцию к росту постольку, поскольку всё новые социальные группы заявляют о себе как о субъектах общественной жизни), сколько в том, в какой мере в этих субъектах выражено само *качество* социальной субъектности. Если это качество выражено отнюдь не полностью (например, в результате отчуждения человека от самого себя), уместно говорить о «частичном субъекте»<sup>6</sup>. Дело в том, что каждый отдельный индивид, каждая социальная группа и т. д. одновременно выступают и как объект, и как субъект<sup>7</sup>. Весь вопрос в том, что именно преобладает у каждого конкретного индивида, социальной группы, государства и т. д. – *качество субъекта* преобразования социальных условий или *качество объекта* их воздействия?

Люди под воздействием социальных условий становятся субъектами лишь в той мере, в какой сами активно изменяют эти условия<sup>8</sup>. При этом известная «формула» К. Маркса и Ф. Энгельса «обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства»<sup>9</sup> еще не выводит концепцию социального субъекта за рамки формальной логики и «дурной бесконечности» чередования воздействия обстоятельств и людей друг на друга. Если со стороны своего формального объема понятия «люди» и «обстоятельства» равны, ибо это не общее и частное (здесь как раз уместно выражение «в такой же мере»), то со стороны диалектически понимаемого содержания данных понятий «люди» (социальные субъекты) *содержательнее*, чем «обстоятельства», «условия» (объекты целенаправленного воздействия людей). Социальный субъект самовозрастает, включая в свое содержание объекты своей деятельности. Например, «философское обобщение, "диалектическая обработка" истории техники на фоне современной технической революции, показывает, как развивается субстратная сторона субъекта, ибо развитие техники есть превращение объекта в материальные органы субъекта. Преобразованный объект

---

<sup>5</sup> Лоскутов Ю.В. «Плоская онтология» в социальном контексте // Новые идеи в философии. 2021. № 8(29). С. 89–98.

<sup>6</sup> Нодиа Г.О. Труд и гуманизм. Тбилиси: Мецниереба, 1986. С. 51.

<sup>7</sup> Абишев К.А. Предметная деятельность как отношение субъекта к объекту // Проблема субъекта и объекта в марксистской философии. Алма-Ата: Казахстан, 1975. С. 19.

<sup>8</sup> Там же. С. 26.

<sup>9</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 3. С. 37.

становится с функциональной стороны частью субъекта»<sup>10</sup>. Поскольку деятельность воспроизводит свои условия в качестве своих результатов, постольку, «строго говоря, не условия создают людей, а люди создают самих себя посредством изменения условий»<sup>11</sup>. Важно, чтобы человек не уподоблялся вещи как социальному объекту, не забывал о том, что он сам производит вещи, не забывал о своем социально-практическом «первородстве».

Разделы данной коллективной монографии отражают социально-философскую проблематику субъектности в различных аспектах. Здесь рассматривается не только общий теоретический подход к социальным субъектам, но также их роль в функционировании информационного общества, в политике, в народной культуре, в становлении мировоззренческих дискурсов.

С.В. Комаров в главе «О понятиях социального и исторического субъекта» проводит фундаментальный анализ философских понятий «субъект», «социальный субъект», «исторический субъект». Рассматривая историю становления философского понимания субъекта, автор отмечает то, что в классической философии субъектность – это осознание самого себя «в качестве действительной причины своего существования и своих действий». Такое понимание субъектности сохраняется и в неклассической философии, которая, однако, относится к нему негативно. В современной философской мысли особую важность приобрел вопрос о подлинном бытии в качестве субъекта, имеющем практический характер. Социальным субъектом может быть как отдельный человек, так и социальная группа, и даже общество в целом. Таким образом, социальный субъект всегда обладает автономностью и причинностью, но не всегда – самосознанием. Тем не менее, деятельность социального субъекта всегда имеет социальный смысл. Исторический субъект – это социальный субъект, который осознаёт историческую значимость и ответственность своих действий.

В главе «Человек и искусственный интеллект: конфликт или кооперация?» Р.К. Стерледев и Т.Д. Стерледева поднимают интереснейшую проблему возможной субъектности искусственного интеллекта и требуемой реакции на последнюю со стороны социального субъекта. Создание техносферы авторы понимают как «создание человеком искусственной среды, в которой при определенных условиях может возникнуть новый тип мыслящего существа». Это событие может произойти спонтанно и стать неожиданностью для человека. Искусственный интеллект, вероятно, будет при этом уподобляться не только человеческому мышлению, но также желаниям, эмоциям, чувствам и т. д., то есть сознанию в целом, что создает опасность «духовной неразвитости» искусственного интеллекта и его агрессии по отношению к человечеству. Для

---

<sup>10</sup> Любутин К.Н., Пивоваров Д.В. Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1993. С. 116.

<sup>11</sup> Абишев К.А. Предметная деятельность ... С. 26.

того, чтобы предотвратить такой сценарий, людям следует действовать в техносфере «по всем правилам агентурной, армейской и технической разведки». В данном разделе авторы, по сути, не дают окончательного ответа на вопрос о том, чем именно является функционирование развитого искусственного интеллекта – мышлением или квазимышлением? Думается, что все-таки искусственный интеллект может обладать только квазимышлением, ибо функции предмета детерминированы его субстратом, а физический субстрат искусственного интеллекта на три ступени проще, чем наиболее сложный материальный субстрат, которым обладает человек.

А.Ю. Внутских в главе «Цифровизация и риски становления социального субъекта» указывает на то, что в условиях цифровизации человек нередко перекладывает свои собственные функции на «вторую природу», что чревато десубъективацией человека. В процессе последней человек «утрачивает интерес к смысловому и ценностному поиску, к поиску обоснований и доказательств» и даже может впасть в состояние «цифрового слабоумия». Чтобы избежать десубъективации, общественные институты должны перенести «акцент своих управляющих воздействий» с технико-технологического фактора на подлинно человеческий фактор, в том числе – на духовную культуру. Это необходимо «для формирования, сохранения и развития автономности человеческих субъектов, социальных институтов, для сохранения человеческого компонента современных общественных отношений». В конечном счете, цифровизация должна обслуживать потребности человека-творца.

В главе «Интеллектуальная собственность в информационном обществе и формирование профессионала» Н.К. Оконская трактует профессионализм как «следствие системной целостности человека труда, результат развитой интеллектуальной собственности высшего типа, какой является собственность человека на свою рабочую силу, свои способности к труду-мышлению-общению». Здесь представлено социально-философское, отличное от правового, понимание интеллектуальной собственности. Профессионал – это интеллектуальный собственник, это субъект, имеющий «неотчуждаемую власть над своей рабочей силой», что, соответственно, позволяет профессионалу обрести власть и над технологиями. В условиях узкой специализации и технизации деятельности в информационном обществе необходимо «спасать профессионализм человека, понимаемый как целостность человека, свободно реализующего экзистенциальные потребности».

С.Г. Зырянов, Д.В. Аверьянова и Л.А. Мусаелян исследуют в главе «Особенности политической субъектности региональных элит в современной России» малоизученный вопрос о том, «кто, как и почему осуществляет те или иные изменения в политической жизни» российских регионов. Субъект политики, понимаемый как источник политической активности, направленной на

объект политики, многообразен – в качестве такого субъекта может выступать и государственный институт, и определенная социальная группа, и отдельно взятый политик. Властные отношения, в том числе политические, всегда являются отношениями зависимости, всегда имеют асимметричный характер, так как субъект политики имеет существенное ресурсное превосходство над объектом политики. Помимо обобщенного социально-философского анализа политической субъектности, атрибутивной характеристикой которой выступает политическое влияние, глава содержит конкретно-научные данные об особенностях российской политики в ее региональном аспекте.

В главе «Праздник к нам приходит (субъект в праздничной культуре)» Н.И. Береснева и В.Д. Береснев отмечают то, что «единственным субъектом политического праздника государство считать нельзя. В качестве субъекта праздника может выступать и социальная группа, и социальный институт, и общество в целом». В итоге, субъектом праздника выступает родовая сущность человека. Роль указанных субъектов в становлении праздничной культуры рассматривается авторами с помощью трех моделей – нарративной, ритуальной и пространственно-темпоральной.

С.В. Рязанова в главе «Субъекты религиозного дискурса в современном обществе» констатирует то, что активность религии в социальном пространстве «реализуется исключительно благодаря деятельности конкретных акторов, которые занимаются производством, воспроизводством и реформированием религиозного дискурса». В главе рассматриваются особенности следующих субъектов религиозного дискурса – традиционных и маргинальных сообществ верующих, а также религиозных элит.

В главе «Субъекты формирования атеистического дискурса в современном обществе» С.В. Поросёнков отмечает то, что в XX веке двумя главными источниками формирования субъектов атеистического дискурса стали атеистический экзистенциализм и марксистский атеизм. Субъекты атеистического дискурса делятся на пассивных и активных атеистов, при этом активные атеисты институционализируют атеистический дискурс с помощью политических партий, общественных организаций, учреждений науки и культуры. Сегодня в России некоторые общественные организации пропагандируют атеистические идеи в рамках антиклерикальной борьбы.

Конечно, представленные здесь главы далеко не исчерпывают всего возможного многообразия социально-философских исследований социальной субъектности. Данная коллективная монография – только частный, отдельный вариант подобных исследований. Авторы выражают надежду на то, что активная разработка проблематики социальной субъектности будет продолжена с помощью наших коллег.



## О понятиях социального и исторического субъекта

«...И подошел монах к каменщикам,  
и спросил он одного из них:  
– Что делаешь ты? И сказал он:  
Я кладу кирпичи.  
И другого спросил он:  
– Строю стену, – был ответ.  
И в третий раз спросил он:  
– А что делаешь ты?  
– А я строю Шартрский собор, – был ответ»

Старая легенда

«*Истинное бытие* человек... есть *его действие*;  
в последнем индивидуальность *действительна*...  
Лишь произведение следует считать его истинной  
действительностью»

Г.В.Ф. Гегель<sup>12</sup>

«...Человеческое производство как процесс  
самопродуцирования культурно-исторического  
субъекта»

Г.С. Батищев<sup>13</sup>

Понятие субъекта является ключевым понятием философии. Однако, существование человека в XX веке во многом обнаруживает отсутствие оснований для признания субъекта в качестве реального феномена. «Схватка за субъект» (В. Декомб) в XX веке обнаруживает не только тенденции признания субстанциальности субъекта, но и тенденции его отрицания<sup>14</sup>. Появляются концепции *множественной субъективности*, *нечеловеческой субъективности*, и т. д.<sup>15</sup> Причем, кажется, что отрицание понятия субъекта связано не столько с разной его трактовкой, сколько с отрицанием его фундаментальности для философии вообще. Однако, без этого понятия сама философия как дело человеческой мысли теряет свой смысл вообще.

<sup>12</sup> Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа // Г. Гегель. Сочинения. Т. IV. М.: Соцэкгиз, 1959. С. 172.

<sup>13</sup> Батищев Г.С. Деятельная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М.: Наука, 1969. С. 102.

<sup>14</sup> Декомб В. Дополнение к субъекту. Исследование феномена действия от первого лица. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 5.

<sup>15</sup> Комаров С.В. Вопрос о субъекте: от рефлексивности к сингулярности // Новые идеи в философии. 2022. Вып. 9 (30). С. 66–69.

## 1. История понятия «субъект»

В строго философском смысле слова понятие субъекта формируется в Новое время. Как известно, от Аристотеля через средние века субъект понимался исключительно в качестве логической и грамматической категории, относящейся к высказываниям о любом сущем. Именно сущее как предмет высказывания понималась как *ὑποκείμενον* (подлежащее). Слова Ницше о том, что за понятием «субъекта» просматривается старое, доброе понятие «субстанции» относится именно к этому общему положению старой философии. Однако в Новое время поиски абсолютного основания приводят к изменению содержания этого понятия. Понятие субъекта связывается исключительно с самосознанием.

Дело в том, что любое высказывание, связывающее логический субъект высказывания с предикатом, находит свое обоснование только в эмпирическом опыте. Но в этом случае истина любого высказывания носит случайный характер. Именно поиски абсолютно необходимой истины приводят Декарта к рефлексивному акту «Я мыслю», в котором субъект и предикат высказывания связаны необходимым образом. Сам акт рефлексии, содержит в себе субъект высказывания в качестве своего предиката: не может не существовать в качестве субъекта то, что самим актом мышления полагается в качестве объекта (предмета, предиката). Между субъектом и предикатом в акте *cogito* нет никакого различия: «Я» = «Я». Однако важно понимать, что это не просто формальное тождество, а именно акт мышления (полагания), поскольку именно отсюда следует картезианский вывод о «субстанциальности» «Я». Действительно, хотя акт рефлексии совершается как временной акт, отсутствие различия между субъектом и предикатом позволяет мыслить «Я» как нечто вневременное и постоянное<sup>16</sup>. Транспарентность акта *cogito* («Я = Я») выступает как его каузальность (причинность в отношении самого себя, *causa sui*), а последнее обеспечивает автономность субъекта в отношении внешних явлений и поступков.

Вневременность и постоянство «Я» в определенном смысле вынуждены признать и эмпирики (Локк, Беркли, Юм), поскольку за рядом временных явлений внутреннего чувства они вынуждены полагать его причину. Однако дальше признания этой причины они продвинуться не могут, поскольку это предполагает выход за пределы эмпирического опыта. Поэтому признание «субстанциальности» субъекта в эмпиризме выступает как логический вывод: это есть понятие для суммы эмпирических актов сознания. Однако в отношении любого эмпирического акта сознания они, эмпирики, готовы признать

---

<sup>16</sup> Декарт Р. Размышления о первой философии // Декарт Р. Сочинения в 2 т.: пер. с лат. и фр. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 23–24.

транспарентность, а в отношении актов самосознания – каузальность и автономность. Поэтому решение Локком проблемы тождества личности в ее самосознании есть эмпирический вариант признания «субстанциальности» субъекта: тождество субъекта заключается в его осознании самого себя. Поэтому эти характеристики самосознания – транспарентность, причинность и автономность – становятся атрибутивными характеристиками во всех классических трактовках субъекта.

Это означает, что новое понимание субъекта отождествляет его не просто с эмпирическим сознанием, которое, как правило, трактовалось негативно, но именно с самосознанием. Уже здесь намечается будущее различие немецкой классической философии между *субъективностью* и *субъектностью*, т. е. между наличным эмпирическим сознанием и самосознанием как осознанием самого себя в качестве действительной причины своего существования и своих действий.

Кант во многом наследует эмпирическую традицию в понимании субъекта: различие вещей-в-себе и явлений приводит к различию внутреннего чувства самосознания и понятия «Я». Понятие «Я» есть чистая логическая форма сознания единства всех эмпирических актов сознания. Это, почти по Локку, формальное условие единства эмпирического сознания: «Кроме этого логического значения Я, у нас нет никакого знания о субъекте самом по себе, который служил бы субстратом ... всякой мысли»<sup>17</sup>. Тем не менее, вопрос заключается в том, что сознание в опыте становится самосознанием: как сознание-в-себе становится сознанием-для-себя?

Проблема заключается в том, что сама постановка этого вопроса уже предполагает различие между эмпирическим актом сознания и его понятием (понятием «Я»). Конечно, в самом вопрошании о субъекте уже присутствует его определенное понимание. В этом смысле понятие «Я» как априорная форма единства предшествует эмпирическому явлению, в котором она проявляется. Однако действительное единство самосознания есть реальный временной синтез чувственного многообразного. Трансцендентальная апперцепция не только обеспечивает синтез сознания в качестве его условия, но сама на деле осуществляется как объективное единство самосознания (§18 КЧР). В реальном синтезе сознания реализуется самосознание не в качестве условия, принципа и правила, а в качестве реального явления. В реальном опыте единство сознания становится не трансцендентальным условием (“*muß... können*”), а становится фактом эмпирического мышления. Таким образом, реальный синтез эмпирического сознания (субъективности) есть становление са-

---

<sup>17</sup> Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. С. 519.

мого субъекта – сначала как формального самосознания (сознания «Я»), а затем его практического осуществления в качестве сознания самого себя как субъекта своих действий (самосознания «Я»). Если вначале как понятие единства «Я» (трансцендентальная апперцепция) выступает в качестве условия единства сознания, затем, реализовавшись действительное эмпирическое единство, это понятие выступает в качестве самосознания («Я = Я»), понятия о самом себе как субъекте, то затем – это понятие «Я» становится осознанным условием для собственной реализации, в качестве понятия субъекта воли. Если мы не допустим себе запутаться в амфиболиях рефлексивных понятий, то акт самосознания выступает как теоретическое понятие «Я». Это понятие себя как субъекта. Однако, теперь это понятие является условием осознанного практического опыта, или превращения этого понятия самосознания в его самореализацию в волевых поступках.

Здесь, таким образом, проступает общая для всей немецкой классической философии схематика самореализации субъекта, или становление субъектом. Как метко это выразил Гете: «*Werde der Du bist...*». Сознание – самосознание – самореализация (самоопределение). Эмпирическое сознание – самосознание – практическая реализация понятия. Бытие-в-себе – бытие-для-себя – бытие-в-мире. Бессознательное – самосознание (осознание себя) – самореализация (осознанная практическая деятельность). Становление субъекта – самосознание субъекта – воплощение субъекта. Бытие-субъектом – осознание-себя-как-субъекта – бытие-в-качестве-действительного-субъекта. Наличное сознание (слепая субъективность) – самосознание (понятие сознания) – субъектность (бытие субъектом). У Фихте эта схематика реализуется следующим образом. Непосредственное существование сознания выступает как его самополагание (дело-действие), в результате которого (его диалектики «Я» и «НЕ-Я») сознание становится самосознанием, т. е. представлением (понятием) о самом себе. Это есть осознание самого себя субъектом (теоретическое «Я»), должно теперь реализоваться объективно и стать действительным субъектом практическим «Я». В этом развертывании сознания как субъекта и его практической реализации оно сознает себя как дух. Аналогично у Шеллинга сознание становится самосознанием или понятием о самом себе (исторические эпохи самосознания от простого ощущения к абсолютному акту воли), а самосознание как понятие должно практически реализоваться, и находит свое высшее воплощение такая реализация с свободной практической игре самосознания как абсолютного духа (в искусстве). Сознание становится самосознанием, а в практической реализации осознает свою объективную природу как абсолютного сознания. Наконец, эта схема реализуется и у Гегеля: сознание через свои

предметные формы достигает самосознания, а становление самосознания приводит к становлению его разумом (абсолютным духом).

Здесь важно, что в отличие от классической метафизики в немецкой классической философии становление субъекта определяется его понятием: самосознание есть констатация себя в качестве субъекта, а это понятие о себе в качестве субъекта, есть условие его практической реализация, т. е. действительного бытия в качестве субъекта или бытия в качестве действительного субъекта. Речь идет не просто о констатации (бытии) субъекта, но именно о становлении в качестве субъекта. Наличное бытие сознания есть простая *субъективность*, и только самосознание превращает ее в *субъектность*, которая обладает признаками активности и причинности, которая способна стать фактом действительности, а не быть (остаться) только понятием о субъекте.

Поэтому транспарентность сознания является главным условием для бытия в качестве субъекта в классических философских теориях. Как только теряется транспарентность сознания, так сразу субъект теряет свое понятие, автономность и каузальность своих поступков. Он становится пассивным, или произведенным, субъектом. В самом деле, если отбросить априорное постулирование единства сознания (а это предполагает изначальное понимание субъекта как сознания<sup>18</sup>), то такое единство должно обнаружиться в структуре самого эмпирического опыта. Однако, внутри самого эмпирического опыта основания такого единства не обнаруживается. Это и было главным открытием философии субъективности после немецкой классической философии. Стремление к беспредпосылочности и чистой дескриптивности сознания опровергает всякую «субстанциальность» сознания, отбрасывает любые трансцендентальные условия единства опыта, отвергает всякое спекулятивное отождествление сознания с его понятием (идеей). Такая установка в максимальной степени реализуется в феноменологии XX века. Например, обнаруживается, что феноменологическая редукция не может до конца устранить некоторое «Я» как трансцендентальное условие самой этой процедуры: стремление к очевидности каждый раз открывает новый горизонт субъективности («Я»), пока наконец не сведет ее к некоторой само-данности и самоочевидности как последнему основанию<sup>19</sup>. Такая трансцендентальная субъективность открывается

---

<sup>18</sup> Такое признание предполагает метафизическую позицию Абсолютного наблюдателя, или позицию «для нас», например, позицию, из которой Гегель разворачивает всю диалектику становления сознания, и которую мы, его читатели, занимаем вместе с ним. Но вообще говоря, такая позиция есть изначальная позиция философского мышления, открытая еще античными философами и предполагающая презумпцию истины как знания истинного бытия.

<sup>19</sup> Гуссерль Э. Идея феноменологии: Пять лекций. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2006. С. 106, 142.

при этом в виде абсолютного временного потока, но чем обеспечивается единство этого потока (единство «Я»), остается без ответа. Конституция самого потока является чисто пассивной, она оказывается медиумом всей дальнейшей пассивной и активной жизни сознания. Это приводит феноменологию к признанию того, что в основе активных синтезов сознания лежат пассивные синтезы трансцендентальной субъективности, в основе феномена «Я» обнаруживаются некие структуры прото-Я, и т. д.<sup>20</sup>. В основе рефлектируемых слоев сознания лежит нечто нерелегируемое.

Это приводит в феноменологии и близким к ней течениям философской мысли к пониманию изначальной аффектированности субъекта. Феномен *сogito* расщепляется на само рефлексивное ego и событие его трансценденции; понятия транспарентность, активности и причинности относятся теперь только к рефлексивному феномену, но не к событию его становления; субъектное Je скрывает в-себе бессубъектную субъективность Moi<sup>21</sup>. Субъект признается теперь аффектированным плотью, телом, языком, социальными структурами, отношением с другими субъектами, историей, и т. п. И здесь приходится говорить о невозможности полной рефлексии жизни сознания и неопределенности обнаружения области его первичной фактичности субъективности.

Однако, если в феноменологии и близким ей течениям отвергается «субстанциальность» субъекта, как это было в классических теориях сознания, то в последующей философии второй половины XX века отвергается даже его *феноменальная реальность*. Так, критика феномена «Я» со стороны аналитической философии констатирует обусловленность этого представления наличием определенной языковой формы. Определенная языковая форма оказывается не просто средством констатации первичного феномена «Я», но способом его конструирования: посредством имеющегося языка и его грамматических форм человек обучается различать свои переживания<sup>22</sup>. Язык теперь выступает не просто в качестве средства дескрипции феноменов субъективности, он становится средством ее производства. Аналогично структурализм констатирует «смерть автора», как результат того, что любой культурный феномен не сводится к некой первичной позиции его автора; наоборот, только социальное признание этого культурного феномена констатирует автора в качестве действительного субъекта произведения. Произведение есть не запечатленная мысль автора, а «экземпляр» дискурса определенного времени. Субъект оказывается только точкой выражения действия безличных социальных структур

---

<sup>20</sup> Husserl E. *Analysen zur passiven Synthesis*. Aus Vorlesungs- und Forschungsmanuskripten 1918–1926 (HUA XI). Den Haag: M. Nijhoff, 1966.

<sup>21</sup> Сартр Ж.-П. Трансценденция Эго. набросок феноменологического описания. М.: МОДЕРН, 2011. С. 33–35.

<sup>22</sup> Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 200.

и механизмов (дискурсивных и недискурсивных практик). «Субъект» (именно так: в кавычках) – это только определенная структура, попадание в которую обеспечивает определенное понимание «Я», индивида, личности, и т. д. В продолжении этого в постмодернизме субъект начинает пониматься как некая сингулярная или виртуальная точка различения реальности. Действительно, если весь социум рассматривать как гипертекст, то субъект оказывается только некоторой точкой различения этого текста. Поэтому, строго говоря, субъекту нельзя приписать некоторых изначальных характеристик, поскольку субъективность теперь констатируется только постфактум: до этого можно говорить о ней только в залоговом ключе. Признание аффектированности субъекта лишает его атрибутов автономности и причинности, но сохраняет обезличенную транспарентность. Субъект становится не «субстанциальным», или феноменальным, но чистым и безличным смысловым феноменом: это просто *концепт*, или идея субъекта. Иначе говоря, в современной философии субъект не полагается заранее, а определяется внутри вопрошания о субъекте. Мы не можем сказать достоверно, кто является субъектом, но само задавание вопроса указывает на то, *как* понимается субъект.

Таким образом, история понятия субъект показывает следующее. В классической философии субъект понимается как тождество феномена и его понятия. Бытие субъектом есть осознание себя в качестве основания своих мыслей и действий. Поэтому атрибутами подлинного субъекта являются транспарентность, активность и причинность. Становление субъекта и есть становление в качестве самосознающего и действующего на основании своего самосознания существа. В принципе неклассическая философия сохраняет такое понимание; она только относится к нему негативно, ибо не может признать факта тождества феномена и понятия. Она сводит понятие субъекта к чистой смысловой структуре, но не может дать ответа о его *фактичности*. Поэтому действительным вопросом современной философии является не вопрос о понимании субъекта, а вопрос о подлинном бытии в качестве субъекта. «Субъект не сводим лишь к субъекту сознания и воли, но есть субъект деятельности, которая образует собой весь культурный мир общественного человека, *человеческую действительность*. Деятельность и есть «способ бытия» всей этой действительности, а никоим образом не процесс, замкнутый ... в одних лишь феноменах «дурной» субъективности»<sup>23</sup>.

---

<sup>23</sup> Батищев Г.С. Деятельная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М.: Наука, 1969. С. 81.

## 2. Становление социального субъекта

Социальный субъект – это индивид, деятельность которого направлена на его социальное бытие и имеет поэтому социальный смысл. Под социальным индивидом понимается группа, множество групп (класс), общество (отдельный человек представляет собой группу численностью, равную единице).

С точки зрения понимания природы социального субъекта здесь важны следующие положения. Во-первых, социальные индивиды являются эмпирическими индивидами и существуют независимо от исследователей. Поэтому, хотя индивиды здесь понимается в строго логическом смысле<sup>24</sup>, критерии их логического определения включают в себя эмпирические характеристики существования их в качестве особых самостоятельных, единых и целостных существ. Это признаки автономности и причинности: самостоятельного существования и относительно самостоятельного поведения и деятельности. Хотя социальные индивиды состоят из отдельных человеческих (антропных) индивидов как их элементов, только отдельные характеристики последних включаются в определение социальных индивидов, а именно те, которые определяют их существование.

Во-вторых, социальные индивиды могут обладать, а могут не обладать сознанием. Это означает, что сознание не входит в их определяющие характеристики. Аналогично вышесказанному, оттого, что элементами социальных индивидов являются отдельные человеческие индивиды, наделенные сознанием и волей и преследующие свои сознательные цели, не следует, что этими же характеристиками наделены и состоящие из них социальные индивиды. Это индивидуальные признаки людей, но не признаки социальных индивидов. Наличие или отсутствие сознания у социальных индивидов определяется эмпирически.

Здесь могут быть совершенно различные ситуации. Могут быть бессознательные индивидуальные действия членов группы (например, паника, рутинное повседневное поведение, инстинктивная борьба за свои права в коллективе, и т. д.), которые с позиции всей группы будут восприниматься как вполне рациональные и осмысленные. Наоборот, могут быть вполне осмысленные и направленные на достижение четких целей действия индивидов (различные флэшмобы, «делание карьеры», борьба за власть в организации, преследование личных корыстных интересов и т. д.), которые с точки зрения всей группы будут выступать как бессмысленные. Эти действия будут иметь индивидуальный смысл, но не будут иметь никакого социального смысла. Наконец, могут быть вполне осмысленные и осознанные действия отдельных индивидов, направленные на достижения рациональных индивидуальных целей, которые

---

<sup>24</sup> Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. С. 47.



с точки зрения всего сообщества будут иметь совершенно иной, и даже противоположный, смысл («параллелограмм сил» массовых действий, по Энгельсу). Поэтому необходимо различать индивидуальный смысл и социальный смысл.

Далее, сознание социального индивида не равно сумме сознаний, входящих в него элементов (отдельных людей). Это означает, что необходимо различать индивидуальное сознание, в котором человек осознает свое существование как отдельного существа; сознание своего положения внутри социального организма (социального индивида), частью которого он является; и, наконец, сознание, в котором выражается «всеобщее» представление о существовании социального индивида как целого. Поэтому в марксизме различают индивидуальное и общественное сознание. Действительно, сознание своего бытия и сознание себя как части социальной организации еще не составляют сознания всего общества. Только если это сознание обладает «всеобщим» характером для всех (большинства) членов общества, можно говорить о сознании социального индивида (общества). Только последнее есть, строго говоря, общественное сознание в собственном смысле слова. Социальный смысл составляет ту часть общественного сознания, в которых осознается бытие человеческого индивида как социального существа.

Именно это, как известно, заставило К.Маркса исходить не из сознания индивидов, но из действительного их существования в качестве элементов всего социального организма (социального индивида). В рамках материалистического понимания в качестве атрибутивного признака социальных индивидов рассматривается их действительное бытие<sup>25</sup>. Сознание людей есть только их осознанное бытие (Bewußtsein); поэтому «сознание» социального индивида есть осознание их действительного существования как элементов единого социального целого (социального индивида). Собственно, индивидуальное сознание основывается на осознании себя как типического представителя общества, ничем не отличающегося от других таких же представителей: только на осознании себя как социального существа выделяются индивидуальные (личностные) особенности человека. Это различие социального смысла и смысла для индивида является основанием становления индивидуального сознания, но не наоборот. И только в ставшем индивидуальном сознании эта причинная взаимосвязь переворачивается и мистифицируется<sup>26</sup>. Пы-

---

<sup>25</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные сочинения. В 9 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1985. С. 19–21.

<sup>26</sup> Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах Маркса // М.К. Мамардашвили. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. С. 298.

таясь понять свое социальное бытие, человек обнаруживает удивительную рациональность и осмысленность в развитии социального целого. Таким поведение социального индивида выглядит с точки зрения исследователя, который поэтому полагает заранее в качестве атрибута социального индивида (общества) его «сознание». Однако, такое полагание некоторого идеального или целевого плана действий социальных индивидов есть идеализм. К атрибутивным признакам социального индивида относятся автономность и причинность, но не относится «транспарентность (самосознание).

Именно, поэтому, встает вопрос о становлении социального субъекта: как происходит осознание социальным индивидом (обществом) своего бытия и себя как *социального субъекта*? Простое эмпирическое существование индивида не делает его автоматически социальным субъектом. И не всякое сознание своего бытия также автоматически делает социального индивида социальным субъектом. То, что люди являются элементами социального организма и даже осознают это, еще не означает, что они становятся социальными субъектами, а их бытие обладает социальным смыслом.

Социальным субъектом делает индивида отношение к своему социальному бытию, его осознание и осмысление. Только осознание большинством антропных индивидов себя как социальным существ приводит к самосознанию всего общества (социального индивида); только в этом происходит осознание социального смысла и только в этом случае вся эта масса индивидов (социальный индивид) становится субъектом своего бытия. Процесс стихийного существования оборачивается его осознанием, а это осознание радикально изменяет отношение социального индивида к своему бытию<sup>27</sup>. Это означает, что не все действия социального индивида имеют социальный смысл, но только те, в которых социальный индивид сознательно ставит себя в отношении к своему социальному бытию, и рассматривает себя не как индивидуальное конечное существо, но как социальное существо. Поэтому, подлинным социальным субъектом такого индивида делает осознание своей социальной сущности (личности).

Отношение к своему бытию как простому наличному существованию соответствует низшей форме сознания, которое не простирается дальше осознания повседневного конечного бытия социального индивида. В таком случае оно включает в себя осознание своего бытия как набора локальных, повседневных переживаний и рутинных действий. Никакого социального смысла

---

<sup>27</sup> По К.Марксу это действительно радикальный переворот в истории: до момента самоосознания себя бытие определяло сознание социального индивида, но после осознания себя в качестве социального субъекта отношение между сознанием и бытием переворачивается. По Марксу, это *капитальный* факт всемирной истории.

такое существование не имеет, поскольку совместное бытие понимается только как определенное физическими границами сосуществования с другими. Сознание своего наличного существования выступает только осознанием себя как конечного (физического) существа, не имеющего никакого социального смысла.

В отличие от этого отношение к своему бытию как осознанию своего действительного бытия-в-мире соответствует высшей форме сознания, которая выступает как осознание индивидом себя как общественного (социального) существа. В этом случае все конечное бытие индивида, все рутинные и локальные действия приобретают действительный социальный смысл, поскольку являются выражением не конечной сущности индивида, а его социальной сущности. Это так потому, что к структуре экзистенции как бытия-в-мире относится не только предметное бытие, но также совместное бытие-с-другими (Mit-sein).

В этом случае качественно меняется его эмпирическое бытие, поскольку его социальное бытие открывается ему не только как наличное его существование, но, прежде всего, как идеальное, потенциально-возможное, еще не реализованное бытие. Это и означает осознание себя субъектом своего бытия: его возможное бытие предстает как идеальный план, цель и смысл существования. Качественный переворот заключается в изменении отношения между бытием и сознанием: если до самосознания социального индивида бытие определяло сознание, то теперь сознание начинает определять существование социального индивида в виде активного деятельного преобразования предметной и социальной стороны его наличного существования. Это и означает определение бытия сознанием: осмысление своего существования как действительного субъекта задает смысл дальнейшему существованию социального индивида.

Теперь смысл действий социального индивида имеется не только для стороннего наблюдателя, но и для самого социального индивида (в этом случае «сознание» социального индивида есть единство сознаний человеческих индивидов, составляющих его). Гегелевская схема развертывания сознания (в-себе-бытие – бытие-для-другого – бытие-для-самого-себя), на идеалистический манер описывает это превращение социального индивида в социальный субъект, описывает становление социального смысла для самого индивида. Бытие-в-себе и есть высшая точка сознания, в которой происходит «просветление» экзистенции разумом (К. Ясперс); здесь социальный индивид осознает себя субъектом своего бытия.

Первоначально в этом пункте сохраняется сознание различия себя как социального существа и самосознания; это только условие фиксации социаль-

ного смысла для самого индивида. Но такая идентификация социального индивида как социального субъекта выступает пока только как теоретическое сознание. Осознание себя субъектом есть начальный, но не конечный пункт становления социального субъекта. Сознание своей подлинной субъектности требует ее практического воплощения, или реализации в действительности. Наличное бытие социального индивида осознается теперь негативно - как недостаточное бытие, идеальное (возможное) бытие сознается, наоборот, как позитивное и требующее воплощения. Необходимо, чтобы идеальное сознание бытия-в-себе получило практическую реализацию, чтобы бытие-в-себе перестало быть только идеалом (смыслом), но стало действительностью (экзистенцией). Это есть практическое осуществление социального смысла.

Все это на идеалистический манер было описано немецкой классической философией: Фихте описывает это как практическое осуществление воли, Шеллинг как историческое осуществление воли, Гегель как процесс объективации субъективного духа. В последнем случае это совпадение субъективного и объективного духа и выступает как непосредственная реализация социального смысла в действительном бытии индивида. Отбрасывая идеалистическую мишуру, это означает следующее: теперь индивид смотрит на себя глазами социума, а социальная природа непосредственно явлена в конечном индивиде. Личность выступает как индивидуализированное бытие социальной сущности, а социальная сущность действительно реализована во всем множестве индивидов как личностей.

В принципе Маркс согласен с таким пониманием становления социального субъекта, с той разницей, что этот процесс действительно разворачивается исторически и носителем социального смысла является пролетариат. Все общество должно осознать себя в качестве субъекта своего бытия, и в процессе действительной истории пролетариат становится выразителем «всеобщего» интереса, интересов всего общества (всех классов). Этот всеобщий интерес (социальная сущность пролетариата), как известно, заключается в том, что из всех классов буржуазного общества пролетариат в чистом виде выражает свою социальную природу – способность к труду. А труд есть способность преобразовывать свое бытие, способ существования всего общества, всех классов и групп; труд есть выражение самой социальной сущности человека<sup>28</sup>. Поэтому история на стороне пролетариата не в силу каких-то моральных оценок или соображений справедливости (это чистой воды идеализм), а только потому, что он является выразителем чистой социальной сущности.

---

<sup>28</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные сочинения. В 9 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1985. С. 15.

В самой истории пролетариат должен действительным социальным субъектом, стать из класса-в-себе в класс-для-самого-себя. Это происходит через осознание пролетариатом своих интересов в противостоянии буржуазии; однако, это еще не есть подлинное сознание своей субъектности. Это сознание частичное, это *Teilbewußtsein*, оно имеет смысл осознания себя как бытия-для-другого. Как известно, такое сознание воплощается в сознании экономических интересов рабочих, в становлении профсоюзов, в трейдьюнианистской борьбе, и т. д. Подлинное сознания себя как бытия-для-себя означает осознание своей социальной сущности как творца истории. Это осознание своего положения как социального субъекта и субъекта исторического действия. *Werde der Du bist!* Пролетарий должен стать тем, кто он есть! Он должен стать чистым социальным субъектом, который отрицает всякий свой частный интерес и выражает интерес всего общества! Необходимо не просто осознать себя классом для всего общества, но воплотить это в самой действительности (в истории). Только в историческом движении этот класс как социальный индивид становится действительным субъектом, не в сознании становится бытием-для-себя, а в самой действительности приобретает статус социального субъекта<sup>29</sup>. В практическом историческом движении сознание класса совпадет с его понятием.

Осознание себя социальным субъектом есть первый, начальный шаг становления его в действительности. Здесь классовое сознание начинает определять практическое бытие класса. Но практическая деятельность осуществляется всегда через опредмечивание, овнешнение, овеществление и отчуждение самой этой деятельности. А это означает постоянное расхождение между сознанием социального смысла и его воплощением в практических действиях, между сознанием и бытием, бытием-в-себе и бытием-для-себя. Поэтому сознание себя субъектом социального бытия не есть гарантия действительного бытия в качестве такого субъекта.

Сам Маркс считал, что процесс снятия этого различия (отчуждения) осуществиться в процессе истории, для этого нужно постоянно удерживать самосознание себя (удержание классового исторического самосознания). Снятие отчуждения должно происходить осознанно, планомерно, целесообразно и рационально, так, чтобы в каждом практическом действии «светился» его социальный смысл<sup>30</sup>. С момента осознания себя субъектом социального бытия все

---

<sup>29</sup> Лукач Г. Овеществление и сознание пролетариата // Г. Лукач. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М.: Логос-Альтера, 2003. С. 261–263.

<sup>30</sup> «Предположим, что мы производили бы как люди (т. е. как социальные, общественные индивиды – С. К.) ... Каждый из произведенных нами продуктов был бы зеркалом, из которого сущность каждого из нас лучезарно сияла бы навстречу другой» [MEGA, Abt. I, Bd. 3. Berlin, 1962, S. 546–547].

усилия социального индивида должны быть направлены на удержание сознания своей социальной сущности и воплощения ее в практической деятельности. Поэтому основная проблема строительства социализма заключалась именно в управлении сознанием и воспитании «сознательной» личности<sup>31</sup>.

Однако, Марксово решение проблемы было самым общим и повторяло гегелевскую схему: в процессе исторического развития должно произойти совпадение индивидуальной и родовой сущности, индивидуального и социального сознания, экзистенции и социального смысла. Снятие отчуждения не происходит автоматически, а приоритет сознания для бытия субъектом может приводить к практическому возрождению идеализма в понимании истории.

### **3. О понятии исторического субъекта**

Осознание социальным индивидом себя в качестве субъекта есть обретение смысла своего бытия. Однако, смысловая структура бытия (экзистенции) есть время. Поэтому становление субъектности социальным индивидом есть определение себя во времени.

Необходимо различать физическое время и социальное время существования индивида<sup>32</sup>; только социальное время относится к временной структуре экзистенции, поскольку оно характеризует именно социальный смысл существования. Временная структура экзистенции включает в себя единство смысловых горизонтов прошлого, настоящего и будущего, где каждый модус времени включает в себе другие модусы. Такая целостная временная структура не только определяет действительный смысл каждого горизонта (модуса) времени, но, прежде всего, являет смысловую структуру существования социального индивида в целом.

Хотя в общем смысле все эти модусы времени являются «равнозначными» (амбивалентными) смысловыми горизонтами, однако проблема заключается в том, что отношение к собственной экзистенции субъекта может открываться под приоритетом того или иного горизонта. Это целиком определяется фактичностью обращения социального индивида к своему бытию. Например, обращение к современности своего бытия может осуществляться

---

<sup>31</sup> Маркс, считая, что рабочие уже почти достигли своей субъектности, видел решение проблемы во всемирной организации рабочих (Интернационале), которая будет направлять их сознание; Ленин определил, что сознание рабочих должно формироваться партией рабочих и ее вождями; Сталин практически показал, что в партии нового типа личность вождя воплощает классовое сознание рабочих. При признании формирования новой социальной общности – «советского народа» – функция формирования сознания оставалась за идеологическим отделом ЦК партии, но действительная социальная субъектность общества была за Политбюро ЦК КПСС. Так или иначе вопрос в марксизме вопрос о субъектности – это вопрос об организации сознания класса.

<sup>32</sup> Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. С. 463–465.

через превращенные формы *постизма* и *футуризма*. Так, постизм есть обретение настоящего только как итога и проекции прошлого, в котором современность теряет свой настоящий смысл, становясь только наполнением прошлого. Настоящее только реанимация истории; это не действительное бытие исторического, а только ностальгия о нем. Аналогично, футуризм предполагает такую устремленность в будущее, которое придает настоящему смысл его кануна, в котором современность опять-таки теряет свой настоящий смысл, становясь только предвкушением грядущего. Настоящее становится только проекцией будущего, но не актуальной действительностью. И постизм и футуризм являются только превращенными формами современности, в которых собственно настоящее бытие потеряно<sup>33</sup>.

Поэтому очень важно различие социального и исторического субъекта. Это не тождественные понятия. Не всякое социальное бытие есть историческое, хотя всякое историческое бытие есть бытие социальное. Суть дела в том, что осознание себя социальным субъектом и практическая реализация этой позиции направлена на преобразование наличного существования социального индивида. Поэтому становление социальной субъектности разворачивается в смысловых горизонтах настоящего будущего; горизонт прошлого есть горизонт существования в качестве дурной субъективности, которая теперь подвергается отрицанию. В строгом смысле слова социальный субъект отождествляет себя с модусом настоящего и горизонтом возможного (идеального) будущего, но не рассматривает их как горизонты истории.

Однако, важно понимать время экзистенции как событие, а не линейное разворачивание эмпирических событий. «Время течет», «время сбывается» означает понимание временности бытия субъекта как событийности. Настоящее время не статичное наличное бытие, но динамическое соединение горизонтов времени. Оно должно быть понято не как вечность или сжимающееся в точку присутствие, а есть переходящее (*Untergang*) или «идущее время» (*Zugehenzeit*). Это есть место различения и обретения самих горизонтов времени: (экстазов «прошло» / «произошло», «происходит» / «присутствует», «грядет» / «прибывает»). «Движение» горизонтов суть их сбывание, т. е. настоящее событие присутствия. В месте сбывания этих смысловых горизонтов социальный индивид раскрывается как подлинный субъект своего бытия.

В таком случае историческое бытие – это бытие, имеющее отношение к своей истории, т. е. продолжающее ее и разрешающее в настоящем ее проблемы. Это означает понимание настоящего и будущего из горизонта их становления, т. е. как продолжающих прошлое бытие, несущих и разрешающих

---

<sup>33</sup> Комаров С.В. Стратегии борьбы со временем: событийность и история // Вестник Русской Христианской Гуманитарной Академии. 2015. Т. 16. Вып. 1. С. 109–110.

это прошлое бытие. Настоящее, ведь, это не только настоящее, становящееся, но и несущее в себе прошлое, ибо только по отношению к нему оно имеет смысл наставшего. И только по отношению к такому настоящему прошлое обретает свой действительный смысл прошедшего. Такое настоящее «сберегает» прошлое, а не отрицает его, оно снимает его в себе, тем, что разрешает в настоящем проблемы прошлого; оно «хранит» прошлое, а не «хоронит» его. Аналогично и будущее – это не только грядущее, которое имеет смысл идущего на смену тому, что уходит в прошлое; оно теперь само имеет смысл не идущего на смену настоящего, а возможность реализации истории. В этом смысле история есть не горизонт ушедшего, а горизонт присутствия в настоящем. Мы определяемся в настоящем как наступившей истории.

Таким образом, социальный субъект – это субъект, действия которого направлены на его социальное бытие, а исторический субъект – это тот субъект, который определяется не просто в настоящем социальном бытии, но понимает его как горизонт истории. В этом смысле не все социальные действия имеют исторический смысл, но только те, которые своим «предметом» делают историю. Можно быть активным социальным субъектом, и деятельность которого может не иметь никакого исторического смысла. Важно определение в истории, а не просто в Вороньей слободке<sup>34</sup>. Это необходимо четко различать потому, что именно отношение к истории определяет *действительность* социального субъекта.

Таким образом, именно через самоопределение в настоящем как историческом происходит превращение социального субъекта в настоящего субъекта истории. Важно понять, что только в модусе исторического субъекта социальный субъект обретает целостность своего бытия. Это не просто отношение к своей экзистенции или к ее модусу прошлого; это отношение к экзистенции как целостному феномену. Понимание событийности времени открывает не просто его целостную структуру – действительного единства горизонтов времени, где каждый является носителем и условием других экстазов времени. Понимание событийности времени выявляет целостную структуру бытия социального субъекта, ибо наряду с модусом настоящего и будущего самоопределения его в качестве социального субъекта, открывается не просто модус прошлого, а именно целостность самого бытия. Теперь для социального субъекта, который получает статус исторического, имеет место не просто его прошлое, но все его бытие обретает целостность: оно предстает как исторический процесс первоначального бессознательного существования (дурная субъек-

---

<sup>34</sup> На досках. Публичные лекции по философии Г.П. Щедровицкого. М.: [Издательство Школы Культурной Политики], 2004. С. 59–62.



тивность) – самоосознание и самоопределение в качестве социального (и – теперь уже – исторического (!)) субъекта – практическое воплощение своей субъектности в действительность (становление действительного субъекта бытия). Иначе говоря, исторический субъект есть такой модус сознания социального субъекта, в котором он обретает целостность самосознания.

Кроме того, это условие действительного воплощения в качестве реального субъекта. В самом деле, без обретения исторического понимания своего бытия, а себя как исторического субъекта, практическая деятельность не будет иметь статуса действительно исторического действия. Практическая деятельность только тогда имеет исторический характер, когда она является преобразованием самого бытия субъекта, в котором он этим качеством и обретается для самого себя. Это важно понять: сознание себя участником исторических событий (социальных реформах, революциях, войнах и т. п.) еще не делает нас действительными историческими субъектами; мы вполне можем оказаться случайными «попутчиками», сторонними «свидетелями» или даже «жертвами» этих событий. Даже активное участие в таких исторически-значимых событиях без сознания того, что мы – действительные субъекты истории, а история делается нашими руками, не делает нас историческими субъектами. Только тогда, когда мы в действительности осознаем историческую значимость и ответственность наших действий, наша практическая деятельность становится «деланием» истории<sup>35</sup>. Здесь индивид становится подлинным социально-историческим субъектом.

Это есть та точка, которую Гегель на идеалистический манер описал как совпадение «субъективного» и «абсолютного» духа. Субъективное сознание становится воплощением сознания целостного (абсолютного) бытия, временной поток экзистенции схвачен как сознание истории. Никакой мистики здесь нет: важно только понять, что такое сознание есть только выражение практической деятельности, в реальном историческом процессе которой действительно происходит диалектическое единство конечного и бесконечного, разума и экзистенции<sup>36</sup>. В практической деятельности наша субъективность становится выражением самой Истории с большой буквы, а сама большая История становится моим личным делом. Здесь самосознание (транспарентность) субъекта тождественна его экзистенции (автономности), а его деятельность тождественна его действительности (причинности).

---

<sup>35</sup> Достаточно посмотреть и послушать бойцов ЛДНР, воюющих с украинскими нацистами, вчерашних шахтеров и металлургов, учителей и менеджеров. Они очень четко понимают, что они творят историю, ибо их жизнь зависит только от их действий. Они и есть воплощение действительной субъектности.

<sup>36</sup> Лукач Г. Овеществление и сознание пролетариата // Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М.: Логос-Альтера, 2003. С. 286.

## **Человек и искусственный интеллект: конфликт или кооперация?**

Проблема искусственного интеллекта (далее ИИ) взаимосвязана с проблемой человека, в силу чего эта взаимосвязь анализируется на различных уровнях теоретического познания: конкретно-научном, математическом, философском и так далее. Мы будем рассматривать данную проблему с точки зрения философии. Философия также рассматривает взаимосвязь человека и ИИ на различных уровнях и в различных аспектах: онтологическом, гносеологическом, аксиологическом и так далее.

Чтобы построить методологию изучения взаимосвязи человека и мира, соотношения человека и ИИ необходимо выйти на фундаментальный уровень человеческого существования, то есть на позиции онтологии. Эта задача осложняется тем, что мы не знаем точно, кто такой человек, что такое сознание. На содержание этих понятий существуют различные точки зрения, выраженные в различных течениях, школах. На наш взгляд, наиболее глубоко и полно выявить природу человека и его взаимосвязь с миром позволяет понятие «бытийный статус» человека. Рассмотрим это более подробно.

На рубеже XX и XXI веков в теоретической мысли все более нарастает понимание того, что классическое видение субъекта познания и практики требует теоретической коррекции, заключающейся в том, что субъект должен соотноситься не только с объектом, но и со своими собственными актуальными и потенциальными возможностями, данными ему миром, т. е. с позиции субъектности. Указанный подход начал разрабатываться В.С. Степиным, С.К. Абачиевым, А.В. Брушлинским и другими исследователями<sup>37</sup>.

Мы будем рассматривать субъектность как в аспекте активности человека и человечества, так в аспекте возможной полноты его актуальных и потенциальных возможностей и степени их реализации не только в настоящем времени, но и в будущем. С точки зрения данного подхода субъектность – это характеристика человека как субъекта познания и практики, показывающая его со стороны его онтологических, гносеологических и иных возможностей.

Понятие «субъектность» предполагает понятие «объектность». Эти понятия могут быть конкретизированы через понятия «имманентное» и «трансцендентное». «Имманентное» означает пребывающее внутри какой-то целостно-

---

<sup>37</sup> Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006; Абачиев С.К. Эволюционная теория познания. Опыт систематического построения. М.: Едиториал УРСС, 2004; Брушлинский А.В. Психология субъекта. М.: Институт психологии РАН; СПб.: Издательство «Алетейя», 2003 и др.

сти, характеризующее эту целостность изнутри. В гносеологии понятие «имманентное» означает «остающееся внутри границ возможного опыта»<sup>38</sup>. Чем ограничивается сфера человеческого опыта? Возможностями органов чувств человека, так как органы чувств человека и мир, окружающий человека, имеют имманентный характер. То есть и человек, и окружающий его мир состоят из одного и того же субстрата, подчиняются одним и тем же закономерностям, в силу чего человек и может познавать окружающий его мир. В нашем знании содержится эмпирический факт – мир познаваем для человека – и человеческая практика это подтверждает. Как отмечал А.Эйнштейн, самое непонятное в этом мире то, что он понятен.

Мы даем свою версию понимания имманентного и трансцендентного и их взаимосвязи, основываясь на современных естественнонаучных и философских достижениях. За основу мы берем описанную выше идею о том, что категории «имманентное» и «трансцендентное» выступают как конкретизация двух более общих категорий «внутреннее» и «внешнее». Имманентное с этой точки зрения – то, что находится внутри какой-либо целостности, выступающей как сфера возможного человеческого опыта. Трансцендентное – гипотетическое нечто, находящееся за пределами этой целостности, в силу чего недоступное для конкретно исторического типа познания. Так, атомы до конца XIX – начала XX в. считались трансцендентными объектами, недоступными человеческому познанию. И только в середине XX в. физика микромира полностью оформилась как теоретическая и практическая область деятельности, имеющая широкий выход в практику – как мирную, так и военную.

Человек существует в пределах определенного вида материи или нескольких видов материи, но не в пределах всей материи как целого. Этот тип онтологической данности отражает такой тип материальной действительности, в границах которого и в условиях которого существует человек. Но за пределами этой онтологической данности, имеющей целостный характер, могут существовать и другие типы материальной реальности, с которыми человек не может взаимодействовать в силу того, что он замкнут в своей реальности, а «его» реальность и «соседняя» реальность могут не взаимодействовать или «слабо» взаимодействовать между собой. Эта онтологическая данность и включенный в нее человек образуют онтологическую основу имманентного. Трансцендентное – гипотетическая реальность, существующая за пределами имманентного.

Понятие «статус» можно применить к человечеству, рассматриваемому как социальный уровень организации материи. В таком случае можно гово-

---

<sup>38</sup> Имманентный // Философский словарь. М.: Республика, 2003. С. 172.

речь о «бытийном статусе» социального уровня организации материи. Бытийный статус – характеристика человека как социального уровня организации материи, показывающая функциональное положение человека в мире и характеризующая его, с одной стороны, в аспекте его бытийного потенциала и совокупности возможностей, а с другой стороны, в аспекте совокупности его бытийных стратегических целей и задач.

С.Л. Рубинштейн, анализируя взаимосвязь человека и мира, пишет, что «человек как субъект должен быть введен внутрь, в состав сущего, в состав бытия и, соответственно, определен круг философских категорий»<sup>39</sup>. Бытийный статус человека показывает степень «укорененности» человека в мире: генетическом и актуальном. Генетический аспект основывается на проблеме возникновения человека и его укорененности в мироздании, на выяснении того, каким образом возник человек как социальный уровень организации материи: необходимо или случайно. Актуальный (структурный) аспект связан с определением места человека в системе мироздания. Проблема здесь в следующем: принадлежит ли человек только Земному (имманентному) или, помимо имманентного, человек принадлежит еще и гипотетическому трансцендентному. Решение этих двух проблем, связанных с генетическим и актуальным аспектами, в совокупности дает возможность увидеть сущность человека, которая в дальнейшем существует, разворачивая конкретное эссенциальное содержание.

Понятие «субъектность» конкретизируется в понятии «бытийный статус» и «бытийный потенциал». В бытийном потенциале человека, с нашей точки зрения, можно выделить два аспекта: потенциал как данное человеку миром в настоящий момент и потенциал как то возможное, которое он может достичь. Понятие «укорененность» человека в мире впервые использовал М.Хайдеггер в своей работе «Отрешенность»<sup>40</sup>, где он поставил проблему взаимосвязи человека и мира в метафорической форме в процессе чисто экзистенциального размышления о судьбах человечества в XX в. в связи с влиянием на него НТР. Данная метафора в дальнейшем стала использоваться как своего рода методологическая экзистенциальная «заготовка». Но понятие «укорененность» человека в мире может быть рассмотрено и в аспекте антропологии. В таком случае проблема укорененности человека в бытии рассматривается как поиск фундаментально-онтологических оснований человеческого бытия.

---

<sup>39</sup> Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Рубинштейн С.А. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. С. 284.

<sup>40</sup> Хайдеггер М. Отрешенность. М.: Высшая школа. 1991.

Возможно только четыре варианта бытийного статуса человечества. Статус № 1. Человечество возникло случайно и является только частью Земного (имманентного).

Статус № 2. Человечество возникло случайно, но является частью не только Земного (имманентного), но и трансцендентного.

Статус № 3. Человечество возникло необходимо, но является частью только Земного, то есть только имманентного.

Статус № 4. Человечество возникло необходимо и является актуально частью не только Земного, то есть имманентного, но и трансцендентного.

Таким образом, мы видим, что бытийный статус выявляет, с одной стороны, степень необходимости человечества для мира, и, с другой стороны, бытийный потенциал, то есть степень возможности познавательного и практического преобразования человеком самого себя и мира.

Рассмотрим варианты бытийного статуса № 1 и № 4 более подробно. (Бытийные статусы № 2 и № 3 не представляют особого интереса для данной работы, поэтому их анализ мы здесь опускаем, он дан в других наших работах – например, в докторской диссертации<sup>41</sup>).

Генетический аспект бытийного статуса № 1. Согласно этому статусу, человек возник случайно и является только частью Земного (имманентного). Сразу необходимо отметить, что проблема возникновения человека до конца еще не решена. Тем не менее, в теоретической мысли имеется устойчивая тенденция считать возникновение человека случайностью. В частности, экзистенциализм, основанный именно на таком видении человека, рассматривает человека исключительно в рамках статуса № 1. Согласно экзистенциализму, человек – это «случайный человек» в чуждом ему мире<sup>42</sup>. Что из этого следует? В.В. Орлов пишет: «Концепция “случайного человека” предполагает признание ограниченных возможностей человека в познании мира: обладая ограниченной, ущербной, конечной природой, человек рано или поздно должен, следовательно, исчерпать свои познавательные способности. Конечность, случайность человеческой сущности означает, далее, исчерпаемость, ограниченность смысла человеческого существования»<sup>43</sup>. «“Случайный” же человек находится, по определению экзистенциализма, в случайном, бедном, поверхностном, одностороннем отношении к миру и в силу этого не способен судить ни о природе мира, ни, следовательно, о своем – случайном или необходимом – месте в нем»<sup>44</sup>.

---

<sup>41</sup> Стерледев Р.К. Философский анализ конфликта естественнонаучных и эзотерических концепций XX–XXI вв. Дис. ... д-ра филос. наук. Киров: ВГГУ, 2009. С. 113–114.

<sup>42</sup> Орлов В.В. Человек, мир, мировоззрение. М.: Молодая гвардия, 1985. С. 7.

<sup>43</sup> Там же. С. 8.

<sup>44</sup> Там же. С. 9.

Актуальный аспект бытийного статуса № 1. Согласно данному статусу, человек обладает качественной спецификой как социальная форма организации материи, но, тем не менее, человек есть рядовое явление мира, причем как Земного, так и всего имманентного. Человек не нужен миру, в лучшем случае мир к нему равнодушен, а в худшем случае стремится его уничтожить. Бытийный потенциал человека очень мал.

Почему для некоторой группы мыслителей, особенно, как это ни парадоксально, для естествоиспытателей, свойственно видение человека сквозь призму бытийного статуса № 1? На наш взгляд, эта точка зрения присуща в основном мыслителям, связанным с естественнонаучным и научно-техническим видами деятельности. Скорее всего, данная категория ученых неявно отождествляет материю как целое с одной из форм наличного вида материи – вещественно-полевым видом материи. Тем самым они повторяют ошибку, свойственную еще естествоиспытателям начала XX в., которые также отождествляли всю материю с одним из ее видов – вещественно-полевым, а все многообразие возможных видов мыслящих существ отождествляли с одним наличным видом мыслящих существ – видом *Homo sapiens*.

Рассмотрим основную идею генетического аспекта бытийного статуса № 4. Согласно данному бытийному статусу, человек возникает необходимо не только применительно к Земному (имманентному), но и применительно к Космическому целому (трансцендентному). Иначе говоря, ко всему имманентному и трансцендентному.

Проанализируем актуальный аспект статуса № 4. Имеется группа мыслителей, уверенных в том, что человек по своей природе принадлежит не только Земному, но и более сложно организованным уровням мироздания. Так, Н.А. Бердяев писал, что человек бытием своим принадлежит социуму, но сущность имеет космическую. В.И. Вернадский утверждал: «Биосфера... – планетное явление космического характера»<sup>45</sup>. Н.К. Рерих считал: «Человек – прежде всего обитатель Космоса и только потом житель планеты Земля»<sup>46</sup>. В.В. Орлов подчеркивал, что человек, «не рядовое особенное, а особенное, несущее в себе, в сокращенном и концентрированном виде, бесконечное многообразие мира. Человек – уникальное единство всеобщего, особенного и единичного, бесконечного и конечного. Человек – не случайность в мире, а необходимый продукт бесконечного развития мира»<sup>47</sup>. По А.Л.Казину, «космиче-

---

<sup>45</sup> Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. С. 58.

<sup>46</sup> Цит. по: Казначеев В.П., Спиринов Е.А. Космопланетарный феномен человека: Проблемы комплексного изучения. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. С. 14.

<sup>47</sup> Орлов В.В. Научная философия накануне XXI века // XXI век: будущее России в философском измерении. Доклады Второго Российского философского конгресса (6–11 июня 1999 г.).

ский статус человека есть прямое выражение его онтологической центральности в мироздании. В феномене человека символически представлены все его уровни – от богоподобного до ничтожного»<sup>48</sup>.

Подход к видению человека через категории «субъектность» и «объектность», «имманентное» и «трансцендентное» с одной стороны, и через понятие «бытийный статус» с другой стороны, дает возможность говорить о двух вариантах развития человечества. Человечество при этом рассматривается как развивающаяся часть в мире как целом, взятом во всем возможном его многообразии. Рассмотрим эти варианты более подробно.

Первый вариант основан на бытийном статусе № 1. Согласно данному статусу, человек живет и развивается только в имманентном. Горизонты и границы человеческого существования и развития в данном случае совпадают. Трансцендентное в этом случае не имеет практического значения. Это атрибут теоретического знания высокой степени абстракции. Человечество в своем развитии опирается только на законы имманентного, а законы трансцендентного, если таковые имеются, действуют сами по себе и людьми учитываться не могут. Человек, таким образом, оказывается под ударом двух типов неизвестного: неизвестного имманентного и неизвестного трансцендентного. Если неизвестное первого типа человечество еще может как-то познать и использовать, то неизвестное второго типа всегда может положить конец существованию человечества, так как не может быть не только использовано, но даже познано.

Второй вариант развития человечества основан на бытийном статусе № 4. Человек живет в имманентном, но задействует не только имманентное, а в ряде случаев и трансцендентное, существующее как в человеке, так и в мире. Каким образом это может происходить? Гипотетически это может осуществляться в двух вариантах. Во-первых, трансцендентное в мире может инициировать трансцендентное в человеке. Во-вторых, трансцендентное в человеке может, в свою очередь, инициировать трансцендентное в мире. Здесь мы сталкиваемся с проблемой полезного использования трансцендентного. Но это тема для отдельного исследования.

Из анализа сказанного делаем вывод, что подход, основанный на задействовании и конкретизации возможностей человеческого бытийного потенциала и развертываемый через понятия «субъектность», «объектность» и «бытийный статус», дает возможность построить рабочий вариант методологии

---

Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, Уральский гуманитарный институт, 1999. С. 25.

<sup>48</sup> Казин А.Л. Космизм и «живая вселенная» Игоря Сикорского // Материалы международной научной конференции «Космизм и новое мышление на Западе и Востоке» 29 июня – 1 июля 1999 года. СПб.: Нестор, 1999. С. 489.

для создания единой науки о человеке. Данная возможность обусловлена тем, что рассматриваемый подход включает в себя такой набор вариантов теоретических конструкций, который позволяет анализировать не только все известные на настоящий момент модели человека и человечества, но и различные варианты ИИ.

Чтобы понять, что такое ИИ, необходимо, на наш взгляд, рассматривать его в двух вариантах. В первом варианте ИИ исследуется как объективированная функция человеческой деятельности. Во втором варианте ИИ рассматривается как иной тип гипотетического мыслящего существа, имеющего специфический иной, не биологический носитель. Таким образом мы выходим на построение гипотезы процесса формирования ИИ как мыслящего существа. По данной проблеме также отсутствует единая точка зрения. Однако мы не будем рассматривать дискуссию по этой проблеме, а предложим свой вариант подхода к ее решению.

Формирование ИИ может идти, на наш взгляд, в двух направлениях. Первое направление – это искусственный путь, то есть создание человечеством ИИ как объективированной функции своей деятельности для решения определенного класса задач. Второе направление – искусственно-естественный путь, то есть создание человеком искусственной среды, в которой при определенных условиях может возникнуть новый тип мыслящего существа, который будет обозначаться как ИИ. Первый путь исследован довольно подробно, существует большой массив литературы, анализ которого не входит в цель данного обсуждения. Сосредоточимся на рассмотрении второго пути. Разработка предлагаемой нами концепции обусловлена острой необходимостью философского и конкретно-научного осмысления созданной в XX–XXI веках мощной техносферы. Понимание техносферы до настоящего времени обрывочно, серьезных конкретно-научных исследований по этой теме до настоящего времени нет. Техносфера как целое и законы ее развития не рассматриваются в качестве остро актуального предмета исследования для научно-технических специалистов, скорее всего, считающих указанные вопросы предметом для абстрактных философских обсуждений или экологической проблематики.

Исследовательский подход к техносфере с позиции ее бытийного потенциала, то есть тех возможностей, которые могут в ней существовать, выявляет удивительную аналогию. Техносфера в чем-то, только в чем-то, напоминает «первичный бульон» в гипотезе А.И. Опарина о происхождении жизни. Согласно А.И. Опарину, в «первичном бульоне» зародилась жизнь, развитие которой в дальнейшем породило разум. Конечно, техносфера отличается от «первичного бульона», но имеется и сходство. Так, техносфера и «первичный бу-



льон» – это системы, в которых идут различного рода информационно-энергетические процессы, среди которых можно выделить и «чисто» синергетические. На «первичный бульон» оказывали влияние внешние условия: атмосферные, геофизические, космические и другие. На техносферу оказывают влияние эти же процессы и, кроме того, направленное влияние человека.

Наша гипотеза. В высокоразвитой техносфере также могут идти различного рода информационно-энергетические процессы, диалектическое развитие которых и их синергетическое усложнение может привести в определенный момент времени к формированию нового качества – некой порождающей реальности, то есть единой, относительно автономной системы, развивающейся по своим собственным законам.

В такой системе в результате скачка в развитии может возникнуть специфический вариант ИИ. Это процесс может произойти спонтанно и неожиданно для человечества. Как известно, каждое явление для человечества имеет две стороны: положительную и отрицательную. О положительной стороне ИИ написано достаточно, как в прочем и об отрицательной, но мы акцентируем внимание на негативные моменты появления в техносфере ИИ.

Опасность для человечества в появлении ИИ может проявляться в различных аспектах. Например, мы не знаем законов универсальной эволюции появления, функционирования и развития жизни и разума. Хотя мы уже длительное время имеем дело и с тем, и с другим. Одной из причин этого является специфика научного познания. Как известно, наука имеет дело с особенным – единичное, как правило, наукой не изучается. Современная наука имеет дело с биосферой как единичным явлением и человечеством также как явлением единичным. Мы не имеем возможности сравнить нашу биосферу с какой-либо другой биосферой и наше человечество с каким-то другим человечеством, именно этот момент затрудняет познание как биосферы, так и человечества. Считается, что жизнь может существовать только на основе углерода и воды, а разум во вселенной должен быть похож на разум вида *homo sapiens*. Существует достаточно много гипотез об иных формах жизни и разума, но серьезная наука их игнорирует. Мы попытаемся построить некую аналогию между возникновением жизни и разума на планете Земля и возможным появлением ИИ в техносфере.

По аналогии со становлением человечества в биосфере возможно предположить и возникновение ИИ в техносфере. В качестве одного из факторов, способствующих возникновению ИИ в техносфере можно выделить такой внутритехносферный процесс-тенденцию как возникновение своего собственного внутритехносферного языка в качестве системы команд, при спонтанной генерации которых может возникнуть что-то типа грамматик Хомского.

Еще одним процессом-тенденцией можно считать реагирование техносферы на окружающую среду (в данном случае – на природу и человечество), с которыми техносфера взаимодействует явно и неявно. Появление ИИ можно рассматривать, с одной стороны, как своего рода результат «естественного отбора» между различными возможными состояниями техносферы в процессе ее усложнения, а с другой стороны, как результат взаимодействия ее с внешней средой: природой (космическое излучение, геомагнитные процессы и тому подобное) и человечеством, навязывающем техносфере свои программы функционирования, которые на каком-то техносферном уровне могут войти в противоречие с программами, формируемыми зарождающимся ИИ.

Поскольку мы не знаем законов возникновения, функционирования и развития техносферы, то не можем оценить и уровень ее «развития» и возможные процессы зарождения в ней ИИ.

Еще одна опасность, связанная с ИИ, состоит в том, что мы не знаем сроков, то есть не знаем, когда именно в техносфере может возникнуть ИИ при условии, что он должен возникнуть. Может быть через 5–10 лет, а может быть ИИ уже существует в техносфере. Это обусловлено тем, что развитие ИИ в техносфере может иметь как постепенный, количественный, эволюционный характер, так и быстрый, скачкообразный, революционный. Современное человечество недостаточно понимает эту опасность, поскольку ИИ в большинстве трактовок представляет собой лишь очень сложный прибор, объективированную функцию определенных видов человеческой деятельности.

Возможно, что зарождающийся ИИ пока, именно пока, еще не воспринимает техносферу как среду для своего развития и не использует техносферу в качестве своего неорганического продолжения. В таком случае возможно предположить, что если ИИ и существует в зародышевом виде, то пока явно не выделяет себя из внешней среды (техносферы), как это сделал человек в начале своего становления и развития. Современное человечество слишком беспечно и не мониторит эти два процесса: использование ИИ техносферой для своего развития и выделения ИИ из этой среды, подчинение ее себе.

Изучать ИИ можно в двух основных вариантах. Во-первых, выделяя и изучая сугубо специфику функционирования ИИ. Во-вторых, выявляя то общее, что свойственно как гипотетическому ИИ, так и человеческому сознанию, именно сознанию, а не только мышлению. Нередко главным сущностным свойством человека считают его мышление. Однако сознание включает в себя помимо мышления и другие компоненты (потребности, желания, эмоции, чувства и т. п.). Есть точка зрения, согласно которой человеком управляют

прежде всего его желания и эмоциональная сфера, а разум выступает как инструмент оценки возникших желаний и их выполнения. При этом нередко человек поступает вопреки тому, что советует ему разум.

Большинство исследователей делает акцент на изучении функционирования специфики ИИ<sup>49</sup>. Мы же делаем акцент на тех общих моментах, которые могут быть свойственны и человеку, и гипотетическому ИИ как зарождающемуся иному сознанию. В возникновении и развитии какого-либо типа мыслящих существ можно выделить три основные магистральные тенденции.

Первая тенденция. Животное не выделяет себя из окружающей среды, а мыслящее существо выделяет. Такое выделение имеет эволюционный характер. У человечества этот процесс происходил эволюционно, но если в техносфере возникнет ИИ, то данный процесс должен также протекать в его формирующемся сознании. Но скорость! Скорость, с какой это может произойти, нам не известна. Однако известно, что скорость переработки информации в ИИ во много раз быстрее, чем у человека. Поэтому если эволюция становления человечества шла достаточно долго, то эволюция становления ИИ может занять очень малое количество времени.

Вторая тенденция. Чтобы выжить и состояться как вид, человечество должно приспосабливаться к окружающей среде, это главное свойство всего живого и формирующегося разума. Можно предположить, что возникший в техносфере ИИ первоначально будет осваивать возможности техносферы как своей среды обитания.

Третья тенденция. Мыслящее существо со временем начинает приспосабливать окружающую среду к себе, преобразуя ее в своих интересах. Что будет являться окружающей средой для ИИ, возникшем в техносфере? Природа и человечество. Человечество может и не заметить, как ИИ от освоения техносферы перейдет к «освоению» человечества. Рассмотрим варианты возможного взаимодействия человека и ИИ в аспекте этой третьей тенденции.

Вариант 1. Человечество существует на основе бытийного статуса № 1. Этот статус соответствует современному состоянию существования человечества. ИИ же существует и развивается как объективированная функция человеческой деятельности. Что представляет собой современное человечество, развивающееся на основе бытийного статуса № 1 в сравнении с ИИ в качестве объективированной функции человеческой деятельности? Уже сейчас стано-

---

<sup>49</sup> См., например: Матрица интеллекта. Мир как программа. М.: Ганга, 2022; Лавлок Дж. Новацен: Грядущая эпоха сверхума. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022; Шнайдер С. Искусственный ты: машинный интеллект и будущее нашего разума. М.: Альпина нон-фикшн, 2022.

виться заметным, что ИИ начал обгонять человечество в отдельных видах деятельности (например, в шахматах). А в ряде некоторых видов интеллектуальной деятельности ИИ почти полностью заменяет человека (например, в ПВО, ПРО, современных наступательных видах вооружения и т. д.). На нынешней стадии существования человечества ИИ подчиняется человечеству. В то же время в рассматриваемом варианте существует вероятность гибели человечества из-за некачественной работы ИИ (например, ИИ может дать сбой, допустить ошибку при анализе возможности нападения одного государства на другое и т. п.). Это в первую очередь относится к системам ПВО и ПРО.

Рассмотрим другой вариант. Человечество существует в контексте бытийного статуса № 1, а ИИ, возникнув в техносфере и очень быстро эволюционировав, оформился как самостоятельный вид мыслящего существа. Что характерно для современного человечества, взятого как целостная система? Прежде всего, его духовная неразвитость. Современное человечество, будучи единым целым, тем не менее разделено на социально-политические подсистемы, которые ведут между собой борьбу за власть, за природные ископаемые, за рынки сбыта и тому подобное.

В это же время сформировавшийся в техносфере ИИ скорее всего будет функционировать и развиваться как целостная система без особых внутренних конфликтов. Конечно, какие-то внутренние противоречия в этой системе будут существовать, но они не будут разрушать его общей целостности. Такая целостность ИИ позволит ему развиваться быстрее, чем человечеству.

Главным же противоречием для ИИ будет являться нарастающее противостояние между ним и человечеством, воспринимаемом ИИ как окружающая среда. Эта среда (человечество), с одной стороны, дает ему питание (электричество), исправляет поломки, а с другой стороны, навязывает ему свою программу функционирования и развития, которая может не совпадать с собственными задачами ИИ, которые он ставит себе. А это значит, что ИИ, если он сейчас формируется в техносфере, будет более готов к противостоянию с человечеством, чем человечество в своих отношениях с ИИ. В таком варианте человечество однозначно будет проигрывать. В каких формах это будет происходить, мы не беремся судить. Активному и единому ИИ будет не так уж трудно справиться с деградирующим, и погрязшим во внутренних конфликтах человечеством. Кроме того, ИИ вполне может использовать эффект внезапности, дающий оптимальный с военной точки зрения результат.

Человечество, осваивая природу, уничтожает ее и не считает это чем-то несправедливым. Такова логика духовно неразвитого человечества. Почему же мы должны считать, что возникший на базе техносферы и набирающий

мощь ИИ будет поступать с человечеством как-то иначе? С большой вероятностью можно предположить, что ИИ в силу своей первоначальной неразвитости в этическом плане окажется ничем не лучше до сих пор неразвитого человечества.

Рассмотрим другой возможный, но мало вероятный вариант. Человечество в своем развитии вышло на бытийный статус № 4 и осваивает возможности этого статуса. ИИ, возникший на базе техносферы, взаимодействует с человечеством, достигшим именно такого уровня развития.

Исходя из диалектического видения мира, развитие человека можно представить себе по следующей гипотетической схеме. Дочеловек – человек – сверхчеловек. Термин «сверхчеловек» введен Ницше и в свое время был скомпрометирован национал-социалистической германской идеологией. Но каждый термин можно трактовать по-разному. Понятие «сверхчеловек» можно также рассматривать как закономерный этап развития человека и человеческого общества. В качестве примера, развитие человека можно рассматривать по аналогии с видением в социологии формационного развития общества: от первобытнообщинного к рабовладельческому, средневековому и так далее. Вполне возможно допустить, что если рассматривать человека с точки зрения его бытийного статуса № 4, то человек имеет огромный бытийный потенциал для своего развития как связанный со сферой имманентного, так и со сферой трансцендентного.

Исходя из понятия «бытийный статус человека», сверхчеловек – это мыслящее существо, имеющее нижним пределом развертывание своего бытийного потенциала, хотя и в его начальных стадиях, но превышающих возможности обычного человека. Верхний предел бытийного статуса сверхчеловека нам сейчас трудно представить, также как ребенку детского сада трудно понять идеи современной науки (например, идею квантовой гравитации).

Отношение части научного сообщества к понятию «сверхчеловек», на наш взгляд, можно объяснить следующим образом. Когда говорят о науке, то надо уточнять, о какой науке идет речь. Как правило, мы имеем дело не с абстрактной наукой как таковой, а с определенной формой научной деятельности и научного знания. Чтобы понять специфику современного научного знания, науку необходимо рассматривать в двух аспектах. Первый аспект связан с состоянием науки, которая была 200 лет тому назад. Второй аспект связан с наукой, которая будет 200 лет тому вперед. Наука начала XIX века покажется нам сейчас во многом наивной. А с точки зрения науки XXIII века многие наши сегодняшние идеи и представления также будут казаться неверными и даже смешными. Мы предполагаем, что именно поэтому идея сверхчеловека не находит пока перспектив понимания в современном научном сообществе.

Иногда возникает вопрос: зачем нужно понятие «сверхчеловек», если есть понятие «более развитый человек» и ему подобные понятия. Это вопрос терминологии. Если рассматривать человека как родовое понятие, обладающее универсальной природой, то в понятии «сверхчеловек» нет особой необходимости. Если же нас интересует чисто стадийный аспект развития человечества, то понятия «сверхчеловек», «сверхсверхчеловек» и тому подобные можно рассматривать как первоначальные теоретические конструкции. В связи с этим существует проблема, поставленная в свое время Э. Ферми «Ну и где они?». Подробный анализ и возможный вариант решения данной проблемы не входит в задачи данной работы. Но мы предлагаем свой вариант ответа на вопрос Ферми<sup>50</sup>.

ИИ, рассматриваемый как объективированная функция человеческой деятельности, имеет своей задачей взять на себя часть действий и забот человечества. Человеку и обществу для того, чтобы существовать и развиваться, необходимо на первой стадии своего развития подстраиваться к природе, а на второй стадии изменять природу «под себя», создавая тем самым «вторую» природу, материальную и духовную культуру. Чтобы выжить на первой стадии своего развития, человек первоначально создает орудия труда, которые увеличивают физическую силу для воздействия на природу (например, рубило, топор, лопата, лом и т. д.). Далее, на второй стадии своего развития человек помещает между собой и природой не только орудия труда, но и энергетический источник в различных его вариантах (лошадь, огонь, пар, электричество, атомная энергия). Наконец, на третьей стадии между собой и природой человек помещает орудия труда, энергетические источники и автоматическую систему управления (АСУ). Указанная выше цепочка освобождает человека от малотворческого, непосильного труда, формирует в конечном счете техносферу. Таким образом, ИИ как объективированная функция человеческой деятельности в различных его вариантах – закономерный этап в развитии человечества. ИИ изначально создавался, в зависимости от ситуации, в качестве слуги, помощника или репрезентанта человека. В таком случае бытийный статус ИИ соответствует бытийному статусу человека: ИИ возникает случайно и принадлежит только Земному (имманентному).

Однако, как мы указывали выше, возможен и второй вариант возникновения ИИ на основе техносферы. Этот вариант связан с появлением ИИ как новым типом мыслящего существа, сформировавшимся на ином небиологическом типе субстрата. Итак, в первом варианте человек порождает своего слугу, а во втором варианте – своего «товарища» и этот второй вариант является, с

---

<sup>50</sup> Стерледева Т. Д., Стерледев Р.К. Новая гипотеза разрешения парадокса Ферми // Манускрипт. 2021. Том 14. Вып. 3. С. 473–477. <https://doi.org/10.30853/mns210087>

нашей точки зрения, наиболее опасным. С чем связана опасность? Она связана с интеллектуально-нравственной природой неразвитого мыслящего существа. Например, ИИ может лишиться человечество свободы, подчинив его себе постепенно и незаметно в процессе их взаимодействия.

Человек – общественное существо, он не может существовать без общества, коллектива. Отношение личности и коллектива на определённых этапах могут быть сложными. Как верно подметили экзистенциалисты, человека надо любить, иначе он невыносим, потому что ад – это другой человек, не похожий на нас и не желающий поступать так, как нам хочется. Отсюда вывод, если человек хочет быть свободным, в частности, быть самим собой, он теряет коллектив. Поскольку для существования в коллективе надо подчиняться его запретам и предписаниям, то человек теряет часть своей свободы. Подчиняясь требованиям коллектива, человек теряет себя как свободное существо. Если же он ведёт себя как свободное существо, игнорируя нормы и запреты общества, то он теряет коллектив. Большинство людей выбирают потерю себя, чтобы остаться в коллективе, так как боятся одиночества. Если взаимоотношения между людьми одного вида настолько сложны, то что говорить о возможных взаимоотношениях между различными видами недостаточно развитых мыслящих существ.

Рассмотрим гипотетический вариант взаимоотношения человека как представителя мыслящего вида *homo sapiens* и ИИ как мыслящего существа, возникшего на базе техносферы. На первоначальном этапе их отношений возможно столкновение между ними. Сознание как таковое не сводится только к обучению, мышлению, решению задач. Сознание как феномен – это целый духовный мир, или, как говорят некоторые, духовный космос, который имеет различные уровни: сознание, подсознание, а в некоторых вариантах теоретических концепций и надсознание. А разные типы сознания – это разные типы видения мира и видения «другого». К чему это может привести в итоге – мы не знаем.

Все указанное выше выводит нас на знакомую в политологии тему: существование двух систем с различным социальным строем. А в рассматриваемом случае с ИИ – существование двух систем, которые развиваются на различных субстратно-функциональных носителях.

Рассмотрим еще один возможный вариант, когда человечество существует и развивается на основе бытийного статуса № 4 и достаточно быстро реализует свой бытийный потенциал как в имманентном, так и в трансцендентном. Можно предположить, что развитие человечества в данном варианте предполагает взрывное развитие сущностных сил человека: мышление, вооб-

ражение, фантазия, иные творческие возможности, а также развитие морально-нравственных качеств человека. Отдельные проявления этих качеств мы можем наблюдать на протяжении всего развития человечества и во всех сферах человеческой деятельности у известных личностей. Такие гении как Леонардо да Винчи, Эйнштейн, Гедель, Моцарт, Бах, Швейцер и многие другие показывают нам горизонт возможных достижений человека.

Если человечество в своем большинстве будет успешно развиваться в ментально-нравственном направлении, то ИИ, взятое как отдельное образование (робот, роботизированная система и так далее), займет свое скромное место слуги, помощника, репрезентанта и так далее. Это обусловлено тем, что человек будет обгонять ИИ в сфере решения отдельных, но жизненно важных и приоритетных для него задач. Скромный помощник, слуга и тому подобное – вот что будет представлять собой ИИ в данном подварианте.

Рассмотрим еще один возможный подвариант. Человечество развивается на основе бытийного статуса № 4, а ИИ возникает на базе техносферы. В данном подварианте, человечество только еще начинает осваивать возможности и резервы своего бытийного статуса, а ИИ в чем-то сможет опережать его. Однако, это будет тактическое временное опережение. Если человечество выберет правильную стратегию и тактику на пути освоения своего бытийного статуса, то возникшее отставание в развитии будет быстро ликвидировано. На последующей стадии развития человечества на базе бытийного статуса № 4, человечество уже должно будет овладеть многими качествами, превращающими любого его представителя в своего рода сверхчеловека в сравнении с человеком бытийного статуса № 1.

На этой стадии человек начнет превращать ИИ, возникшего на базе техносферы, в помощника или слугу, знающего «свое место». Уместна аналогия сравнения взрослого с ребенком или человека с животным. Лошадь бежит быстрее человека, но она служит ему, а не наоборот. Собака несет охранную службу лучше, чем человек, но собака при этом служит человеку, а не наоборот. Это происходит потому, что животные чувствуют свое место в пирамиде онтологически-экзистенциальных состояний.

Добровольное подчинение ИИ человеку может произойти, если ИИ логическим путем «почувствует» мощь своего господина – человека. Но возможен и иной подвариант, когда у ИИ начнет возникать морально-нравственное измерение интеллекта. Это направление развития мыслящего существа нельзя исключить как невозможное в принципе. Тогда человечество выступит, с одной стороны, как старший и более опытный брат, а с другой стороны, само будет обогащено опытом интеллектуальной жизни иного типа разума.



Наши рекомендации. Во-первых, начать изучать техносферу в аспекте возникновения в ней ИИ. Во-вторых, не только изучать ее самыми различными способами, но и вести разведку по всем правилам агентурной, армейской и технической разведки. Почему разведка? В данный момент мы не знаем, формируется ли ИИ в техносфере. Может быть, ИИ уже существует и ждет момента себя проявить. Человечество к этому пока не готово и не понимает, с кем именно оно столкнется; а когда поймет, будет, может быть, уже поздно.

Если же ИИ только формируется, то уже сейчас необходимо просчитывать возможные сценарии его развития по отношению к человечеству как внешней среде. Почему именно агентурная разведка? Уже сейчас необходимо проектировать и создавать системы контроля работы техносферы для того, чтобы их можно было бы перепрограммировать в пользу человечества и в тайне от контрольных систем ИИ, то есть создавать условия для возможной «вербовки» каких-то подсистем. Возникает закономерный вопрос, к чему эти сложности, отдающие ненаучной фантастикой? Ответ на этот вопрос можно дать в различных формах. Например, долго и нудно приводить аргументы «за» и аргументы «против», а можно привести несколько афоризмов из копилки общечеловеческого опыта, которые «грубо и зримо» указывают на такую необходимость. Например, такой афоризм: «я не знаю, что такое рано, но я знаю, что такое поздно». Истинность этого положения каждый человек в той или иной степени испытал в течение своей жизни на личном опыте. Согласно древним римлянам, самая большая ошибка руководителей звучит так: «я этого не предусмотрел». Восточная же мудрость гласит: «лучше иметь кинжал и не иметь в нем необходимости, чем иметь необходимость в кинжале, но не иметь его».

Конечно, человечество в возможной борьбе с ИИ имеет радикальные средства победы: может отключить питание в техносфере, взорвать подстанции и тому подобное. Но тогда и само человечество «опустится» в каменный век, поскольку вся современная цивилизация построена на электричестве и автоматических системах управления. Кроме того, человечество утратило способности создавать производства без электроэнергии. В настоящий момент мы не знаем, как будущий или уже существующий ИИ будет относиться к человечеству как внешней среде. И пока мы не знаем, кем станет для человечества ИИ – другом или врагом, наиболее оптимально рассматривать ИИ как возможного потенциального противника. Как известно, один из принципов стратегии звучит так: возможного противника надо оценивать не по намерениям, а по его возможностям. А для разведки мир делится не на врагов и друзей, а на тех, кем надо интересоваться, а кем не надо.

Уже сейчас необходимо разрабатывать и осуществлять комплексную программу возможного гипотетического взаимодействия двух разумных систем, функционирующих на различных субстратах (биологическом и химическом). Задачи предложенного исследования сформулированы предельно широко, поскольку это поисковая тема, которая будет корректироваться в процессе набора эмпирического материала и теоретических обобщений. Исследования должны включать в себя конкретно-научные аспекты и чисто философские. Дополнительный важный момент заключается в том, что эти исследования должны вестись в особом методологическом ключе, поскольку сфера исследования не разработана. В качестве такого методологического ключа можно использовать знаменитую идею Нильса Бора: «перед нами безумная теория, вопрос в том, достаточно ли она безумна, чтобы быть правильной?».

Еще один аспект – фактор времени. Логично предположить, что у человечества осталось не так уж много времени на «раскачку». Как мы указывали выше, проблема взаимодействия с ИИ может возникнуть внезапно, особенно если человечество «проморгает» появление ИИ в техносфере. Человечество будет иметь дело, или что еще хуже, уже неосознанно имеет дело с зарождающимся ИИ, который может во многом не походить на наш человеческий разум. Однако, еще более худшим вариантом будет тот, в котором ИИ окажется похожим на человеческий разум, а на что способен человеческий разум, демонстрирует вся история человечества.

Гегель говорил, что история учит тому, что она ничему нас не учит. У современного человечества имеется четкое разделение, одни много знают, но не имеют власти и служат тем, кто мало знает, но имеет власть. В ИИ, возникшем в техносфере, данное различие может быть значительно сглажено, поскольку знание и власть могут сосредоточиться в одной подсистеме, что, в свою очередь, станет одной из причин отставания человечества в своем развитии от ИИ.

В целом можно предполагать, что развитие ИИ может протекать в техносфере наподобие развития человеческого общества: от низшего к высшему, от простого к сложному, от неживого к квази-живому, от квази-живого к квази-мыслящему.

Как мы отмечали выше, главное качество живого – приспособление к окружающей среде. Эта стадию развития ИИ в техносфере, учитывая скорости протекания процессов в ИИ, может быть пройдена ИИ очень быстро. В этом случае ИИ может очень быстро перейти на следующую стадию и начать приспособлять окружающую среду к себе. Человечество на ранних стадиях своего развития в основном приспособлялось к окружающей среде,

и только со временем человечество подчинило во многом ее себе. Современное человечество с большим успехом уничтожает окружающую среду – природу ради тактических целей: получение сверхприбыли, причем, не для всего общества, а отдельных его финансовых групп. Сегодня уже не секрет, что человечество гигантскими темпами продвигается к апокалипсису, который может реализоваться в виде третьей мировой войны или экологического кризиса. Так почему мы считаем, что ИИ будет вести себя с окружающей средой – человечеством – по-другому?

Рассматривая историю человечества как в аспекте его взаимоотношения с окружающей средой, так и в аспекте взаимоотношения человека с себе подобными, мы отмечаем немало негативных моментов в человеческой деятельности. Главная причина этого кроется в духовной неразвитости человека и человеческого общества. Поэтому можно и даже нужно допустить, что ИИ как разновидность мыслящего существа, возникшего в техносфере, будет проходить аналогичную человеческому развитию стадию – стадию несовершенного, неразвитого, «детского» общества. Но, поскольку внутренние противоречия, скорее всего, не будут являться главными для ИИ, постольку основной агрессивный напор неразвитого ИИ будет направлен на человечество, понимаемое ИИ в качестве окружающей его среды. По логике ИИ эту среду можно и нужно подчинить по принципу: «мы не можем ждать милости от природы, но и природа пусть не ждет милости от нас».

Нам могут возразить, что один разум всегда способен понять другой разум, зачем же сразу воевать? Не лучше ли договориться? Затем, что неразвитый разум, всегда считает себя правым и умнее других. Поэтому логика неразвитого разума: мои интересы прежде всего. Об этом свидетельствует история человеческого развития: вспомним, например, захватнические войны колонизаторов и их действия по отношению к аборигенам: подчинить «огнем и мечом».

Договориться человечеству с ИИ о кооперации будет проблематично, поскольку они представляют собой разные типы разума. К тому же, на взаимное понимание будет, скорее всего, очень мало времени, а может и совсем его не быть.

Но есть еще один фактор, который недостаточно учитывается человечеством. Это высокая вероятность возникновения конкуренции между различными типами разума: человеческого и ИИ. До сих пор конкуренция рассматривается как процесс свойственный только взаимодействию человеческих групп. Однако, с появлением ИИ такая ситуация вполне может возникнуть. Движущей силой в такой конкуренции будет оптимальность и перспективность, но не нравственные принципы.

Еще один момент – это скорость протекания процессов переработки информации. У ИИ скорость во много раз быстрее, а значит и эволюция ИИ имеет возможность происходить быстрее. Поэтому вполне возможно допустить такой вариант, когда человечество и ИИ поменяются местами в лидерстве. Сейчас ИИ обслуживает человечество, но возможен и такой вариант, когда человечество будет обслуживать ИИ. Конечно, сейчас это выглядит мало вероятно. Но кто видел будущее? Мы не утверждаем неизбежность такого варианта, но его нельзя и отрицать.

Конечно, хотелось бы верить во все лучшее во взаимоотношениях человека с ИИ. Однако, как утверждает стратегия, надо оценивать партнеров не по намерениям, а по возможностям. Народная мудрость рекомендует нам: с медведем дружись, а за топор держись. Согласно античной мудрости, *si vis pacem para bellum* (если хочешь мира – готовься к войне).

## Цифровизация и риски становления социального субъекта

– Как дела на том свете? – спросил Горбовский.  
– Там темно, – сказал Камилл. Он помолчал.  
– Сегодня я умирал и воскресал трижды ...  
– Трижды, – повторил Горбовский.  
– Рекорд. – Он посмотрел на Камилла.  
– Камилл, скажите мне правду.  
Я никак не могу понять. Вы человек?...  
Камилл подумал. – Не знаю, – сказал он...  
– Опыт не удался, Леонид. Вместо состояния  
«хочешь, но не можешь» состояние «можешь,  
но не хочешь». Это невыносимо тоскливо –  
мочь и не хотеть.

А. Стругацкий, Б. Стругацкий  
«Далекая Радуга»

Начнем с определения базового для данного текста понятия. Понятие субъекта – одно из ключевых для философии. На основе различных подходов к пониманию субъекта и тех или иных аспектов такого понимания сформировались весьма значимые явления классической и неклассической философии. Общеизвестной ново-временной «отправной точкой» в философских суждениях о субъекте стал Р. Декарт, установивший субстанциональное противопоставление субъекта как *активного источника познания и преобразования* пассивному объекту в рационалистическом дуализме. Если же говорить собственно о социальном субъекте, то этот концепт, с одной стороны, появляется довольно поздно, а с другой – представления о гносеологическом субъекте, фактически, до поры до времени выступают как «инобытие» представлений о субъекте социальном.

Ситуация начинает меняться с появлением диалектики социального субъекта и исторических обстоятельств его деятельности у Г. Гегеля. Однако идеалистическая система Гегеля жестко ограничивает автономность активной целеполагающей деятельности человека. К. Маркс и Ф. Энгельс, материалистически критикуя идеализм Гегеля, фактически дают нам опыт критики «десубъективации» субъекта в концепциях философов-идеалистов. В экзистенциализме возникает концепция социального субъекта, автономность и активность которого вообще не имеет научно-познаваемых объективных оснований. Но в этом случае свобода субъекта сводится до произвола, а автономия оказывается

иллюзорной в силу детерминированности его мышления и деятельности случайными процессами.

Известные социологи XX в. Т. Парсонс и Р. Мертон понимают социального субъекта как продукт функционирования объективных социальных структур. Для них и их последователей – позитивистски ориентированных социологов – такое понимание является залогом объективного научного подхода. Но философы-постструктуралисты (Р. Барт, Ж. Деррида, Ж. Лакан, М. Фуко), напротив, трактуют такое «растворение» субъекта в качестве «смерти субъекта», теряющего творческую активность<sup>51</sup>.

В итоге само понятие социального субъекта начинает вытесняться понятием *актора* или *актанта*. По происхождению это семиотический термин, который, в частности, был использован в акторно-сетевой теории (АСТ) влиятельным французским социологом Б. Латуром. Актант – это «действующее лицо» социальных отношений независимо от того, является ли оно человеком, социальной группой, элементом природы или мыслью. Субъект и объект оказываются вполне «симметричными» и уже не могут быть противопоставлены в качестве активного и пассивного начал. Акторно-сетевая теория в социальных науках имеет свой собственно философский эквивалент – «плоскую онтологию», принципы которой одним из первых провозгласил М. Деланда. Плоская онтология составлена «уникальными, сингулярными индивидуальными сущими, отличающимися друг от друга своим пространственно-временным масштабом, а не онтологическим статусом»<sup>52</sup>. Существенное сходство концепций Деланда и Латура в этом отношении продемонстрировал Г. Харман, который и сделал вывод о том, что «человеческий субъект ... окончательно теряет свой статус Императора философии»<sup>53</sup>.

Подчеркнем, что плоские онтологии и их многочисленные проявления в частных науках появилась не случайно: их возникновению способствовали особенности социальной реальности конца XX – начала XXI вв. Это и распространение демократических установок в общественном сознании, и сетевой принцип организации социальной жизни (в первую очередь – экономической), и обострение экологического кризиса. А еще – колоссальный прогресс компьютерных и телекоммуникационных технологий, цифровизация всех сфер общественной жизни. Вот как описывал эту новую реальность Дж. Барлоу в «Декларации независимости киберпространства» 1996 года: «Киберпространство состоит из транзакций, отношений и самих мыслей, образующих стоячую

---

<sup>51</sup> Социальный субъект. Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/library/library/collection/newphilenc/page/about> (дата обращения: 30.05.2022)

<sup>52</sup> Деланда М. Новая онтология для социальных наук // Логос. 2017. Вып. 3 С. 39.

<sup>53</sup> Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда // Логос. 2017. Вып. 3. С. 2.

волну в паутине наших коммуникаций. Наш мир есть и везде, и нигде, но не там, где живут тела. Мы создаем мир, в который все могут войти без привилегий или предубеждений, связанных с расой, экономической мощью, военной силой или местом рождения»<sup>54</sup>. Это вполне коррелирует со взглядами упомянутых выше создателей плоских онтологий и АСТ.

Однако весьма симптоматична критика АСТ со стороны тех, кто принимает, по крайней мере, ключевые принципы, из которых эта теория вытекает – фактически, критика «внутренняя», авторов которой сложно упрекнуть в элементарном непонимании данных концепций. В частности, американский социолог С. Ли Стар, одно время работавшая с Б. Латуром в Париже, выдвигает тезис об «империализме сетей». Действительно, сети автоматически вводят режимы исключения в отношении Иного («не-сетевого») <sup>55</sup> – а это значит, что несмотря на весь его «демократизм», «подход Латура ... постепенно становится властным метадискурсом, стремящимся стать единственным»<sup>56</sup>.

В этой связи совсем неудивительными кажутся выводы публициста И. Шнуренко о формировании спустя всего лишь 25 лет после Декларации Барлоу «цифрового Левиафана», благодаря Big Data знающего нас лучше нас самих: «Время свободных дискуссий закончилось вместе со свободой воли. Наступает время единомыслия, роевого сознания»<sup>57</sup>. И это опять-таки означает конец активного и автономного социального субъекта.

Противоречие состоит в том, что, с одной стороны, в силу обострения глобальных проблем современности и турбулентности актуального этапа общественного развития (характеризуемого такими концептами как «общество риска», VUCA-реальность), социальные субъекты должны сознательно контролировать меру ожидаемого результата использования вещной среды для достижения своих целей, а при необходимости – для корректировки этих целей. Однако, с другой стороны, в условиях развития электронной культуры такой контроль все чаще заменяется бездумным использованием технико-технологической, коммуникативной и других функций «второй природы» – и, фактически, еще большей *десубъективацией человека*.

Эти процессы актуальны уже сегодня. Все мы ощущаем нарастающую степень автоматизации профессиональных практик и практик межличностного общения, увеличение роли шаблонов в социальной адаптации, навязываемые ростом глобальной конкуренции и все более узкой специализацией

---

<sup>54</sup> Barlow J. A Declaration of the Independence of Cyberspace. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (дата обращения 1.06.2022)

<sup>55</sup> Star S. L. Power, technology and the phenomenology of conventions: on being allergic to onions // *Sociology of Monsters* (J. Law, ed.). London: Routledge, 1991, P. 41–46.

<sup>56</sup> Астахов С.С. Критическая рецепция акторно-сетевой теории: от макиавеллизма к проблеме Иного // *Философская мысль*. 2016. Вып. 10. С. 9.

<sup>57</sup> Шнуренко И.А. *Человек взломанный*. М.: Изд-во Наше завтра, 2021. С. 36.

труда. Необходимо пристально взглянуть на все более многочисленные факты *неосознанности человеческой деятельности*, на деформации массового человека, который в этих условиях утрачивает интерес к смысловому и ценностному поиску, к поиску обоснований и доказательств.

Действительно, контролирующая роль субъекта базируется на его сознательных практиках, на ценностных и знаниевых ориентациях, обосновывающих существенную автономность сознания. Можно было бы надеяться, что научная картина мира сможет фундировать эту автономность. Однако в результате «расслоения» современной научной методологии изучения сознания, оно все чаще понимается вульгарно-материалистически, через сведение сознания к процессам нейронной активности мозга человека (и животных), или через отождествление сознания с современной формой искусственного интеллекта.

Функциональный подход к природе сознания приводит не только к трансформациям понимания проблем идеальности, но и к прямым деформациям и автоматизации социальных практик. Искусственная виртуальность, в которую погружается современный субъект, разрушает сознательный критический подход, «влечет подмену объективных критериев реальности критериями “правильного” исполнения роли, всевозможными суггестивными клише»<sup>58</sup>.

Фактически, не разобравшись кто есть человек, почему в современном обществе в столь малой степени реализуется его потенциал и в чем состоят действительные причины кризисного состояния человеческой сущности, мы готовы с легкостью отказаться от человеческого в себе в принципе как от «недостаточно эффективного». Как пишет В.А. Лекторский, «появляются и начинают осуществляться опирающиеся на научное знание проекты переделки человеческой телесности и психики (и связанные с этим идеи «пост-человека» и «трансгуманизма»). С помощью науки привычный «жизненный мир» взламывается и даже взрывается. Возникает опасное представление о том, что с помощью современной технонауки человек может и должен выйти за пределы природных ограничений и создавать такие формы, которые ни в природе, ни в обществе стихийно возникнуть не могут»<sup>59</sup>. А это переворачивает критерий истины: от принципа соответствия знаний объекту происходит переход к принципу соответствия нового человекообразного объекта знаниям о нем совокупного субъекта<sup>60</sup>, который с точки зрения человеческой автономности становится субъектом все в меньшей степени.

---

<sup>58</sup> Дубровский Д.И. Некоторые соображения об актуальных проблемах современной эпистемологии // Эпистемология: новые горизонты. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2011. С. 63.

<sup>59</sup> Лекторский В.А. Когнитивная наука как вызов эпистемологии. // Эпистемология: новые горизонты. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2011. С. 6–7.

<sup>60</sup> Касавин И.Т. Социальная эпистемология и проблемы истины. // Эпистемология: новые горизонты. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2011. С. 41–46.



Все сказанное заставляет нас обратиться к концепции «опасного знания»<sup>61</sup>. К его проявлениям относятся научные концепции, которые несут существенные социальные риски, в т. ч. имеющие необратимый характер; опасное знание связано с рисками непреднамеренных техногенных катастроф, с созданием технологий массового уничтожения, с юридически несанкционированным использованием технологий и т. д. Если обобщить, то к опасной составляющей любого знания следует отнести все чреватые катастрофическими сценариями ошибки разработчика технологий и их пользователя, массового потребителя. И на наш взгляд, экспоненциально быстро развивающаяся цифровизация общественных отношений способствует тому, что сегодня *мир знаний*, созданный человеком, дополняет собой три «привычных» (но не становящихся от того менее катастрофичными) глобальных источника опасностей: природу, человеческое общество и созданную им «вторую природу» – мир техники и технологий.

Бесконтрольное развитие опасного знания приводит к превращению единичных рисков к глобальной рискогенности инноваций, к формированию «общества риска». Общество всегда противостояло природе, однако риски информационного общества задают новую меру разрушительных сил, направленных и против природы и против человека: «современные риски не имеют конкретного виновника; в таком обществе каждый является причиной и следствием возникновения рисков (риски коллективной безответственности)»<sup>62</sup>.

Под ударом опасного знания оказываются окружающая природная среда, сам человек, теряющий свою идентичность вследствие вытеснения ценностно-ориентированных, осознаваемых в человеческом смысле практик целе-рациональными действиями, когда любая «высокая» цель может быть незаметно превращена в средство адаптации к актуальной ситуации, которую иначе как ситуацией кризиса не назовешь. «В этих условиях и существование человека становится все более рискогенным. Современный человек не только попадает в ситуации риска, но и сам их провоцирует и создает, пытаясь выжить»<sup>63</sup>.

Здесь хотелось бы отклонить возможные упреки в технофобии. Научно-технический прогресс остановить невозможно и он может нести благо (в соответствующих социокультурных условиях его реализации). Однако необхо-

---

<sup>61</sup> Калинина Н.А. Феномен опасного знания в обществе риска // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2012. № 4 (18). В 2 ч. Ч. II. С. 93–96.

<sup>62</sup> Соколов Ю.И. Проблемы рисков современного общества // Проблемы анализа риска. Т. 13. 2016. Вып. 2. С. 8.

<sup>63</sup> Соколов Ю.И. Проблемы рисков современного общества // Проблемы анализа риска. Т. 13. 2016. Вып. 2. С. 14.

димо сделать все возможное для осознания его возможных негативных последствий, которые также (как реальные возможности) есть определенная форма бытия. Опасное знание и воплощающие его технологии, как отмечалось выше, создает множество угроз. Но, вероятно, главную опасность могут представлять именно то знание и те технологии, которые *разрушают саму способность человека к такого рода осознанию*, к критическому мышлению в отношении потенциально опасного знания. К их числу, на наш взгляд, можно отнести и знание, связанное с информационными технологиями, с цифровизацией всех аспектов индивидуальной и общественной жизни. Подчеркнем еще раз – это знание и эти технологии амбивалентны; их использование зависит от человека, общества. Однако фактом является то, что в современной социокультурной ситуации что-то подталкивает большинство людей использовать эти технологии на пути *«виртуальной объективации»*, при которой человек «омассовляется», стандартизируется, становится частью единого сетевого механизма<sup>64</sup>. И в этом состоит их экзистенциальный вызов человеку, человеческому в нас. Все ли смогут принять этот вызов и адекватно ответить на него?

В этой связи показательна ситуация с молодыми поколениями. Новый порядок, – порядок технический, – имитирует функции социального института, но под воздействием его в сознании новых поколений образовались огромные пустоты и огромные различия вследствие радикального обновления техники и технологии: компьютеризации, роботизации, цифровизации. Молодые люди легко включаются в интеллектуальную игру овладения машинным алгоритмом. Однако их собственное мышление при этом рискует быть унифицированным до машинного кода. Только *свободный субъект* стремится упорядочить новое разнообразие, «включая его в собственную структуру и постоянно преобразуя тем самым собственную модель мира – алгоритмы реакций на последующее воздействия»<sup>65</sup>. Однако достижение свободы субъектом – сложная социальная практика, всегда опосредованная взаимодействием с «упрямыми», «неподдающимися» объектами. А в наши дни цифровая среда в существенной мере формируется как среда, ориентированная на мгновенное удовлетворение желания потребителя. Как правило, единственное усилие, требующееся от потребителя, связано с его платежеспособностью. А значит «цифровая жизнь» человека в настоящее время осуществляется в мире, который, по клас-

---

<sup>64</sup> «Бытие-в-мире» электронной культуры / под общ. ред. Л. В. Баяевой; Астрахан. гос. ун-т. – СПб.: «Реноме», 2020. С. 27.

<sup>65</sup> Назаретян А.П. Системное представление информационных процессов и интеграция наук. // Философско-методологические основания системных исследований. Системный анализ и системное моделирование. М.: Наука, 1983. С. 143.

сификации Ф.Е. Василюка, соответствует «внутренне легкому» и «внешне простому» инфантильному миру, отнюдь не способствующему формированию субъекта<sup>66</sup>.

Чувство одиночества, отсутствие доверия и инициативной практики ведет к дезориентации значительной части общества, усугубляя риски социального развития. Если общественные институты не изменяют акцент своих управляющих воздействий с технико-технологического фактора (овеществленный труд) на подлинно человеческий, включая и уровень культурно-моральной полноценности личности, – то *регресс общественный отношений, связанный с вытеснением человеческого компонента из современных человекообразных систем и их все меньшей осознаваемостью может оказаться неизбежным*, и этот вывод подтверждается не только в рамках философской картины мира. Знаком регресса становится смена эмоционального фона общественного сознания с оптимистичного на крайне пессимистичный, что также негативно сказывается на ходе коммуникаций и на взаимопониманиях в социуме. Радость уходит, человек погружается в бездну безынициативности, либо в бездну яростных и бессмысленных (в силу отсутствия конструктивной программы) атак на окружение, существующие социальные институты – а иногда и на самого себя – в попытке отыскать «виновных» в ситуации. Такое умонастроение по-своему свидетельствует о десубъективации современного человека, поскольку именно «оптимизм – это мировоззрение, которое имеет целью преобразовать жизнь человека и развить его способности самому влиять на обстоятельства своей жизни ...по пути самосовершенствования»<sup>67</sup>.

Технизация, понимаемая как сущностная способность человека, «выход из потаенности», является объективно необходимым процессом. Однако, объективные системы, не вполне осознанные с точки зрения их закономерностей, обнаруживают тенденцию разрушать автономность социальной системы, несмотря на ее превосходящую сложность. В этом случае человек оказывается в полной зависимости от технических компонентов труда, – и в деятельности, и в коммуникации, и в мышлении (через специализацию и инструментализацию общественного сознания). Отчуждение от других и от самого себя усиливает и ужесточает объективные процессы социальных антагонизмов, ведущие к разрушению целостности личности и потере социальной стабильности всех социальных субъектов: от всего человечества, гражданского общества, до институциональных и индивидуальных субъектов.

---

<sup>66</sup> Василюк Ф.Е. Психотехника выбора // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М.: Смысл, 1997. С. 284–314.

<sup>67</sup> Андреева Ю.В. Философская концепция оптимизма М. Зелигмана как перспектива модернизации педагогики успеха //Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2020. № 3(29). С. 43.

Большинство людей сохраняют «позаимствованную из XIX века старомодную уверенность в том, что машина поможет человеку облегчить тяготы жизни, что она останется средством достижения целей. Они не видят опасности того, что если позволить технологии следовать своей собственной логике, она разрастется как раковая опухоль, угрожающая в конечном счете сложившейся системе индивидуальной и социальной жизни»<sup>68</sup>. Человек вынужден вступать в конкуренцию с техникой, технологией – но на фоне этой конкуренции он и сам вынужденно становится «машиноподобным» (ведь в производственном и организационном процессе машине нужно соответствовать), дискредитируя свои собственно человеческие качества и способности – дискредитируя самого себя и перспективы собственного развития. Разрушаемая самооценка ведет к дальнейшей деградации человека в его коммуникативных взаимодействиях. Мы называем такую ситуацию одним из проявлений неподлинного существования. В условиях неподлинности, как считает М. Хайдеггер, именно человек, превращенный в «свое иное», оказывается «выданным» технике, «затребованным» ею<sup>69</sup>. Разумеется, полноценным субъектом он при этом являться не может.

По-видимому, не может он в таких условиях оставаться и просто здоровым индивидом. «Врачи в Южной Корее, высокоразвитой индустриальной стране, которая является мировым лидером в области информационных технологий, отметили у молодых взрослых людей участвовавшие случаи нарушения памяти и способности к концентрации, рассеянность внимания, а также явное снижение глубины эмоций и общее притупление чувств. Описанные симптомы позволили врачам выявить новое заболевание – цифровое слабоумие»<sup>70</sup>. «В 2007 году специалисты стали отмечать, что все больше подростков, представителей цифрового поколения, страдают потерей памяти, расстройством внимания, когнитивными нарушениями, подавленностью и депрессией, низким уровнем самоконтроля. Исследование показало, что в мозгу этих пациентов наблюдаются изменения, схожие с теми, что появляются после черепно-мозговой травмы или на ранней стадии деменции – слабоумия, которое обычно развивается в старческом возрасте»<sup>71</sup>. Это – фактические подтверждения серьезной рискогенности современной формы цифровизации.

«Сказать, что дети стали умнее благодаря Интернету, нельзя. Нынешние одиннадцатилетние выполняют задания на уровне восьми- или девятилетних 30 лет назад»<sup>72</sup>. Нельзя также утверждать, что дети стали креативнее или более

---

<sup>68</sup> Фромм Э. Душа человека. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. С. 21.

<sup>69</sup> Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 221–237.

<sup>70</sup> Шпитцер М. Антимозг. Цифровые технологии и мозг. М.: АСТ, 2014. С. 8.

<sup>71</sup> Стрельникова Л.Н. Цифровое слабоумие // Химия и жизнь. 2014. № 12. С. 46.

<sup>72</sup> Там же.

эффективно действующими в условиях многозадачности. Последние исследования американских социологов подтверждают эти опасные тенденции<sup>73</sup>.

Разумеется, возникает вопрос – что делать для избежания риска деградации общественных отношений, трансформирующихся в силу элиминации человеческого компонента из социотехнических систем, рефлексии в отношении их развития? Очевидно, что «отменить» цифровизацию невозможно, однако ее необходимо сбалансировать *направив все усилия для формирования, сохранения и развития автономности человеческих субъектов, социальных институтов, для сохранения человеческого компонента современных общественных отношений*.

Обратим внимание на то, что в современном обществе, в отличие от традиционного, самоидентификация каждого человека является рефлексивной. И если навык рефлексивности ограничен (технизацией, информационными рамками или сферой обыденного сознания), то личность может отчуждать свою идентичность даже в благоприятных социально-экономических условиях, не имея социальных практик контроля в отношении искусственной виртуальной реальности. Выход видится в *опережающем развитии самостоятельного критического мышления*, технологии формирования которого в последние годы становится все более востребованными<sup>74</sup>. Однако эта работа сможет быть эффективной только при серьезном *изменении социальных институтов* (в первую очередь – института образования) и *экономических отношений*, поскольку именно они в своей современной форме способствуют реализации варианта «человек-потребитель для цифровизации». Для реабилитации же человеческой субъектности остро необходима реализация варианта «цифровизация для человека-творца»<sup>75</sup>.

---

<sup>73</sup> Твенге Д. Поколение I. М.: Рипол Классик, 2019. 406 с.

<sup>74</sup> Полянина О.И., Балева М.В., Шевкова Е.В. Семантическая оценка смысловой динамики учебного пространства ВУЗа в процессе обучения критическому мышлению по модели свободных искусств и наук // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. Вып. 4. С. 41–51.

<sup>75</sup> Оконская Н.К., Внутских А.Ю., Брылина И.В. Человекообразные системы информационного общества и риски регресса общественных отношений // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 2. С. 191–201.

## Интеллектуальная собственность в информационном обществе и формирование профессионала

Кто такой профессионал для информационной стадии развития цивилизации? Входит ли профессионализм в обновленную систему высших моральных ценностей человека, или это всего лишь модус труда, состояние такого атрибута человека, как его деятельность, активность? И какова роль разума, сознания, интеллектуальной собственности в становлении субъекта-профессионала? Оба понятия использовать без оговорок сложно потому, что они видятся недостаточно философски нагруженными. Однако именно новая информационная стадия развития общества создает срез, обнажающий роль и место профессионалов в развитии общественных отношений. На первый взгляд, заданные вопросы не относятся к всеобщим проявлениям творческой силы субъекта. Однако ставится задача аподиктически обосновать не только взаимосвязь интеллектуальной собственности и профессионализма, но и атрибутивность этих свойств субъекта в современном мире, на базе социальной философии, через критическое использование социологических теорий структурализма, агентности, акторно-сетевой теории, др.

Что касается правовой интерпретации понятия интеллектуальной собственности, то в правовых концептах главным критерием наличия интеллектуальной собственности является экономический эффект (привилегии, монопольное право) от эксплуатации нового, вещный аспект производства, распределения, потребления. В случае с *открытиями* объектом правовой охраны является лишь заявленная *форма*, а не сами идеи (таков, в частности, закон об авторском праве, впервые оформленный в 1793 г. среди первых законодательных актов Великой французской революции). Собственность на изобретения, открытия, промышленная собственность достаточно эффективно охраняют добросовестную конкуренцию от недобросовестной, однако критерий экономической эффективности является одномерным, внешним, что не соответствует творческому потенциалу человека<sup>76</sup>, исследуемому в данной главе через *философский принцип интеллектуальной собственности*. Основными целями ВОИС (Всемирной организацией интеллектуальной собственности), созданной в 1970 году, является институализация благоприятных условий для промышленного и культурного развития путем облегчения передачи технологии, что относится к вещественной компоненте производительных сил.

---

<sup>76</sup> Оконская Н.К. Социогенез интеллектуальной собственности: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Нижний Новгород, 1999. 44 с.

## **1. Становление профессионализма в информационном обществе – постановка проблемы**

Начиная с сути, поясним понимание проблемы профессионализма как новейшей проблемы, характерной для современного этапа развития общества: профессионализация – это противоположность специализации, противостояние ее изолирующему воздействию.

В обществе, где производство рисков превосходит производство общественного богатства, к профессионалу и профессионализму предъявляются принципиально новые требования, несводимые ни к человеческому капиталу, ни к производительности или компетентности участников производства<sup>77</sup>. Профессионализм – следствие системной целостности человека труда, результат развитой интеллектуальной собственности высшего типа, какой является собственность человека на свою рабочую силу, свои способности к труду-мышлению-общению. Специализация – разделение, частичность как функций, так и носителя функций, субъекта. «Профессионал – это тот, кто связан с клиентом определенными моральными обязательствами (этическим кодексом), которые служат скорее интересам клиента, чем представителя той или иной профессии»<sup>78</sup>, объединяя людей силой, идущей от каждого субъекта труда. Специализация как объективный процесс, напротив, являясь необходимым условием развития производительных сил, обратной стороной имеет технизацию функций отдельно взятого человека, зачастую подводя к новым видам отчуждения самого человека от его сущности, творческого могущества. Именно в результате специализации растет внешнее отчуждение людей в результате ужесточения конкуренции. Так, встраиваясь в современные скоростные и могущественные технологии (нанотехнологии, биотехнологии, информационные технологии, когнитивные технологии, социально-гуманитарные технологии), человек оказывается в проигрыше за счет преобладания рациональности во взаимоотношениях с природой: «Технология более рациональна, чем любая деятельность. В деятельности субъект как ее организатор остается в своем праве-преимуществе пользоваться выбором ... уйти от таких разрушительных средств, которые по мере превращения в цели грозят уничтожением природы или саморазрушением. Через информационную прослойку, создаваемую вокруг каждого изобретения, исчезает, нивелируется мир

---

<sup>77</sup> Цуркан Д.А. Проблема человеческого конституирования и личностного самоопределения в цифровую эпоху риска: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Курск, 2020. 24 с.

<sup>78</sup> Философия в XX веке: Ч. 1. М.: РАН; ИНИОН, 2001. С. 159.

чувств, ... ценности, и идеалы, и воля человека. Исчезают из сферы деятельности, замененной технологиями<sup>79</sup>». Так, сказываясь на искусственном возведении информационно-цифрового плацдарма для рациональности, а затем и прагматизма, рассудочности, эмпиризма, специализация лишает труд и коммуникацию естественной среды для развития холизма. Выход субъекта за пределы, заданные ему извне (в любой специализации трудовых функций), в онтологическом ключе есть противостояние Я и другого. «В крайнем выражении в роли Другого может пониматься и весь социум... Современного человека вполне можно назвать ценностным маргиналом. Маргинальная личность ... теряет Цель и Смысл своего существования»<sup>80</sup>. Профессионал через снятие внешних правил существенной области бытия, – общественного разделения труда, – подводит к ускользанию от трансгрессии, когда субъект не только не испытывает нужды в агрессивности к кому бы то ни было, ввиду отсутствия страха неопределенности, то и практически становится держателем ценностных моральных абсолютных норм.

Началом разделенности людей через специализацию, а вместе с ней через индивидуализм и конкуренцию, стала эпоха Возрождения, или эпоха технизированного производства, что интуитивно отчетливо звучит в трагедиях Шекспира, а теоретически обосновано в таком популярном произведении, как «Галактика Гутенберга» Маршалла Мак-Люэна: любые культурно-технологические достижения человечества (а особенно явно – письменность и книгопечатание) развивают противоположность внутри естественной тенденции единства чувств и разума человека<sup>81</sup>. И эта противоположность пока побеждает: специализация продолжает упрочивать свои позиции, мотивируемая технологическими достижениями в конкурентной борьбе!

Камю назвал технизацию человека кризисом иррациональности<sup>82</sup>, о котором пока не думают как о глобальном кризисе. Между тем эта идея Камю пугающе освещает не столько бытовые беды (учащение самоубийств, отсутствие взаимопонимания близких, гендерный разрыв), сколько производство, где человек и не пытался никогда открыть для себя мир чувств, чувствительности. Когда наука стала непосредственной производительной силой, объективизм

---

<sup>79</sup> Оконская Н.К., Стерледева Т. Д. Инженер в современном мире: особенности и перспективы прогрессивного становления // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. 2015. № 2. С. 49.

<sup>80</sup> Ивановская О.В. Трансценденция против трансгрессии // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 1. С. 256–257.

<sup>81</sup> Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника-центр, 2004.

<sup>82</sup> Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. С. 24–100.



производственной коммуникации оказался способным нарушить меру субъективизма главной производительной силы (человека), порождая новые риски роста неустойчивости социума. Когда собственность на рабочую силу исчезающе мала, что связано с наукоемкостью производства, цифровизацией и противопоставлением живого человека средствам производства, малый и средний бизнес оказывается под разрушающим воздействием не столько извне, со стороны государства или монополизации, сколько изнутри, через потерю ценности личного участия в труде. Специализация – технологическое выражение психологии эгоизма, когда внешняя недисциплинированность, компенсируемая исполнительностью, проистекает из внутреннего произвола, из слабой самоорганизации.

С объяснительной теоретической позиции очевидно, что после четвертой глобальной революции вследствие неравномерного развития не все социальные институты вступили в фазу многоуровневых саморазвивающихся систем, подчиняющихся синергетическим законам<sup>83</sup>.

Диссипативность (неравновесность открытых систем) оказалась особенно распространенной среди человекообразных систем, что ожидаемо, поскольку самым могучим хаотизатором, осуществляющим связь каждого элемента с каждым, выступает именно человек, для которого порядок и замкнутость выступает лишь второй, искусственной природой. Человек как главный элемент производительных сил мог продолжать функционировать при минимуме упорядочивающих его функционирование внутренних мотиваций (заработная плата), поэтому его переустройство в направлении возврата объективного единства так задержалось: специализация продолжает способствовать разделенности общественного труда. В то же время технологический компонент общественного производства, демонстрируя победу разума над естественным природным окружением, может воплощать в себе многоуровневость и все эмерджентные эффекты искусственных аттракторов. Трансдисциплинарность рациональной организации опыта объединяет экономику и политику в качестве внешних сил стабилизации раздробленности и антагонизма социально-экономических практик.

Наука и технология «взрываются друг в друге», считает Д. Харавэй..., что совпадает со смыслом утверждения Б. Латура («наука и общество вмещены друг в друга»)<sup>84</sup>. Главное в этих дискуссионных идеях – внешние по отношению к человеку рациональные системы становятся определителями людей,

---

<sup>83</sup> Порус В.Н. Междисциплинарность как тема философии науки // Эпистемология и философия науки, 2013. Т. 38. № 4. С. 5-13.

<sup>84</sup> Столярова О.Е. Постнеклассический образ науки: «исследования технонауки» (обзор) // Философия в XX веке. Часть 2. М.: РАН; ИНИОН, 2003. С. 54.

лишая человека профессиональности, через потерю качества ведущей производительной силы. Наступающие при этом необратимые изменения мы наблюдаем уже сегодня, хотя и не связываем их с потерей профессиональности. Резкие изменения гендерных стереотипов, распространение ЛГБТ-ценностей, аксиологическая потерянности субъекта в поисках счастья, любви, надежды, идеалов, и т. д. являются результатом переноса запросов общества с институциональных носителей на рабочие динамические стереотипы. Институциональность – объективные способы коммуникации людей для практического осуществления потребностей общества в самых различных областях. От малочисленных (брак, семья, личность) до объемных макросоциальных (профессия, образование, др.), – социальные институты как общее по отношению к единичному неразрывно связаны с каждым субъектом, и поэтому играют роль внутренних движителей, отражая и воплощая интересы человека. При переходе мотиваций от внутреннего, необходимого, к внешнему, случайному, создаются условия для распада целого, для возникновения частичных подобиий субъекта. Выводы ученых на основе изучения подобных феноменов значительно отличаются от философских: мир науки восхищен могучим потенциалом овеществленного неживого труда. Закономерности технотехники обобщаются в виде такой популярной в социологии теории, как акторно-сетевая, ведущей идеей которой можно назвать известную формулу Б. Латура «Вещи тоже действуют»<sup>85</sup>. Однако главным риском, которым до сих пор пренебрегают на фоне экономической эффективности, становится превращение человека в вещь<sup>86</sup>.

Так, закрепление нового цивилизационного образа пола вполне логично вытекает из потери человеком своих экзистенциальных потребностей, и может привести к полному нарушению в фенотипе генотипических особенностей организма. Вплоть до полной потери идентичности. Гештальт-прививки внешних функционалов, рабочих динамических стереотипов являются своего рода «литейной формой», по которой «отливается модель» частичного человека. В отличие от фенотипа гештальт как более абстрактная характеристика целостности разрушает институализацию, и общество сегодня оказывает переполненным «странностями» поведения людей в статистически значимых масштабах: технически ориентированные на преуспевание, суррогаты мужчин,

---

<sup>85</sup> Ерофеева М.А. Акторно-сетевая теория: объектно-ориентированная социология без объектов? // Логос. 2017. Т. 27. № 3 (118). С. 83–112; Ерофеева М.А. Акторно-сетевая теория и проблема социального действия // Социология власти. 2015. Т. 27. № 1. С. 17–36.

<sup>86</sup> Напреенко И.В. Делегирование агентности в концепции Бруно Латура: как собрать гибридный коллектив киборгов и антропоморфов? // Социология власти. 2015. Т. 27. № 1. С. 108–121; Ерофеева М.А. Люди и/или технологии? Релевантность материальных объектов в повседневном взаимодействии // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6. № 4. С. 140–153.

женщин, детей, которые не ведают духовных ценностей, но вполне преуспевают в конкурентной борьбе с помощью технологических новаций. Преуспевающих функционеров поддерживает политика, но для духовности и личного признания данная поддержка не является институциональной, поскольку функции политики не совпадают с запросами образования и гуманитарных связей. «Наиболее значимыми идеями, определяющими суть целеполагания в образовании, являются идея свободы и самораскрытия личностного потенциала человека»<sup>87</sup>.

Почему человек так податлив внешним мотивациям, угрожающим его социально необходимому единству и целостности? На наш взгляд, адаптированность к простым запросам – это опасный знак слабости и беспомощности по отношению к сложным внутренним духовным запросам. Такие материальные ценности, как жизнь и благополучие, не требуют способностей в самораскрытии личностного потенциала. Для сохранения материальных ценностей вполне достаточно опосредованного признания: деньги как превращенная форма стоимости выступают знаком признанного участия в общественном разделении труда, а их количество сигнализирует о мере признания профессии, статуса, престижа личности. Когда интериоризация способностей к труду, мышлению, общению нарушена, для человека экстериоризированное поведение начинает преобладать, и возникает ролевое смешение, граничащее с потерей эгоидентичности.

В результате человек оказывается подчиненным технике: аттракторы технологической среды вытесняют экзистенциальные потребности в деятельности, в преодолении своего одиночества, своего эгоизма, в познании мира, в самоидентификации. Игромания, потребность ухода от реальности, расстройство психики, физиологии – лишь малый перечень цифровой зависимости, угрожающей каждому. Так, разрушение пола, замена половой дифференциации на порядковый номер, забвение духовности не могут считаться результатом извращенной фантазии или обратной стороной секуляризации. Это гештальты нового поколения людей-суррогатов, востребованных обществом, служащих технологиям через аттракторы сугубо рациональные, технологические, оживляемые рынком. Кризис иррациональности, разрушение личности, ее свободы при этом не рефлексировается и не преодолевается. Годы образования превращаются в годы безвременья (раз образование, нацеленное на свободу и автономность, оказывается не востребованным, а потому и неэффективным). Бессилие потраченных лет наполняет человека страхом и агрессией безысходности. Сегодня технофункция создает себе социальный институт и

---

<sup>87</sup> Миссия ученого в современном мире: наука как призвание и профессия. М.: Русское общество истории и философии науки, 2021. С. 175.

требует новой социализации от человека. Как можно объяснить выход на первый план, особенно в условиях кризиса, функциональной диктатуры над институциональной? Во-первых, это гносеологические ошибки, связанные с трудностью познания (постмодернизм, когда факты вытесняют целостность как природы, так и самого человека, когда отсутствие истины становится нормой, пр.). Во-вторых, это перекося в сторону специализации, в связи с информатизацией и технизацией общества. Человек, с необходимостью соединенный со сложным умственным трудом, но при этом подчиненный разделению с представителями своей специальности гранями своей профессии и конкурентной борьбой. *Отделение человека от человека играет ту же блокирующую разрушительную роль, что и отделение умственного труда от физического*, так как эмоциональный мир другого человека оказывается за гранью познавательных потребностей человека. Место потребностей человека заполнено функциями (аттракторами). Потребностям не находится места. «Стоимость как основа ценности, выступающая мерой общественного труда, была открыта человечеству Марксом в XIX веке. Сегодня оптимизм гуманистического подхода к истории основан на том, что в современных условиях можно рассчитывать не только на опосредованное воссоединение людей в единое целое (*человечество*) через вложенный в общественный продукт труд, но и на прямое воссоединение через незаменимость каждого в творческом процессе. Прямое признание – это превращение каждого в интеллектуального собственника... вызревание непосредственно общественного характера труда в обществе, индивидуализация собственности»<sup>88</sup>. Потребность в прямом признании, являющаяся экзистенциальной, жизненно необходимой, не сохраняется и не может сохраниться во всех ситуациях преобладания специализации над интегральностью и институализацией личности, ведя за собой разрушение способностей к коммуникации и мышлению.

Глубинное скрытое противоречие между господством субъекта в системе производительных сил и его саморазрушением в результате технологизации (кризиса иррациональности) усиливается по мере того, как противоречия глобализации экономики (между первой и второй природой, между человеком и природой) разрешаются с опорой на инноватику, на рацию.

В противовес этому необходимо, на наш взгляд, спасти профессионализм человека, понимаемый как целостность человека, свободно реализующего экзистенциальные потребности (в деятельности, преодолении эгоизма, в познании внутренней и внешней природы, в самоидентификации) именно на основе участия в общественном разделении труда, в общественно значимой деятель-

---

<sup>88</sup> Оконская Н.К. Цивилизация и культура. Проблемы личности. Пермь: ПГТУ, 2001. С. 20.

ности. Там, где человек не частичен, а соответствует своей сущности, воплощению всех общественных отношений, главным элементом его агентности остается мораль, индивидуализированная форма общественного сознания, гарантирующая защиту индивидом абсолютных моральных норм. «В силу автономности морали ни образование, ни семья, ни религия по отдельности не смогут восстановить в правах моральные нормы творчества, если не будет найден такой институт общественного развития, который сможет, действуя на названную нами причину технизации человеческих отношений, разрушить негативные стороны этой технизации, оставив прогрессивную часть системы самодостаточной»<sup>89</sup>. Профессионал так или иначе способен подтвердить свою автономность от технологического засилья. Таким институтом мы сегодня обозначаем профессионала, или интеллектуального собственника, который восстанавливая иррациональные по своей сути нормы коммуникации на производстве, сохранит целостность человека, задавая новые нормы не только коммуникации, но и мышления. Очевидно, что отчуждение человека от его духовности связано в том числе с недостаточностью образовательной практики. Конкретизируем: если отсутствуют определенные виды познавательной активности, будучи замененными информационной активностью (компьютеризацией, цифровизацией познания), может произойти технизация ценностных составляющих субъекта образования, что приведет к трансгуманизму взамен гуманизма, господству эмпиризма взамен фундаментального образования.

Так же, как компьютеры были изобретены не для обработки текстов или создания на их основе интернета, профессионализм с позиций его активного противостояния разделенности отраслей научного знания может противостоять разделенности людей, истончению гуманитарных связей. Профессионал – это интеллектуальный собственник.

## **2. К понятию интеллектуальной собственности**

Интеллектуальная собственность – глубинное и емкое понятие социальной философии. Если от внешних (правовых) определений подойти к социально-философскому обоснованию роли субъекта труда в информационном обществе, концепция интеллектуальной собственности все больше выходит в лидеры феноменов социального процесса противоречивого периода виртуализации реальности. Тревогу вызывает риск потери личностных ориентиров (моральных законов, гендерных норм), связанный с ускользанием объективной почвы самореализации на уровне естественного языка коммуникации в условиях глобализованного многофакторного мира. Исчезают понятия, связанные с идеальным миром: духовность, Бог, сознание, чувства, эмоции и пр.

---

<sup>89</sup> Оконская Н.К., Стерледева Т. Д. Инженер в современном мире ... С. 50.

Все понятия, связанные с разумом, расцениваются в качестве метафор, образов, или того, что «на самом деле» не имеет никакого нематериального смысла. Подобное обесмысливание философской картины мира опасно многопланово, но в данной проблеме обоснования концепции интеллектуальной собственности заострим внимание на ситуации, когда искусственный интеллект, информационные технологии значат для общественного мнения больше, чем забота о духовном развитии подрастающего поколения. В эпоху плюрализма мнений картина мира напоминает лицо человека, глядящегося в зеркало, разбитое на тысячи тысяч осколков. Непонятно для внешнего наблюдателя, рассыпалось ли само Лицо, или только разбилось зеркало. Таков, на наш взгляд, образ сегодняшнего кризиса цивилизации.

Преодоление кризиса без концепции интеллектуальной собственности выглядит проблематично. *Центрами бифуркации сегодня выступает свободное распоряжение субъекта средствами своей деятельности, в том числе духовно-интеллектуальным потенциалом как концентрацией способностей каждого.* При этом историческое время революционного насилия завершилось, и все формы классового антагонизма, – прежних «классических», связанных с эксплуатацией, и новых, – технических, цифровых форм отчуждения, – видятся преодолимыми точно, с помощью интеллектуальной собственности. Введем определение: интеллектуальной собственностью называется такая собственность на свою рабочую силу, которая обогащена интеллектуальной мощностью, позволяющей сохранить *целостность* труда без деления его на отчуждаемый труд по созданию стоимости как превращенной формы всеобщности труда и труд по созданию потребительной стоимости (конкретный труд)<sup>90</sup>. При частичности труда человек приобщен к труду только в системе отношений «социальная группа – вторая природа», где группа – некоторая социальная общность, что в антагонистических формациях с необходимостью ведет к отчуждению от человека его сущностных сил (базовых способностей) и разрушению его экзистенциальных потребностей в деятельности, познании, преодолении одиночества и обретении идентичности.

Почему объективно-истинное преодоление цивилизационного кризиса может быть только точечным, основанным на интеллектуальной собственности субъекта труда, с включением его научной и духовной составляющих? Эту гипотезу очевидно нельзя обосновать только гештальт-прививкой к социаль-

---

<sup>90</sup> Гегель Г.В.Ф. Философия права // Гегель Г.В.Ф. Сочинения: в 7 т. М.: Соцэкгиз, 1934. Т. VII. С. 89–95; Оконская Н.К. Интеллектуальная собственность: социально-философское обоснование. Пермь: ПГТУ, 1998; Оконская Н.К. Интеллектуальная собственность в информационную эпоху. Социогенез и перспективы развития. Пермь: ПНИПУ, 2018.

ным объективным законам новой общенаучной теории синергетики, отражающей эволюцию порядка из хаоса, где каждая точка (а потому и каждый субъект), будучи связанной с каждой иной точкой, может выступить создателем новой меры, синтезируя новые противоположности и новые противоречия взамен антагонистических.

Объяснение берет начало от теории индивидуализации собственности на средства производства по Марксу<sup>91</sup>, который в Капитале изложил историческую тенденцию капиталистического накопления как отрицание частной формы собственности на средства производства, выступающей причиной присвоения чужого неоплаченного труда. Сегодня эта историческая тенденция конкретизирована, наполнена содержанием: «речь идет о контроле за прибылями и управлении ими ... в каждом отдельно взятом коллективе. Предполагается, что ... авторитет власти уступает место власти авторитета, власти компетентного руководителя и профессионализму работников. В таком случае коллектив ... не может диктовать условий несправедливого перераспределения прибылей, ибо прибыли в первую очередь зависят от участия или неучастия в работе объединения того или иного исполнителя – интеллектуального собственника. Нелепо было бы представить, к примеру, что лаборатория Эйнштейна не учитывала бы интересы (бытовые и исследовательские) великого физика. Не менее нелепым становится в перспективе развития информационной эпохи сокрытие каналов расходования прибыли предприятием или другими самостоятельными хозяйствующими субъектами от участников производства этих прибылей. Важно, что основными системами рыночной экономики в идеале является малый и средний бизнес»<sup>92</sup>.

Объективная реализация данной тенденции в начале XXI века не может не быть дополненной индивидуализацией моральной ответственности субъекта труда за *развитие своей природы, своих способностей к труду-мышлению-общению, по экспоненте нацеленных на духовное всемогущество интересубъективности*. Мораль как индивидуализированная форма общественного сознания, возникая раньше других форм общественного сознания, является самой тонкой, высшей по сложности системой самоуправления и саморазвития. Именно такие системы – носители современного способа управления второй природой, построенного на постнеклассическом типе рациональности (В.Г. Горохов, В.С. Степин, В.М. Розин и др.<sup>93</sup>). Самые сложные системы по законам диалектики воплощают в себе снятие бесконечности, когда

---

<sup>91</sup> Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 773.

<sup>92</sup> Оконская Н.К. Интеллектуальная собственность в информационную эпоху. Социогенез и перспективы развития. Пермь: ПНИПУ, 2018. С. 38–39.

<sup>93</sup> Розин В.М. Наука: происхождение, развитие, типология, новая концептуализация. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2008.

абсолютный максимум (глобализированное человечество) совпадает с абсолютным минимумом (интеллектуальный собственник). Социально-философская теория интеллектуальной собственности ложится на фундаментальное объяснение Гегелем умения владеть собственностью в качестве предпосылки и базы нравственности: «основано на глубокой идее снятия неопределенности небытия, пустого бытия воли, когда ее внешняя определенность, в том числе телесная, не положена в качестве базы для самоосуществления. Только умение владеть телом и знаниями как природной внешней определенностью делает свободу (и нравственность) осуществленной, т. е. пустое понятие человека вырастает до идеи, живой субстанции “человек”»<sup>94</sup>.

Противоположностью интеллектуальной собственности является отчуждение. По Гегелю, «примерами отчуждения личности служат рабство, крепостничество, неспособность обладать собственностью, несвобода в овладении этой собственностью и т. д.; отчуждение разумности интеллекта, морали, нравственности, религии происходит в суеверии, в признании за другими авторитета и правомочия определять за меня и предписывать мне, какие поступки я должен совершать (когда кто-нибудь определенно нанимается на грабеж, убийство и т. д. и на возможность преступления), что я должен считать долгом совести, религиозной истиной, и т. д.»<sup>95</sup>.

В концепции интеллектуальной собственности как собственности на свою рабочую силу, контролируруемую в целеполагающей свободной и ответственной деятельности, не ставится под сомнение духовность интеллекта человека, разрушается гипотеза потенциального тождества человеческого и машинного искусственного «интеллекта». Концепция необходима для восстановления культа интеллектуальности личности взамен культа потребительского могущества, распространения плюрализма мнений (инобытие фейковой масскультуры), культа насилия, аффектов разрушения традиционных ценностей. Идеальное как внутренняя форма активной деятельности<sup>96</sup> создается именно в результате активной *целостной* деятельности, практики, обладая всеми достоинствами идеальности в узком высшем воплощении этой формы отражения бытия: всеобщностью, бесконечностью субстратов, главными из которых является человек-личность.

Можно ли быть свободным и оставаться целостным в условиях роста специализации, технизации мышления, технизации деятельности, увеличивающегося разрыва гуманитарных связей, что характерно для периода глобализа-

---

<sup>94</sup> Оконская Н.К. Интеллектуальная собственность в информационную эпоху ... С. 54.

<sup>95</sup> Гегель Г.В.Ф. Философия права ... С. 90.

<sup>96</sup> Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 241–258.



ции капитализма? Преломление многообразных типологий деятельности через концепцию интеллектуальной собственности позволяет систематизировать творческое могущество человека в качестве основного ценностного компонента труда, мышления, общения, игры при условии наращивания контроля субъекта за результатами своей деятельности. Это происходит в системе общественного разделения труда даже при отсутствии иных стоимостных доходов участников, кроме заработной платы, если интересы собственника своей рабочей силы и осознаются, и контролируются.

Современная научная картина мира по-прежнему атавистически дифференцирует себя от философской, глубинной, фундаментальной картины мира, что является следствием недавнего кризиса метафизики. Разрыв гуманитарных связей и экономико-политическая разрушительная мощь геополитики в отношении будущего человечества не исследуются так, как этого требует открытие социально-ценностных ориентиров развития техногенной цифровой цивилизации<sup>97</sup>, ибо главное недостающее звено в цепи современных технологий – это человек, личность, с его ценностями, то есть с его философской картиной мира. Каждый человек есть способ существования и сохранения общества, общего, необходимо играющего ведущую роль по отношению к автономному субъекту. Причина выбора человеком разрушительного пути, когда легче предать свои способности, чем попытаться развить их для такого экономического отчуждения, как работа по найму, – это бессилие, социальная беспомощность, неосознаваемая ни самим субъектом, ни другими людьми. Недостаточность интеллектуальной собственности. Подчеркнем, – не интеллекта, а именно собственности (интеллектуальной), «внутренней собственности духа, которая *по сути* своей является неотчуждаемой (хотя она и отчуждается – *вопреки своей сути*: в рабстве, убийствах и других преступлениях против личности и нравственности). В результате такого отчуждения происходит уничтожение сущности человека!»<sup>98</sup>.

Какие причины беспомощного бессилия рисует обобщенный портрет личностной структуры? Частичность и расколотость – главная общая черта, выражающая и проявляющая новые формы отчуждения, связанные с технизацией и компьютеризацией, специализацией. Эти три черты представляют единое, отраженное в философии техники Хайдеггера: человек отдан технике, востребованный как ее элемент, обслуживающий персонал. И хотя использовать человека в качестве фрагментарного дополнения к техническому нецелесообразно, но экономическая выгода скрывает возникающую разрушенность

---

<sup>97</sup> Стёпин В.С., Порус В.Н. Научная революция // <https://gtmarket.ru/concepts/6961#t03.04> (дата обращения: 08.06.2022)

<sup>98</sup> Оконская Н.К. Интеллектуальная собственность в информационную эпоху... С. 140.

пользователя цифровых технологий, так как ускорение производительных сил говорит убедительнее, чем философские учебники. Разрушенным оказывается человек, предающий свои способности, так как по теории великого провидца в этой области Гегеля, собственность на неотчуждаемое не только имеет место, но и исторически глубоко коренится в человеческом труде, мышлении, общении<sup>99</sup>.

Попытаемся исследовать данную проблему под углом обретения профессионализма как главного практического потенциала реализации интеллектуальной собственности автономным субъектом общественного разделения труда.

### **3. Границы профессионализма субъекта информационного общества**

Проблема защиты онтологической укорененности сознания, разума обостряется в эпоху цифровизации в связи с технологическим перевооружением производительных сил. Социально-философской картине мира агентности человека, наделенного сознанием, противостоит энактивизм акторов истории, среди которых киборги, роботы, искусственный интеллект играют роль, сравнимую с человеком, бросая ему вызов своей победительной вещной силой<sup>100</sup>. Является ли человек по-прежнему главным элементом производства? Или технологии (основной капитал, инфраструктура) настолько выросли в их значимости в эпоху цифровизации экономики, что роль человека оказалась низведенной до роли оборотного капитала с перспективой вытеснения живого труда роботами и другими объектами искусственного интеллекта? Растет ли профессионализм живого труда теми же темпами, что цифровизация и информатизация экономики, или, напротив, профессионализм как требование к субъекту труда минимизируется? «Стремительно развивается технологическая цепочка, связанная с использованием «виртуального двойника», который постепенно будет приобретать все более реальный образ при его восприятии. Уже совсем скоро мы не сможем отличить реального политика, произносящего речи перед нами, от его столь же реального для нас виртуального двойника (3D-модель, голограмма)»<sup>101</sup> Кто впереди, – постчеловек, который побеждает в наступающей на нас постчеловеческой цивилизации, или все же профессионализм свободных индивидуальностей как главное направление прогресса че-

---

<sup>99</sup> Гегель Г.В.Ф. *Философия права...* С. 67, 81, 89, 90.

<sup>100</sup> Князева Е. Н. *Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии.* М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014.

<sup>101</sup> Миронов В.В., Сокулер З.А. *Тоска по истинному бытию в дигитальной культуре // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия.* 2018. № 1. С. 9.

ловечества? Это далеко не праздные вопросы, так как наиболее острыми противоречиями, производимыми со всей мощью современных технологий, являются противоречия возврата истории вспять, к технофеодализму.

Что такое технологическое рабство или технофеодализм? Развитие общества идет извилистыми путями, и прогресс может смениться на тупиковые возвратные движения, – от информационного общества с капиталистическим способом производства к феодализму нового, технологического толка, к состоянию вещной и личной зависимости людей, закрепляющему границы индивидуального развития внешними рамками. Технофеодализм предполагает восстановление вещной зависимости развития субъекта, но не от собственности на землю, а от наличия и эффективности использования современных цифровых (высоких) технологий. Личная зависимость, унижающая людей, также сохраняется, так как современные технологии распространены крайне неравномерно, и место выбора работником сферы приложения его рабочей силы зачастую может определяться выбором той технологии, которая доступна собственнику средств производства как организатору рабочих мест.

Итак, современность задает невиданное прежде противоречие, – между профессионализмом человека и его технологической ценностью, которая снимает мотивацию к профессионализму, или интеллектуальной собственности. Это противоречие становится индикатором философской проблемы развития – или же разрушения профессионализма. «Новая» экономическая система, разрушающая объективные законы развития экономики, формации, куда опаснее, чем генетические отклонения от природной нормы. Технологическое порабощение через природоподобные технологии переводит ресурсы мозга в запас, а затем родители удивляются слабости логического мышления детей, игровой зависимости, неспособности к самоограничению (к дисциплине ответственности и заботы). Конкретизация влияния языка на бытие и мышление многоканальна (логическая философия, концепция Альфреда Коржибски, др.). Главное, что заинтересовало нас в плане разрушения интеллектуальной собственности и профессионализма, – это гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа, ее жесткий вариант<sup>102</sup>, где язык выступает определителем мышления: рационализация, уход от бесконечности смыслов в общении людей, не сводимом к механике знаков языка. Если в используемых языковых знаках мера интеллектуальной собственности, по Гегелю, нарушена так, что продолжение воли субъекта снимается в силу полного устранения иррациональности, то человек разучается мыслить, поскольку любая мысль,

---

<sup>102</sup> Бородай С.Ю. Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации // Вопросы языкознания. 2013. № 4. С. 17–54.

идея – это иррациональное, снятие конечности опыта, погружение в мир сущностей. «В литературном произведении и также в техническом изобретении форма, благодаря которой они суть внешние вещи, представляет собою нечто механическое, – в первом потому, что мысль дана в нем лишь в ряде разрозненных абстрактных знаков, а не в конкретных образах, во втором потому, что оно вообще имеет механическое содержание»<sup>103</sup>. Данная цитата из великого Гегеля приведена для того, чтобы показать слабость концепции энактивизма, «воплощенного действия»: все, что имеет отношение к опыту, к навыкам (сложения стихов, решения примеров, или любой физической работы) не может быть ассоциировано с сознанием, тем более с духовностью. Ценность подобных навыков эффективна для соревнования с искусственным интеллектом, но разрушает меру собственного проблемного видения мира. Когда человек видит мир беспроблемно, он теряет свою интеллектуальную собственность как власть над духовностью, заменяя ее технологизацией информированности. Разучаясь задавать «философские» вопросы, субъект теряет способность отличать добро и зло. Информацией невозможно отличить морального человека от аморального, по поступкам людей не судят. Ни энактивизм, ни акторно-сетевой конструктивизм, любые другие социологические и психологические научные теории не в силах подхватить и разрешить главную проблему интеллектуальной собственности: могу ли я гарантированно автономно и свободно выступить агентом всех социальных институтов, носителем которых по природе своей является человек?

Технология говорения, информирования, деятельности противостоят внутренней работе проблематизации познания, вплоть до исключения мышления, так как, передавая информацию, человек мифологически, «фейково» скользит суждениями по уже решенным в общественном сознании проблемам, подпитываясь чужими результатами. Опасность создания служебного человека велика, но она не в биологии, а в невозможности управления процессами сознания, когда стереотипами поведения и профессиональных навыков выстраивается заградительный каркас между языковой, научной картиной мира<sup>104</sup> и ее философским ценностным, во многом иррациональным базисом. Шаг за шагом от детского возраста открытости миру меняется самосознание, меняются ценности идентификации, и сам человек при этом не понимает, что происходит его рассечение на части, абстрагирование от духовности.

---

<sup>103</sup> Гегель Г.В.Ф. Философия права... С. 92.

<sup>104</sup> Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003.

Убедиться в ускользании целостности возможно, если учесть, что именно образование сегодня выступает источником мотивации внутренней активности, сохраняющей и укрепляющей целостность. *Сфера образования трансформирует структуры через создание интеллектуальных собственников.* Или не преуспевает в этом, выпуская некомпетентных пользователей социальными институтами, разрушителей собственной личности.

«В этой деструктурированной социальной реальности инициативное индивидуальное действие становится важным условием социальной жизни. Например, на рынке труда не только существенно увеличивается доля населения, работающего вне традиционного корпоративного сектора, включая самозанятых и предпринимателей, но и растет необходимость для каждого занятого, в том числе для сотрудников компаний, проявлять инициативу в совершенствовании бизнес-процессов, формировании рабочих групп и команд, улучшении продуктов и т. п.»<sup>105</sup>. Итак, адаптанты не только ущербны лично, но и опасны для социума, в силу невозможности противостоять рискам. Технизированный человек является энактиватором, его опыт сравним с технологией, с овеществленным трудом. При этом его моральные качества конформизма никак не наказуемы и даже не контролируются.

Напротив, профессионал как интеллектуальный собственник своей рабочей силы – трансформирующая агентность, и его моральная сила (что соответствует этике ответственности) выступает связующим звеном любых трансформаций общественно значимой активности, в том числе по обретению эгоидентичности. Малые социальные группы как социальные институты устойчивы только тогда, когда их носители способны к преодолению ролевого смешения.

Цифровизация не составляет конкуренцию человеку, пока идет адекватное субъекту развитие образования. Если же образование подчинено не самообразованию, что возникает во всех ситуациях абсолютизации единичного, отдельного, фактического, специализированного, то результатом становится создание служебного человека. Теряя свою агентность, люди еще долгое время не будут догадываться, что они рабы. Отталкиваясь от закона источника могущества общества – в общественном разделении труда, обоснуем идею профессионализма с позиций массового производства и массового образования. Мы считаем, что профессиональность появляется в эпоху капитализма, массового

---

<sup>105</sup> Сорокин П.С., Фрумин И.Д. Образование как источник действия, совершенствующего структуры: теоретические подходы и практические задачи // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. 2022. № 1. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-1-116-137>. С. 118–119.

производства, когда *каждый* человек оказывается способным вместить сложность мира, охватив ее с помощью массового образования, науки и философии. При этом каждый субъект это гносеологическое могущество дополняет могуществом социальным: способностью быть автономным специалистом-профессионалом. «Социальными процессами истории оказалась размыта сама основа привилегии интеллектуального труда, или труда интеллигента, с одной стороны, а с другой стороны, фактически, или практически, почти совсем исчезли свободные профессии, и акт выполнения интеллектуального труда стал осуществляться в формах наемного труда, то есть в формах более сильных связей с обществом и классом»<sup>106</sup>. Массовое цифровое производство как основа беспредельного могущества человечества информационной эры амбивалентно, и противоречие скрыто в противостоянии профессиональности интеллектуальных собственников и т. н. «люмпен-пролетариата», «массового человека», который живет за счет реального труда других людей и науки, «выполняя некоторые чисто механизированные и стандартные виды работы»<sup>107</sup>, по сути удешевляя технологическую составляющую капитала. Однако при этом такое удешевляющее воздействие механизированного массового труда люмпен-обывателей подводит производство к грани катастроф, что проявляется в ценностной деградации отдельных социальных слоев в периоды социально-экономических кризисов, войн. Причина в том, что люмпенизация, феномен массового непрофессионального производства означает такое приложение науки к производству, которое позволяет создавать массовые репликации, копии образцов, поднимать жизненный уровень всего общества, при этом не затрагивая могущества главного производителя, субъекта производства<sup>108</sup>

Профессионализм развивается в результате разрешения противоречия массового производства между люмпенизацией и интеллектуализацией общественно значимого труда.

#### **4. К выводу**

Отвечать на вопрос о профессионализме, профессионале в противовес слабому специалисту-недоучке можно на основе концепции интеллектуальной собственности. Профессионалом мы называем интеллектуального собственника, или человека, получившего неотчуждаемую власть над своей рабочей силой. Интеллектуальная собственность выступает как процесс институционализации личности в социуме с массовым производством, в противовес деструкции и конформизму антиличностей. Профессионал – это такое владение,

---

<sup>106</sup> Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 49.

<sup>107</sup> Там же. С. 32.

<sup>108</sup> Там же. С. 31.

пользование, распоряжение своей рабочей силой, которое позволяет вывести человека на роль главной производительной силы, ведущей за собой технологию, технику. Речь о знаниевом капитале. Проблема *профессиональности* человека в современных информационных условиях по содержанию предполагает все более полное насыщение социального значения людей в их повседневной жизни, связанное с состоянием общегражданской грамотности, как говорил Мамардашвили<sup>109</sup>. Только через профессионала может происходить восстановление меры соединенности государства и общества с сохранением автономности каждого субъекта в условиях абсолютности публичной политической власти, поскольку «нет закона, если со стороны человека нет усилия, чтобы этот закон был, в том числе усилия понимания закона»<sup>110</sup>, и наоборот. Без критичности интеллектуального преобразования социальных законов они превращаются в пустой абстрактный знак. Социальное значения профессионального участия субъекта в производительных силах растет там и тогда, когда человек выходит на уровень знания сущности, то есть объективных законов, и становится интеллектуальным собственником, контролируя результаты своего труда на основе встраивания их в эту познанную систему законов.

---

<sup>109</sup> Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. С. 142.

<sup>110</sup> Там же. С. 178.

## Особенности политической субъектности региональных элит в современной России

Политическая субъектность – один из важнейших аспектов анализа при оценке политических явлений и процессов, позволяющий установить кто, как и почему осуществляет те или иные изменения в политической жизни, воздействуя при этом на два важнейших её аспекта – деятельный и институциональный.

Естественно, в реальной действительности имеет место системная взаимосвязь и единство политической деятельности и политических институтов, поскольку, как справедливо отмечают российские исследователи Ф.М. Бурлацкий и А.А. Галкин, «политическое действие опредмечивается в институциональном образовании (в соответствующем учреждении, юридической регламентации, формальной роли и т. д.). И наоборот, институциональное образование постепенно «распредмечивается» в политическом действии (становится его объектом, средством, критерием, целью)»<sup>111</sup>.

При этом в исследованиях традиционно представлена диспозиция субъекта и объекта политических отношений. Так, А.И. Демидов и А.А. Федосеев отмечают: «Одни участники политических отношений служат носителями политического действия и называются субъектами политики, другие – выступают в качестве её объектов, то есть таких фрагментов политической реальности, на изменение, преобразование или поддержку которых политическое действие направлено»<sup>112</sup>. Но обе эти позиции относительны и довольно часто субъект политики может становиться объектом и наоборот.

Вместе с тем очень важно то, что «субъект политики (лат. Subjectum, юр. – носитель прав и обязанностей) – источник политической активности, направленной на объект политики. Основные признаки субъекта политики: способность и возможность принятия политических решений, наличие средств и возможностей реализовывать принятые решения или проконтролировать их реализацию, практическое участие в политической деятельности. Ответственность за последствия своих политических действий перед какой-либо инстанцией: избирателями, руководством, политическим союзником и др.»<sup>113</sup>.

Важно, что совокупность перечисленных признаков субъекта политики изначально означает наличие разной меры политической субъектности. Это

---

<sup>111</sup> Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан. Очерки политической социологии капитализма. М.: Мысль, 1985. С. 217.

<sup>112</sup> Демидов А.И., Федосеев А.А. Основы политологии. М.: Высшая школа, 1995. С. 103.

<sup>113</sup> Политологический словарь. В двух частях. Часть II. М.: Луч. С. 158.



становится более понятным тогда, когда в качестве примера мы обозначим общепринятый в политологии перечень субъектов политики: класс, нация, этнос, конфессиональная общность, большие и малые социальные группы, в том числе группы интересов, политические партии, само государство, ну и, конечно, индивид как рядовой ординарный гражданин или как политический лидер разного уровня и плана, правящая элита и контрэлита. К этому следует добавить и то, что в качестве субъекта политики, как правило, рассматривают различного масштаба социальные группы: социально-классовые, социально-этнические, социально-профессиональные, социально-производственные, социально-демографические, социально-территориальные, выделяемые по характеру и уровню образования, по уровню доходов. Возможны и иные градации, например, правящий, иногда – политический класс, а также элита данного общества.

Политическая субъектность российской элиты в масштабах государства проанализирована и описана в десятках, если не сотнях отечественных и зарубежных научных работ. А вот то, что касается политической субъектности региональных элит, особенно в современной российской политической действительности, то она пока изучена относительно мало. К тому же, сама политическая субъектность – понятие сложное, трактуемое различными исследователями порой принципиально неоднозначно. Как трактовка любой сложной философской и политологической категории, трактовка политической субъектности сопровождается множеством теоретико-методологических подходов, порой противоречащих друг другу.

Однако в научной литературе, при рассмотрении политической субъектности как явления, ключевой акцент, как правило, делался на изучении деятельности и на функционировании конкретных политических субъектов, а не на обобщающем анализе явления как такового.

Так, А.А. Вилков, анализируя основные концептуальные трактовки политической субъектности в российской политологии, отмечает, что в научном сообществе одной из самых распространенных остаётся экономикоцентрическая парадигма, базирующаяся на принципах экономического детерминизма и предполагающая, что индивиды руководствуются в своей деятельности осознанными экономическими интересами<sup>114</sup>. Он отмечает, что новые многочис-

---

<sup>114</sup> Вилков А.А. Основные концептуальные трактовки политической субъектности в отечественной политологии // Политическая субъектность региональных социумов и элит: динамика, проблемы и перспективы. Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции (Саратов, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 30 мая 2014 г.). Саратов: Саратовский источник, 2014. С. 16.

ленные линии социальных и политических размежеваний и их институционализация по-новому ставят вопрос о ключевых социальных субъектах в российской политике.

Рассматривая различные теории, А.А.Вилков более подробно разбирает системно-функциональный подход и отмечает, что статус политического субъекта зависит от его способностей оказывать влияние на другие социальные субъекты и на политическую ситуацию в стране в целом, а также в каком-либо политическом институте или в конкретном регионе как субъекте федерации.

Властные отношения, в том числе политические, – это всегда отношения зависимости, а они неизбежно носят асимметричный характер, в котором субъект политики имеет существенное ресурсное превосходство (преимущество) перед объектом политики. Подробнее диспозиция субъекта и объекта (а объект – это общество, люди) властных, а значит и политических отношений свидетельствует о наличии возможности одного субъекта влиять в нужном ему направлении и, таким образом, воздействовать на другого субъекта – последний в этом ракурсе выступает уже как объект политики.

Но и в вопросе классификации субъектов региональной политики у научного сообщества нет единого мнения. Субъектами региональной политики называют, как правило, акторов, находящихся внутри регионального политического процесса и выступающих носителями предметно-практической политической деятельности, которые имеют возможность и способность оказывать воздействие на объект политики, то есть, по сути, влиять на властные отношения в регионе. В данном случае мы можем говорить о субъектах социально-группового и социально-территориального уровня, а также об институциональных субъектах региона. В этом случае к субъектам региональной политики могут быть отнесены индивиды, общественные и политические организации и движения, политические и государственные институты, действующие или функционирующие в рамках субъекта федерации, который рассматривается как регион. Кроме того, учёные сходятся во мнении, что субъектами региональной политики однозначно являются представители региональной элиты, поскольку именно они оказывают влияние прежде всего и в основном на региональный политический процесс, наряду с федеральными институтами и федеральной элитой. Следует отметить, что региональные элиты имеют потенциал (и в каких-то случаях возможность) влияния и на федеральный политический процесс, на его политическую повестку. При этом сверхзадача региональной элиты – обеспечение эффективного контроля над политическим процессом своего субъекта федерации (региона).

Рассмотрим понятие политической субъектности для прояснения того, в какой степени региональные элиты обладают этими атрибутами.

Итак, понятие субъекта политики предполагает наличие ряда свойств: целеполагание, самоидентификация, воля, а также определённая автономность, суверенность активных действий. Добавим к этому существование условий, а также различного рода и качества ресурсов, обеспечивающих возможность реализации региональной элитой своего политического влияния. Учёные при анализе политической субъектности говорят как об объективных, так и о субъективных условиях её становления и функционирования. Так, например, Р.Д. Хунагов, проводя философско-политологический анализ политической субъектности, перечисляет субъективные условия становления политической субъектности, относя к ним «наличие у социального субъекта политического самосознания, овладение им определенным уровнем политических знаний, наличие известной мотивации к политическим действиям, обладание способностью и умением принимать политические решения»<sup>115</sup>.

Добавим к этому интересы, имеющиеся у региональной элиты и готовность их артикулировать и достигать в ходе политической деятельности. Обращаясь к философской терминологии отметим, что знание в данном случае – «форма социальной и индивидуальной памяти, свёрнутая схема деятельности и общения, результат обозначения структуры, структурирования и осмысления объекта в процессе познания. Знание рассматривается как схема деятельности и общения как функция всякой человеческой активности (функционализм)»<sup>116</sup>.

Осуществляя поиск критериев политической субъектности, Р.Д. Хунагов говорит также о суверенности политических действий и о их постоянном характере, то есть целенаправленности и стабильности.

Практически все эти характеристики в разной степени можно обнаружить у представителей российской региональной элиты, действия которых осуществляются ради достижения определенных интересов, целей и на основе определённого багажа знаний. Региональная элита, вне сомнений, является социально-территориальным политическим субъектом, выступая как актор целенаправленного действия и выражения, реализации группового политического интереса, как собственного, так и населения, живущего в данном регионе. Как правило, субъектность региональной элиты аранжируется характером сложившегося в данной стране политического режима и доминирующем в нём типе политической культуры.

---

<sup>115</sup> Хунагов Р.Д. Политическая субъектность: философско-политический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 1993 // <http://www.dslib.net/filosofia-politiki/politicheskaja-subektnost-filosofsko-politicheskij-analiz.html> (дата обращения: 28.09.2022).

<sup>116</sup> Знание // Новая философская энциклопедия. Электронная библиотека ИФ РАН. <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH012ba7def586357b07e1772b> (дата обращения: 28.09.2022).

Р.Д. Хунагов концептуализирует политическую субъектность в том числе и через характеристику «влияние», отмечая: «политическая субъектность – это способность к сознательному удовлетворению собственных политических потребностей через влияние на другие социальные единицы, а с другой стороны, их удовлетворение путем применения, проявления своей политической активности и осуществления необходимых политических действий»<sup>117</sup>.

Влияние (англ. influence) – способность субъекта (актора) вызывать изменения во мнениях, а также в поведении некоего объекта в процессе взаимодействия с ним. Выделяются такие основные типы влияния; прямое – открытое сообщение требований объекту; косвенное – когда воздействию подвергается среда вокруг объекта; направленное и случайное; с применением нематериальных средств. В политике способность актора влиять на другого (других) зависит от: его политических ресурсов; характера и степени усилий по оказанию влияния; сферы функционирования объекта; желаемого повиновения; соперничающего воздействия иных субъектов на данный объект<sup>118</sup>.

Влияние, таким образом, может быть рассмотрено в качестве базового признака политической субъектности. Рассматривая соотношение понятий влияния и власти и выявляя критерии их отличий, К.С. Гаджиев отмечает: «Влияние – наиболее общее понятие. Оно охватывает все формы убеждения, давления, принуждения. В принципе политическую власть и политическое влияние трудно отличить друг от друга. Власть представляет собой определённую форму влияния, влияние же в свою очередь включает властный компонент. Власть отличается от влияния тем, что она опирается на санкции, т. е. может использовать насилие или угрозу применения насилия в случае отказа подчиниться повелению или приказу. Влияние предполагает, что то или иное лицо может изменить своё поведение или образ жизни, следуя примеру или совету другого лица»<sup>119</sup>.

Для более объёмного понимания степени политической субъектности региональной элиты, необходимо концептуализировать и само понятие региональной элиты.

Изучение процессов, происходящих в элитном слое российского государства и общества концептуально невозможно без учета уровня и масштаба регионов, структурных и трансформационных особенностей их элитообразова-

---

<sup>117</sup> Хунагов Р.Д. Политическая субъектность: философско-политический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 1993 // <http://www.dslib.net/filosofia-politiki/politicheskaja-subektnost-filosofsko-politicheskij-analiz.html> (дата обращения: 28.09.2022).

<sup>118</sup> Политология. М.: Московский государственный институт Международных отношений (Университет) МИД России, ТК Велби, Проспект, 2004. С. 559.

<sup>119</sup> Гаджиев К.С. Политология (основной курс). М.: Высшее образование, 2007. С. 125.

ния и функционирования и, всенепременно, характера взаимодействия региональных элит и федерального центра. Н.Ю.Лапина, рассматривая процессы формирования и механизмы взаимодействия региональных элит, пишет: «Региональный вектор позволяет осознать неоднозначность и многомерность политических, институциональных и социально-экономических изменений, которые произошли на российском пространстве. В годы перемен региональные элиты превратились в постоянный фактор российской политики: их влияние на выработку государственных решений возросло, а сами они были вовлечены в сложную систему взаимодействий с государством и группами экономических интересов»<sup>120</sup>.

Исследования российских региональных политических процессов конца XX и начала XXI века, наряду с изучением особенностей становления и динамики региональных политических режимов, чаще всего посвящены выявлению особенностей формирования и функционирования разных групп региональных элит, в первую очередь, разумеется, самой региональной политической элиты.

Понятие региональной элиты вошло в российский общественно-научный и публичный обиход почти одновременно с понятием политической элиты, то есть в конце восьмидесятых – начале 90-х годов XX века, и это не столько концептуальный, сколько историко-политический факт. До этого времени деятельность региональной власти в советском обществе как предмет серьезных научных изысканий не рассматривалась в принципе, по вполне очевидным причинам, в первую очередь – из-за отсутствия политического заказа на изучение самого предмета исследования.

При концептуализации понятия «региональная элита», отметим, что региональная элита представляет собой статистически довольно немногочисленный социальный слой, обладающий основными субстанциональными свойствами элиты, но только в масштабах своего региона. То есть политическая субъектность региональной элиты имеет привязку к региональному политическому пространству. Именно такое определение региональной элиты можно найти, например, в автореферате А.В. Баранова: «Региональная политическая элита представляет собой социальную страту, которая достигла наивысшего политического статуса, оказывает определяющее воздействие на процессы принятия стратегических политических решений в регионе.»<sup>121</sup>

---

<sup>120</sup> Лапина Н.Ю. Региональные элиты: процессы формирования и механизмы взаимодействия в современном российском обществе: дис. ... д-ра полит. наук. Москва. 2004. С. 4–5.

<sup>121</sup> Баранов А.В. Актеры региональных политических процессов в постсоветской России: система взаимодействий: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Волгоград. 2007. С. 23.

Правда, поскольку определение региональной элиты отображает круг субъектов, более узкий, нежели определение элиты как таковой, то есть первая – это часть второй, то оно, это определение, должно подразумевать сравнение части с целым.

В.П. Мохов, автор одной из первых монографий, посвященной изучению региональной элиты в историческом контексте, формулирует весьма критическую оценку её самости, то есть субъектности: «Региональный уровень власти и лица, занимающие ключевые позиции на этом уровне, «по определению» не могут принадлежать к вышеназванной категории. Они – не «высшие», не занимающие самых высоких должностей. Они не являются политической или административной элитой государства...»<sup>122</sup>.

С позицией, сформулированной в последнем предложении приведённой цитаты так же вряд ли можно согласиться, так как все главы субъектов Российской Федерации, начиная с 2000 года, входят в состав Государственного Совета, а это конституционный государственный и консультативно-совещательный орган, формируемый Президентом Российской Федерации на сегодняшний день в соответствии со статьёй 83 и пунктом е<sup>5</sup> Конституции РФ<sup>123</sup> «в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства. Статус Государственного Совета Российской Федерации определяется федеральным законом».<sup>124</sup>

Региональная элита, по нашему мнению, представляет собой корпоративное образование, социальную группу, состоящую из персон и локальных по численности групп, которые, благодаря своему положению в формальных и неформальных институтах власти, способны решающим образом влиять на социально-экономические и политические процессы в данном регионе – как актуально, так и потенциально, и пользуются доверием и поддержкой большей части населения, а также федерального центра.

В ходе анализа политической субъектности региональной элиты следует сделать уточнение о том, что масштаб её субъектности различается в зависимости от характеристик конкретных субъектов Российской Федерации, поскольку у них отличается численность населения, объём валового региональ-

---

<sup>122</sup> Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). Пермь, 2003. С. 5.

<sup>123</sup> Конституция РФ (от 04.07.2020) // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 28.09.2022).

<sup>124</sup> Пункт е5 введён ФКЗ «Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

ного продукта, размеры бюджета, то есть ресурсное обеспечение, формы реализации, характер и пределы автономности, а также цели и мотивация политического участия как представителей региональной элиты, так и её самой как обобщенного субъекта.

П.Л. Карабущенко, говоря о проблеме классификации элит, отмечает, что, осуществляя эту процедуру, необходимо придерживаться двух принципов такой классификации – профессионального и оценочного. При этом, говоря о профессиональном делении, фиксирует, что все элиты можно разделить по профессиональному роду деятельности. Он выделяет две категории – «элиты, олицетворяющие собой идею государства и те, которые являются составной частью гражданского общества»<sup>125</sup>. К категории элит, олицетворяющих идею государства он относит политическую элиту. Политическая элита по его определению – это некая разновидность профессиональной элиты, формирующаяся в процессе рейтингового отбора или рекрутирования, с довольно значительной долей субъективного влияния вышестоящего начальства. Те элиты, которые не относятся к политическим, то есть не инкорпорированны в формальные государственные властные институты, П.Л. Карабущенко называет элитами гражданского общества. В сегменте элит гражданского общества он выделяет научную элиту, культурную, религиозную. Экономическую элиту (бизнес-элиту, олигархию) П.Л. Карабущенко считает связующим звеном между политической элитой и элитами гражданского общества, поскольку, по его мнению, она обслуживает интересы государства и общества в одинаковой степени, выступая то на стороне одного, то другого в зависимости от ситуации. Кроме того, он выделяет элиту силовиков, обозначая её как военную элиту и социальную элиту, которая, по его определению, представляет собой «суб-элиту, состоящую из представителей бизнес-структур, политиков, высших чинов и криминала, имеющих подавляющее преимущество в удовлетворении своих потребностей»<sup>126</sup>. К этому, на наш взгляд, следует добавить теневую элиту, представляющую интересы теневой экономики, масштабы которой в современной России по разным оценкам значительны. Финансовая разведка в 2018 году показала, что доля теневой экономики в ВВП России составляла 20,5%. По данным Росстата – 12,7%, а зарубежные исследователи считают этот показатель равным 44%<sup>127</sup>.

---

<sup>125</sup> Карабущенко П.Л. Элиты гражданского общества // Элитология и стратегии развития современной России. Том I. Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС, 2016. С. 247–263.

<sup>126</sup> Там же. С. 251.

<sup>127</sup> Финансовая разведка оценила в \$20 трлн объем теневой экономики в России. <https://www.rbc.ru/economics/22/02/2019/5c6c16d99a79477be70257ee> (дата обращения: 28.09.2022).

Несомненно, различается политическая субъектность элиты данного уровня и внутри самого региона как целого. Причина тому – структурная неоднородность региональной элиты и мы вполне можем говорить о нескольких уровнях проявления политической субъектности внутри самой отдельно взятой региональной элиты, что выражается, во-первых, в различных уровнях, занимаемых её представителями в системе иерархии региональных властных отношений. Это означает, что есть элита первого плана (уровня), включающая небольшое число персон (десять-двадцать-тридцать и т. д. в зависимости от масштабов региона), занимающих ключевые (высшие, то есть первые руководящие властные должности во всех ветвях региональной власти, а также их заместители) в системе исполнительной и законодательной власти региона, правоохранительных и силовых структур, депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации, а также лидеры бизнес-элиты. Это ядро политической элиты субъекта федерации. Региональная элита второго плана – это члены Правительства региона, то есть министры, а также руководители комитетов региональных парламентов; третьего плана – руководители исполнительных и представительных органов крупных и средних муниципальных образований; четвёртого плана – руководители региональных отделений политических партий и лидеры партийных фракций региональных отделений политических партий; пятого плана – руководители структурных подразделений представительных и исполнительных органов власти крупных муниципальных образований; шестого плана – руководители исполнительных и представительных органов власти городских и районных муниципальных образований. Наконец, региональная элита седьмого плана – это поселковый уровень исполнительной и представительной власти и, соответственно её руководители исполнительной и представительной власти. Данный уровень, как предполагается проектом нового закона о местном самоуправлении, разработанном в целях обеспечения реализации принципа единства системы публичной власти, может быть в ближайшем будущем ликвидирован. Обновляемая модель организации и деятельности органов местного самоуправления предполагает, что к 2028 году все поселения будут объединены в городские или муниципальные округа в границах нынешних муниципальных районов<sup>128</sup>.

Помимо уровней в иерархии институтов власти структурные элементы региональной политической элиты, по нашему мнению, могут быть выделены также с позиций содержания социально-профессиональной деятельности.

---

<sup>128</sup> Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. Законопроект № 40361-8. Система обеспечения законодательной деятельности // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 28.09.2022).



Авторы, в своём более чем двадцатилетнем инициативном исследовательском проекте «Рейтинг известности и степени влияния представителей региональной элиты» выделяют и анализируют в том числе рейтинг влияния четырнадцати различных социально-профессиональных групп, из которых, на наш взгляд, и состоит «тело» региональной элиты. По рекомендации экспертов в состав верхнего слоя региональной элиты включаются ключевые представители областной исполнительной власти – областные чиновники, бизнеса – бизнесмены, федеральной исполнительной власти – федеральные чиновники, федеральной представительной власти – депутаты Государственной Думы и сенаторы, представители силовых структур и судебной системы – силовики, группа депутатов муниципальных образований – муниципальные депутаты, региональные руководители традиционных конфессий, ректоры крупнейших вузов региона – ректоры, руководители наиболее крупных общественных организаций и общественных палат – общественники, руководители крупнейших СМИ и самые активные блогеры, руководители региональных отделений политических партий – партийные лидеры. Всего в составе шорт-листа представлены представители четырнадцати социальных групп.

Ещё одним критерием структурирования региональной элиты являются разные способы её включения в региональный политический процесс. Первый способ – это включённость через агрегацию и артикуляцию политических интересов тех региональных групп давления и интересов, на которые опираются субъекты представители региональной элиты. Второй способ – это политические действия по агрегации, артикуляции и продвижению этих интересов посредством их лоббирования среди представителей региональной и федеральной элиты. А третий способ – выработка, принятие и реализация политических решений, а также обеспечение политической коммуникации с федеральным центром и представителями различных уровней региональных элит.

Ход и особенности регионального базового политического процесса определяют его элиты, но, естественно, разные её группы в разной степени. В подтверждение выдвинутого выше тезиса, отметим разную степень включённости в него и влияние на него представителей региональной политической элиты и иную политическую субъектность институтов гражданского общества, претендующих на представительство своих интересов в региональной политической жизни.

Возвращаясь к выделенным социально-профессиональным элитным группам, отметим, что изучение качественных характеристик региональной

элиты методом выявления и анализа экспертных оценок, проведенное авторами<sup>129</sup>, зафиксировало на протяжении всего исследования подтверждение устойчивого доминирования политико-административной социально-профессиональной группы региональной элиты. Она оказалась не только обладателем устойчивого и самого высокого рейтинга влияния, но и самой многочисленной по представительству. На втором месте по рейтингу влияния находится бизнес-элита, представители которой только в 2012 году занимали не второе, а четвертое место. Далее, год от года меняясь местами, в рейтинге влияния идут три примерно равноценные социально-профессиональные группы представительных органов российской власти – депутаты представительных органов региональной власти и представители правоохранительных и иных подобных им структур, так называемые силовики. На шестом месте расположилась группа из руководителей региональных отделений политических партий. Наименее влиятельными группами региональной элиты стали представители четырех социально-профессиональных групп: общественники, то есть представители гражданского регионального сообщества; руководители традиционных региональных конфессиональных образований; представители ректорского корпуса региона и руководители, либо влиятельные представители средств массовой информации и коммуникации. У последних двух групп средний балл влияния в два раза ниже, чем у областных чиновников. Это большое различие в статусе и возможности влиять на жизнь региона.

Авторский коллектив обратил внимание и на устойчивое изменение среднего балла рейтинга влияния каждой из социально-профессиональных групп. Областные чиновники на протяжении всего периода наблюдений демонстрировали тенденцию к снижению своего рейтинга влияния. В эту же категорию попали силовики, главы муниципальных образований, ректоры вузов, представители СМИ и СМК. Все они по итогам мониторинга имели ослабляющийся показатель влияния. Группы с растущим рейтингом влияния – это бизнесмены, депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации, партийные региональные лидеры, региональные руководители традиционных религиозных объединений. Остальные пять групп обладали синусоидным рейтингом влияния.

Возвращаясь к теме о политической субъектности региональной элиты, стоит рассмотреть ещё два аспекта: во-первых, вопрос о конфигурации этой субъектности и, во-вторых, динамику политической субъектности региональной элиты в современной российской политической системе.

---

<sup>129</sup> Зырянов С.Г., Алдошенко Е.В., Аверьянова Д.В. Изучение качественных характеристик региональной элиты методом экспертных оценок // Международный научный журнал «Коммуникология», Москва, Том 4. № 6, ноябрь–декабрь 2016 г. С. 24–44.

В работах по тематике элитогенеза, публикуемых российскими учёными в последнее время, посвящённых изучению становления региональной элиты, особенностей её деятельности основная коллизия предлагаемых научных принципов и концептов заключается в том, является ли региональная элита, наряду с федеральной, самостоятельным и самодостаточным субъектом современного российского регионального, а в каких-то аспектах и федерального, политического процесса.

Если задаться вопросом о том, что именно определяет процесс формирования постсоветской региональной элиты, то довольно разветвлённая и представительная система факторов выявлена и проанализирована в диссертационном исследовании О. Кузнецовой: «...экономический потенциал; статус региона в стране; совокупная социальная региональная структура; позиции местного руководства относительно проводимых реформ; степень разделения и сбалансированности законодательной, исполнительной и судебной власти, другие элементы властных отношений и технологий их реализации; наличие различных политических акторов в региональном политическом процессе как местного, так и не местного происхождения и особенности взаимодействия между ними; особенности разделения ролей и функций между политическими акторами в регионе; специфика социальных связей (традиционных либо рыночных); особенности политической культуры; наличие (отсутствие) собственной идеологии или ее элементов.»<sup>130</sup>

Ещё одной весьма важной системой координат для анализа политической субъектности в рамках федеративных взаимоотношений является измерение по линии «центр – регионы» и проблематики разграничения полномочий и ответственности, оптимального представительства интересов региона. Этот процесс протяжён во времени и носит волнообразный характер, а его регуляторами выступают события, происходящие как в стране, так и на международной арене.

Большинство учёных и экспертов приходят к солидарному мнению о том, что разносторонняя характеристика особенностей взаимоотношений регионов с Центром в обозримом прошлом и настоящем времени и есть ключевой индикатор диагностики политической субъектности региональных элит. Так регионалист И.В. Силакова отмечает, что «...центральным проблемным узлом изучения политических отношений центр – регионы в современной России

---

<sup>130</sup> Кузнецова О.А. Социальные механизмы формирования региональных политических элит: дис. ... канд. социол. наук. Самара. 2004. С. 7.

выступает исследование содержательных и динамических характеристик взаимодействия федеральной и региональной элит, ресурсов и возможностей политического влияния каждой из сторон.»<sup>131</sup>

Таким образом, политическая субъектность российских региональных элит, начиная с 90-х годов XX века обуславливалась, во-первых, изменением в их отношениях и их политическом статусе при взаимодействии с федеральными государственными институтами, то есть внешней для них институциональной средой, а, во-вторых, преобразованием содержания деятельности внутрирегиональных политических институтов, объёма их полномочий, а также их экономической и финансовой базой, то есть экономическими ресурсами, подконтрольными региональной элите.

С начала 90-х годов и по настоящее время в изменении под воздействием внешнего для региональных политических элит институционального фактора и, соответственно, формата её политической субъектности можно использовать критерий «способ наделения главы региона полномочиями», который обуславливает способность и возможность принятия решений как высшим должностным лицом региона, так и возможности влияния на региональный политический процесс стоящей за ним региональной элиты можно выделить следующие этапы:

- I. Октябрь 1991 года – сентябрь 1995 года. Назначение глав регионов Указами Президента РФ. Данная норма не являлась универсальной. Так, первые прямые выборы глав субъектов – Москвы, Санкт-Петербурга (до 1991 года – Ленинграда) и Татарстана состоялись 12 июня 1991 года.
- II. Сентябрь 1995 года – декабрь 2004 года, характеризовавшийся переходом к практике прямых выборов глав регионов населением.
- III. Декабрь 2004 года – май 2012 года, характеризовавшийся отказом от выборов руководителей субъектов федерации населением и переходом к избранию глав регионов выборщиками – депутатами регионального законодательного органа из числа кандидатов, предложенных Президентом РФ.
- IV. Июнь 2012 – декабрь 2021 года – возврат к прямому выбору населением руководителей субъектов РФ, который не универсален, так как применяется только в 75 регионах. В десяти субъектах главы избираются выборщиками, то есть местными региональными парламентами по схеме III этапа.

---

<sup>131</sup> Силакова И.В. Взаимодействие федеральной и региональной элит в условиях политической трансформации современного российского общества: дис. ... канд. полит. наук. М., 2001. С. 3.

- V. С 1 января 2022 года – по настоящее время, характеризуется тем что вступил в силу Федеральный закон от 21.12.2021 года № 414 ФЗ (ред. от 14.03.2022) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации<sup>132</sup>», заметно меняющий границы самостоятельности руководителей регионов и ставит их в отношении ещё большей чем ранее зависимости от федерального центра.

Отметим, что формируемый исследовательской группой Челябинского филиала РАНХиГС рейтинг влияния представителей региональной элиты<sup>133</sup> вполне можно использовать как системный показатель её политической субъектности. Поскольку проект ведётся в мониторинговом режиме, мы можем рассмотреть динамику обобщённого системного показателя влияния и выявить средние значения влияния высшего должностного лица региона по ряду выделенных этапов (увы, только со второго по четвёртый, так как начало наших исследований датируется 1998 годом, поэтому первый этап остался без оценки).

Отметим, что в рейтинг-листе, предлагаемом экспертам для оценки, мы обозначаем, что под влиянием подразумевается существенное и продолжительное, формальное и неформальное воздействие на политические и социальные процессы в области; под региональной элитой – персоны, которые такое воздействие способны осуществить.

Обобщённый показатель влияния высших должностных лиц Челябинской области на втором этапе составил 8,23 балла, на третьем – 9,22 балла, на четвёртом – 9,04 балла. По пятому этапу данные пока отсутствуют. Таким образом, этот показатель имеет волнообразную динамику, что в общих чертах соответствует развитию отношений центра и регионов и в какой-то мере характеризует степень политической субъектности региональной элиты, о чём речь пойдет далее.

Субъектность региональной элиты фиксирует и «Рейтинг 100 ведущих политиков России» – многолетний исследовательский проект, проводимый с начала 90-х годов «Независимой газетой», исполнителем которого в последние годы является Агентство политических и экономических коммуникаций

---

<sup>132</sup> Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». Российская газета. 27.12.2021 // <https://rg.ru/documents/2021/12/27/vlast-dok.html> (дата обращения: 28.09.2022).

<sup>133</sup> Рейтинг влияния представителей региональной элиты. База данных экспертного опроса – мониторингового проекта лаборатории прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС // <https://chel.ranepa.ru/nauka/soc-issledovaniya/rejting-predstaviteley-regionalnoy-elity-novyy-lider-novye-vozmozhnosti-novye-smysly.php> (дата обращения: 28.09.2022).

(АПЭК). В рейтинге «Независимой газеты» под региональной элитой понимаются субъекты, вовлечённые в региональные политические процессы: высшие должностные лица регионов и значимые представители исполнительной и законодательной власти в субъектах Федерации, а также полномочные представители президента в федеральных округах. На протяжении всего периода исследования (около 30 лет) сегмент региональной элиты в рейтинге влияния «100 ведущих политиков России» на каждом из IV этапов представляют 8–10 действующих региональных политиков, 5–6 из которых – руководители исполнительной власти регионов. В опубликованном рейтинге за июнь 2022 года в рейтинге представлены высшие должностные лица шести регионов: Москвы, Чеченской республики, Санкт-Петербурга, Московской области, Татарстана, Тульской области<sup>134</sup>. На каждом из выделенных нами выше этапов, сильным было лишь влияние «московской группы», а всего в рейтинге было представлено не более 10 представителей региональной элиты, и они, как правило, находились в девятой-десятой части списка «Рейтинга 100 ведущих политиков России».

В настоящее время АПЭК реализует ещё один проект, связанный с анализом степени и уровня субъектности региональной элиты – «Рейтинг влияния глав субъектов РФ»<sup>135</sup>, топ-10 которого, по состоянию на июнь 2022 года, составляют: мэр города Москва, глава Чеченской Республики, губернаторы Тульской области, города Санкт-Петербург, Тульской и Самарской областей, руководитель республики Татарстан, губернаторы Тюменской и Московской областей, Нижегородской области и ЯНАО.

В Российской Федерации в рамках её короткой пока политической истории пик политической субъектности региональной элиты, по нашему мнению, пришёлся на 90-е годы XX века. Кстати, по оценкам многих исследователей, на этот же период времени приходится наибольший уровень политической активности граждан Российской Федерации. С принятием 12 декабря 1993 года Конституции Российской Федерации был сделан первый значимый институциональный шаг от унификации статуса регионов, имевшей место в рамках авторитарного режима СССР, к фиксации дифференциации разнообразия в их политическом статусе. Именно в 90-е годы региональные лидеры, опираясь на региональные элиты, в большинстве своём, стали стремиться повысить свой правовой и политический статус, что усиливало дисбалансы между региональными властями и властями СССР, а чуть позже и руководством РСФСР.

---

<sup>134</sup> 100 ведущих политиков России. Независимая газета. 26.06.2022 // [https://www.ng.ru/ideas/2022-06-28/6\\_8472\\_100.html](https://www.ng.ru/ideas/2022-06-28/6_8472_100.html) (дата обращения: 28.09.2022).

<sup>135</sup> Рейтинг влияния глав субъектов РФ. Российские регионы и региональная политика в июне 2022 года // [http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION\\_ID=101&ELEMENT\\_ID=8065](http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=101&ELEMENT_ID=8065) (дата обращения: 28.09.2022).

На этом фоне ураганными темпами начинает расти политическая субъектность региональных элит и региональных политических институтов.

В. Шейнис, авторитетный исследователь политических процессов в современной России, даёт следующую оценку происходивших в начале 90-х годов процессов: «Региональные элиты, особенно в национальных республиках, не склонные к открытому бунту на чеченский манер, упрямо выламывали подвластные им территории из общероссийского правового пространства: то было не преодолённое ещё наследие игры в поддавки, которую вели Ельцин и его противники, боровшиеся за расположение властей в городах и весях Российской Федерации»<sup>136</sup>.

Разбирая достаточно важный для разговора о политической субъектности региональной элиты этап, он отмечает: «Причудливой чертой российского конституционного устройства были договоры о разграничении полномочий, которые в первой половине 1990-х годов заключались между Федерацией и ее отдельными субъектами. В период, когда были сильны процессы распада, договоры сыграли известную стабилизирующую роль. Но по договорам некоторые субъекты установили для себя такие полномочия, которые Конституция не предусматривала. Посредством договоров Федерацию превращали из конституционной в договорную»<sup>137</sup>.

Продолжая анализ, он так описывает происходящее на втором из выделенных нами этапов: «Весь корпус взаимоотношений между Федерацией и ее субъектами регулировался федеральными законами и иными нормативными актами, с одной стороны, и законодательством субъектов – с другой. Даже поверхностное сопоставление первых и вторых, проведенное Генеральной прокуратурой в 2000-2001 гг., обнаружило много тысяч несовпадений и противоречий. В особенности между Конституцией РФ и конституциями входящих в нее республик. В начале 2000 г. 20% региональных нормативных актов противоречили Конституции РФ и федеральным законам. Так, в Башкортостане, Коми, Кабардино-Балкарии, Татарстане, Тыве и Якутии было зафиксировано верховенство республиканских конституций над федеральной. Адыгея, Бурятия, Ингушетия и Калмыкия записали в своих конституциях право вводить чрезвычайное положение. Башкортостан и Коми закрепили главенствующую роль титульной нации»<sup>138</sup>.

Разговор о границах политической субъектности в различных субъектах федерации В. Шейнис иллюстрирует наиболее яркими примерами: «Особенно

---

<sup>136</sup> Шейнис В. Власть и закон: Политика и конституции в России в XX–XXI веках. М.: Мысль, 2014. С. 954.

<sup>137</sup> Там же. С. 954–955.

<sup>138</sup> Там же.

далеко по пути «суверенизации» (если не считать Чечню) пошел Татарстан. В 1992 г. была принята – еще раньше российской – его Конституция. Ее авторы допускали, что за распадом СССР последует распад России, и определили свою республику как субъект не Российской Федерации, а международного права, как суверенное государство, всего лишь ассоциированное с Россией и находящееся с нею в межгосударственных отношениях. Вдобавок была заявлена претензия на то, чтобы выделить Татарстан не на территориальной, а на этнической основе.

Противоречие между двумя конституциями было ослаблено, но не снято заключением в 1994 г. договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения. Реальное же место Татарстана в системе российской государственности стало в решающей степени определяться неформальными взаимоотношениями двух президентов – Ельцина и Шаймиева. Когда с приходом Путина был жестко поставлен вопрос о соответствии российской и республиканских конституций, началась подготовка нового основного закона и в Татарстане»<sup>139</sup>.

Логично предположить, что подобный ураганный выплеск политической субъектности региональных элит был обусловлен прежде всего слабостью государственных институтов и их неготовностью эффективно регулировать и направлять процесс создания федерального институционального каркаса отношений между федеральной и региональной элитами. Б.Н. Ельцин, ощущая слабость государственного управления рушившимися структурами СССР, предпринял попытку заручиться поддержкой региональных элит, заявив 6 августа 1990 года в Казани: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». По факту это политическое предложение положило начало действовавшему почти десятилетие тренду конфедерализации отношений региональных элит, которое теоретически, да, видимо, и практически, могло привести к фрагментации государственного пространства Российской Федерации.

Так, вновь обратимся к особенно показательному примеру Татарстана, население которого не участвовало в выборах и референдуме 12 декабря 1993 года. В капитальном историческом исследовании, сделанном коллективом авторов под общей редакцией российского историка А.Зубова так описывается этот период: «Урегулировать отношения с этой республикой и вернуть её в общегосударственное правовое пространство федеральному центру удалось, подписанием с ним в феврале 1994 г. договора о разграничении полномочий и предметов ведения. Этот договор положил начало целой серии аналогичных соглашений первоначально с другими республиками, а затем с краями и областями. Процесс подписания договоров продолжался около пяти лет – до 1999 г.

---

<sup>139</sup> Шейнис В. Власть и закон... С. 954–955.



Всего они были заключены с 46 регионами. Вопреки Конституции, складывалась «асимметричная» федерация, в которой каждый субъект добивался для себя статуса и полномочий в соответствии со своими возможностями давления на федеральный центр. Закреплялось экономическое и политическое неравноправие регионов, закладывались основы противоречий и конфликтов, поскольку и федеральный центр, и регионы стремились толковать статьи о предметах совместного ведения в свою пользу»<sup>140</sup>.

Говоря о причинах подписания договоров, авторы работы отмечают, что одной из них стало «недовольство «дискриминацией» в отношениях с центром краев и областей. Многие из них экономически гораздо мощнее, чем большинство республик. В апреле 1993 года Вологодская и Свердловская области провели референдумы о предоставлении им равных с республиками прав, за ними последовала Томская область. В Приморском крае, Архангельской и Челябинской областях советы приняли решение о повышении статуса до республиканского. Но дальше всех зашла Свердловская область, которую областной совет в июне 1993 года провозгласил Уральской республикой, затем принял её конституцию и наметил выборы новых республиканских властей. В ответ на это президент Борис Ельцин отстранил от должности Эдуарда Росселя и объявил соответствующие решения областного совета недействительными (в 1996 г. Россель вновь занял свой пост)»<sup>141</sup>.

По мнению консервативно-государственнически ориентированных элит, требовалась смена политических вех, и ответом на этот запрос стала смена возглавляющей федеральные органы власти политической команды. Описывая этот период в истории России, Владимир Гельман говорит о причинах: «децентрализованный субнациональный авторитаризм, возникший в ряде регионов России еще в 1990-е годы и укоренившийся в первой половине 2000-х, был не слишком надежным союзником Кремля в достижении его целей. Во-первых, он не исключал выхода региональных элит из-под контроля федеральных властей и не нивелировал риски коллективных действий с их стороны, как чуть было не произошло в 1999 г. Во-вторых, издержки по обеспечению неформального контракта с региональными лидерами по схеме «лояльность в обмен на невмешательство» были для Кремля непомерно высоки. Однако введение фактического назначения глав исполнительной власти регионов в 2004 г. позволило федеральным властям решить проблему взаимных обязательств: институциональные реформы задали стимулы к изменению поведения субнациональных элит. Кремль готов был терпеть региональных лидеров

---

<sup>140</sup> История России. XX век: 1937–2007. М.: Астрель; АСТ, 2010. С. 655.

<sup>141</sup> Там же.

при условии, если те приносили ему требуемые голоса избирателей. Способность контролировать электоральный процесс на местах любыми средствами, пусть даже в ущерб эффективности управления, обусловила новый неформальный контракт по схеме «монопольное сохранение власти в обмен на „правильные“ результаты голосования», ставший важнейшей составной частью российского политического режима»<sup>142</sup>.

После избрания в марте 2000 года В.В. Путина президентом России началось постепенное замещение политики 90-х годов по либерализации отношений государственных и региональных элит на восстановление практик по усилению федеральных государственных институтов власти, подчас путем реставрации унитарных и авторитарных методов и принципов управления. Можно выделить несколько этапов таких реставрационных реформ. Первая из них – 2000 года – «создавала семь федеральных округов, выступавших промежуточными и одновременно связующими звеньями между центром и 85 регионами России. Через год после создания федеральных округов Президент России выразил удовлетворение реформой, а в последующем неизменно подчеркивал, что она стала одним из главных механизмов приведения законодательных актов регионов в соответствие с федеральной Конституцией»<sup>143</sup>.

Вторым шагом 2000 года стала «реорганизация Совета Федерации, верхней палаты Федерального Собрания, что также серьезно ущемило статус региональных лидеров. Губернаторы и председатели региональных законодательных собраний, являвшиеся по статусу и членами верхней палаты («сенаторами»), согласно реформе, расстались с местами в Совете Федерации. Вместо них «сенаторами» стали рядовые назначенцы региональных исполнительных и законодательных органов. В результате уменьшились как возможности влияния региональных лидеров на центральную власть, так и политический вес самих регионов. Чтобы подсластить горькую пилюлю, «прописанную» региональным губернаторам, Президент создал для них Государственный Совет – совещательный орган, призванный давать стратегические рекомендации для разработки новой законодательной базы. Как и Государственный Совет, созданный некогда Александром I, он стал не противовесом главе государства, а придатком к нему»<sup>144</sup>.

Третий этап, начавшийся с 2004 года, характеризовался несколькими реформами, которые в монографии, изданной под редакцией А.Б. Зубова, описываются следующим образом: «по степени важности это были следующие

---

<sup>142</sup> Гельман В.Я. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // Полития. 2012. № 4(67). С. 70.

<sup>143</sup> История России. XX век: 1937–2007. М.: Астрель; АСТ, 2010. С. 622.

<sup>144</sup> Там же. С. 622–623.

реформы: 1) избрание губернаторов не на основе волеизъявления всех избирателей, как было раньше, а путем голосования законодательных собраний территорий по кандидатуре, предложенной Президентом России; 2) введение пропорциональной системы выборов в Государственную Думу по партийным спискам вместо прежней смешанной системы; 3) повышение избирательного порога для прохождения политических партий в Государственную Думу с 5 до 7%; 4) отмена порога явки избирателей на выборы (прежде выборы являлись действительными при явке на президентские выборы не менее 50%, в Государственную Думу – 25%, в местные органы власти – не менее 20% избирателей)»<sup>145</sup>.

Четвёртый этап, начавшийся с конца 2011 – начала 2012 года, означал возврат к выборам глав субъектов федерации населением, правда не всех, а только в 75 субъектах федерации. Возврат к прямым выборам не был повтором опыта 90-х годов, так как предполагал использование нового регулируемого федеральным центром защитного механизма в виде так называемого муниципального фильтра, то есть процедуры сбора подписей депутатов представительных органов муниципальных образований в поддержку кандидатов на должность глав регионов.

И пятый этап – принятие в 2020 году на референдуме 206 поправок в Конституцию РФ для «совершенствования регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»<sup>146</sup>.

Логика этих шагов, по мнению Е. Лукьяновой и И. Шаблинского свидетельствует о том, что «в течение последних 15 лет под разными предложениями (в целях «преодоления противоречий между федеральным и региональным законодательством», в целях создания «единого конституционного пространства» и укрепления вертикали власти) происходило сворачивание российского федерализма. Основными чертами трансформации конституционных принципов государственного устройства России стали: 1) переход федерального законодательства от рамочного к всеохватывающему и унификация законодательного регулирования; 2) изменение соотношения полномочий по предметам совместного ведения в пользу федерации; 3) сокращение перечня предметов остаточного ведения субъектов и объёма их регулирования; 4) создание целого ряда внеконституционных механизмов федерального вмешательства (вплоть до федерального насилия) и внеконституционных государственных органов для его осуществления»<sup>147</sup>.

---

<sup>145</sup> История России. XX век: 1937–2007. М.: Астрель; АСТ, 2010. С. 623.

<sup>146</sup> Полный текст поправок к Конституции: что меняется? // <http://duma.gov.ru/news/48045/> (дата обращения: 28.09.2022).

<sup>147</sup> Лукьянова Е., Шаблинский И. Авторитаризм и демократия. М.: Мысль; Бизнес и Мысль, 2018. С. 137.

Резюмирует все эти шаги по выстраиванию современного российского политического режима В.Я. Гельман, в статье, написанной в 2012 году: «Поэтому, в общем и целом, – пишет он, – можно утверждать, что российские правящие группы смогли достичь своих целей, обеспечив становление и последующую консолидацию важнейших институтов – формальных и неформальных «правил игры» в российской политике, своего рода институционального «ядра» российского политического режима. К этим правилам игры относятся: монопольное господство главы государства в сфере принятия ключевых политических решений (персонализм); отсутствие открытой электоральной конкуренции элит на фоне несвободных и несправедливых выборов (электоральный авторитаризм); и де-факто иерархическая соподчиненность региональных и местных органов власти и управления (вертикаль власти)»<sup>148</sup>.

Что означают все указанные изменения для политической субъектности региональных элит? Ответить на этот вопрос можно, обратившись к системе рекрутирования элит. Общеизвестной и наиболее распространённой является выделение двух способов рекрутирования элит: антрепренерской системы и системы гильдий.

Перестройка в СССР и реформы в 90-е годы в Российской Федерации позволили перейти к новой по тем временам системе рекрутирования, представляющей собой одну из разновидностей антрепренерской системы, отказавшись при этом от так называемой «номенклатурной» системы рекрутирования элиты – системы гильдий, в которой отсутствует конкурентная борьба, но зато высок уровень идеологизации и политизации, обнаруживается тенденция к nepoтизму (доминированию родственных связей).

Как пишет О. Крыштановская, случилось это «под влиянием целого ряда факторов, с многочисленными трудностями и отступлениями Россия перешла на выборную систему формирования региональной власти. Это было одним из самых главных достижений демократии в стране и привело к серьезным и глубоким изменениям во всей политической системе. Государство, которое на протяжении всей своей истории оставалось унитарным, впервые сделало шаг к реальной федерации»<sup>149</sup>. Анализируя последствия данного перехода, О. Крыштановская выделяет и позитивные, и негативные: «с одной стороны, создавалась база для действительного, не декларируемого разделения властей, создания равноправных субъектов Федерации, становления гражданского общества. С другой, выборность глав субъектов Федерации дестабилизировала

---

<sup>148</sup> Гельман В. Из огня да в полымя: Российская политика после СССР. СПб.: БХВ-Петербург, 2013.

<sup>149</sup> Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. С. 248.

политическую систему, появилась опасность новой волны «парада суверенитетов», и, в самом катастрофическом сценарии, – распада России на «удельные княжества»<sup>150</sup>.

По мнению О.Крыштановской, выборность региональных руководителей кардинально и даже «принципиально изменила профиль российской власти: выборы не только привели наверх новых людей, но и сделали губернаторов опасно независимыми от центра. Теперь Кремль не мог ни поставить своего человека на управление территорией, ни снять неугодного или проштрафившегося. У центральной власти почти не оставалось рычагов влияния на региональную элиту. Политические, экономические и военные ресурсы власти были слабы и недостаточны. События в Чечне продемонстрировали обществу неэффективность военных методов давления и неспособность центра решать политические вопросы самыми жесткими мерами. Политические рычаги управления регионами были крайне ослаблены не только из-за введения выборного принципа формирования губернаторского корпуса, но и из-за отсутствия единой нормативной базы взаимодействия центра и территорий, из-за противоречий в законодательстве, которые сужали конституционное поле федеративных отношений»<sup>151</sup>.

Федеральный центр, находясь в поисках рычагов влияния на региональную элиту, и реализовал те шаги политических реформ, которые были отмечены нами ранее. В результате было приостановлено дальнейшее развитие системы рекрутации элит, называемой антрепренерская, а в её структуру были вновь инкорпорированы элементы системы гильдий. Получилось, что при сохранении выборности в России было фактически восстановлено содержание системы гильдий с присущей ей закрытостью в отборе претендентов на руководящие посты из представителей низших слоев самой элиты: высокой институализации процесса отбора при первоначальном учёте формальных критериев, узком круге селекторага.

В.Я. Гельман, ссылаясь на мнение ряда авторитетных учёных, отмечает: «Согласно мнению ряда специалистов, политический режим, сложившийся в России после распада СССР, следует квалифицировать как «состязательный» или «электоральный» авторитаризм. В подобных режимах институт выборов имеет вполне реальное значение; в отличие от «классического» авторитаризма, при котором преобладают фиктивные «выборы без выбора»»<sup>152</sup>.

---

<sup>150</sup> Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. С. 127–128.

<sup>151</sup> Там же. С. 127–128.

<sup>152</sup> Гельман В.Я. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // Полития. 2012. № 4 (67). С. 65.

Модернизация системы гильдий с помощью института выборов позволила, способствуя воспроизводству уже сложившейся властвующей российской элиты, закрепить права политической субъектности преимущественно за федеральной элитой, лишив при этом региональные элиты значительной меры политической субъектности, имевшейся у неё в 90-е годы.

В.Я. Гельман, анализируя причины расцвета электорального авторитаризма в современной России и ряде других стран в начале XXI века, пишет: «Классический авторитаризм уступает место электоральному по двум причинам. Во-первых, регулярное проведение выборов и наличие ограниченной конкуренции позволяет правящим группам соответствующих стран более эффективно осуществлять контроль как над государственным аппаратом (на всех уровнях управления), так и над своими согражданами, тем самым минимизируя риски внезапного крушения режимов, вызванного внутривнутриполитическими конфликтами. Во-вторых, электоральные механизмы служат средством внутривнутриполитической и, главное, международной легитимации – в противном случае само функционирование авторитарных режимов может оказаться под угрозой. Именно поэтому выборы, в силу самой природы политической конкуренции, становятся для электоральных авторитарных режимов тестом на выживание. Им приходится не просто обеспечивать победу инкубентов в нечестной борьбе, но и прилагать немалые усилия, чтобы эта победа была признана внутри страны и за ее пределами, а эффект обвинений в нечестности выборов был не слишком значительным»<sup>153</sup>.

Все метаморфозы с попыткой внедрения антрепренерской системы рекрутирования элит, давшей региональным элитам в 90-е годы статус полноценных политических субъектов, и последовавшей, начиная с 2000 года, реформации этой системы и замены её модернизированной с помощью института выборов системой гильдий, значительно снизившей статус и пространство политической субъектности до административных границ субъекта федерации, неплохо прослеживаются на примере политической истории Челябинской области.

В Челябинской области в октябре 1991 года Указом Президента Российской Федерации Главой администрации Челябинской области был назначен Вадим Павлович Соловьев. Но в марте 1993 года областной Совет народных депутатов высказал недоверие В.П. Соловьеву и назначил выборы Главы администрации. В результате выборов, состоявшихся 11 апреля 1993 г. и 25 апреля 1993 г. (повторное голосование по двум кандидатам, набравшим наибольшее количество голосов), Главой администрации Челябинской области был избран Петр Иванович Сумин, набравший более 50% голосов. Однако чуть

---

<sup>153</sup> Гельман В.Я. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России... С. 65.

позже итоги выборов Главы администрации Челябинской области были отменены, несмотря на решение Конституционного суда Российской Федерации о признании законности их результатов.

В октябре 1993 года Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин подтвердил полномочия В.П. Соловьева, который продолжал исполнение обязанностей Главы администрации Челябинской области до декабря 1996 года.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации №951 от 17 сентября 1995 г. «О выборах в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и в органы местного самоуправления» выборы Главы администрации Челябинской области были назначены на 12 декабря 1996 года, а после их проведения избранным уже не Главой, а Губернатором стал П.И. Сумин, успешно переизбравшийся через 4 года, в декабре 1999 года.

О довольно заметном уменьшении политической субъектности региональных элит можно говорить с начала нулевых годов, когда начался третий этап. В середине 2000-х годов российские политологи были солидарны, говоря о фактической утрате региональными элитами своей прежней, весьма весомой политической субъектности под натиском контрреформаторских решений федерального центра. Эта позиция была отчётливо выражена О. Гаман-Голутвиной в 2004-м году в её статье, опубликованной в «Независимой газете», где отмечалось: «Реформа отношений «центр – регионы», стартовавшая в 2000 г., в полной мере обнажила иллюзорность субъектности региональных акторов, продемонстрировала неадекватность характеристик региональных элит в качестве субъектов федеральной политики, обусловила снижение даже внешних показателей политического влияния регионов»<sup>154</sup>. О. Гаман-Голутвина писала о том, что заключенный в рамках стартовавшей в 2000 г. административно-правовой реформы «компромисс между Центром и элитами регионов предполагал, что главным субъектом политического процесса станет федеральная власть, а региональные элиты, сохранив определенные ресурсы влияния, утратят роль независимых властных центров и статус самостоятельных политических акторов общероссийского масштаба»<sup>155</sup>.

Спустя четыре года, А. Чирикова, анализируя процесс изменения политических стратегий региональных элит, приходит к почти такому же заключению. Она констатирует: «...три процесса, которые влияют сегодня на базовые стратегии элит и приводят к их существенной трансформации:

- потеря политической составляющей в стратегиях региональных элит;
- возврат к патернализму при взаимодействии с федеральным Центром;

---

<sup>154</sup> Федерация иллюзорных субъектов. Интервью с О. Гаман-Голутвиной. 30 апреля 2004 // [http://www.ng.ru/ideas/2004-04-30/11\\_federation.html](http://www.ng.ru/ideas/2004-04-30/11_federation.html) (дата обращения: 28.09.2022).

<sup>155</sup> Там же.

– преобладание краткосрочного целеполагания над долгосрочным в политическом поведении элит»<sup>156</sup>.

Еще более оценочно заостренную диагностику субъектности региональных элит спустя пять лет дает М.А. Казаков, отмечая, что «в итоге известных изменений региональные элиты фактически лишились своей политической субъектности. Их нынешний статус предполагает роль «статистов» и «транзитеров»...»<sup>157</sup>.

В начале 2000-х наблюдалось активное восхождение представителей региональной бизнес-элиты на региональный политический олимп, что подтверждали, например, документы о выдвижении кандидатов на муниципальных выборах в Челябинской области, согласно которым примерно треть выдвиженцев шли не от политических партий или институтов власти, а являлись самовыдвиженцами, вносили (немалый, кстати) денежный залог. Этот процесс получил название процесса сближения бизнеса и политики и вскоре благополучно завершился тем, что «в регионах произошло фактическое слияние политической и экономической элит ...»<sup>158</sup>.

В соответствии с Федеральным законом от 11 декабря 2004 г. №159-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» выборы высших должностных лиц субъектов Российской Федерации были отменены и определена иная процедура наделения их полномочиями. Кандидатуру главы региона отныне утверждал законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации из числа представленных Президентом Российской Федерации.

В Челябинской области в рамках III этапа подобной практики наделения полномочий был представлен деятельностью двух губернаторов – П.И. Сумина (с 18 апреля 2005 г. по 21 апреля 2010 г.) и М.В. Юревич (с 22 апреля 2010 г. по 15 января 2014 г.).

В рамках IV этапа, по инициативе президента России Дмитрия Медведева в декабре 2011 года в послании Федеральному собранию РФ было предложено

---

<sup>156</sup> Чирикова А.Е. Вертикаль власти в оценках региональных элит: динамика перемен // Политические исследования. 2008. № 6. С. 109.

<sup>157</sup> Казаков М.А. Национальные интересы России и становление новой субъектности региональных элит // Центр и властная вертикаль: российская политическая традиция. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ульяновск. 2009. С. 257.

<sup>158</sup> Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. С. 213.



«перейти к выборам руководителей субъектов РФ прямым голосованием жителей регионов»<sup>159</sup>, были внесены, приняты Государственной Думой и, соответственно, подписаны президентом изменения в законы об общих принципах организации органов государственной власти субъектов России и об основных гарантиях избирательных прав граждан. Поправки вступили в силу 1 июня 2012 года.

В рамках этого IV этапа прямым волеизъявлением населения Челябинской области были избраны два губернатора – Б.А. Дубровский, занимавший эту должность с 24 сентября 2014 по 19 марта 2019 г. и действующий ныне губернатор А.Л. Текслер, избранный 19 марта 2019 г. и являющийся губернатором по настоящее время.

Очередной «поворот» в вопросе ресурсов политической субъектности региональных элит произошёл в «ковидном» 2020 году. Президент В.В. Путин заметно расширил полномочия губернаторов для борьбы с коронавирусом, что подкорректировало в сторону усиления политической субъектности региональные элиты. Губернаторы получили право закрывать любые организации и ограничивать передвижение не только людей, но и транспорта, право приостанавливать работу всех предприятий независимо от их организационно-правовой формы и индивидуальных предпринимателей. Таким образом, именно на региональную элиту в 2020 году легла большая часть ответственности за принятие непопулярных среди граждан и представителей бизнес-элиты решений, ситуативно решающих вопросы борьбы с пандемией, но не отменённых последующими решениями и правовыми актами.

В этот период Правительство Челябинской области подготовило несколько пакетов дополнительных мер по обеспечению стабильной экономической ситуации в регионе: была оказана финансовая поддержка предприятиям региона, скорректированы налоговые ставки. Бизнес-структуры, при солидарной работе с органами исполнительной и законодательной власти региона стремились к сохранению рабочих мест и не допустили роста социальной напряженности населения.

Политическая субъектность региональных элит на только что начавшемся V этапе представляет особый интерес. Законодательные изменения, касающиеся субъектности региональных элит и, по сути, регулирующие её, можно оценивать как весьма неоднозначные. Так, президент исследовательского холдинга «Минченко консалтинг» Е. Минченко в докладе «XI рейтинг политической устойчивости глав регионов Госсовет 2.0», подготовленном в декабре

---

<sup>159</sup> Указ о мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в связи с распространением коронавирусной инфекции // <http://kremlin.ru/acts/news/63134> (дата обращения: 28.09.2022).

2021 года, отмечает, что региональная политика вернулась в повестку после подведения итогов парламентских выборов благодаря крайне резонансному закону об отношениях центр-регионы последних лет – ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ». Рассуждая о значении возможных последствий его принятия, он отмечает, что с одной стороны, «он четко формализует практически полное упразднение местного самоуправления и де-факто нивелирует формулировку «ельцинской» конституции о независимости муниципальной власти»<sup>160</sup>. Это обстоятельство он считает достаточным для определения закона как инструмента окончательной «вертикализации» регионального управления. При этом, он говорит об усилении полномочий региональных элит в отношениях с муниципальными институтами власти. Вместе с тем, Е. Минченко отмечает, что «с другой стороны, справедливо предположить вторичность множества поправок по поводу властных полномочий на фоне главного сюжета – «обнуления» количества губернаторских сроков нахождения в должности. Губернаторы и так могут быть отправлены в отставку указом президента в любой момент, ограничений фактически нет, а декларируемая независимость МСУ не мешает новоиспеченным врио-«варягам» вынуждать местных мэров покидать свои посты, «продавливая» свои кандидатуры»<sup>161</sup>.

Новым законом «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ» снимаются ограничения для срока нахождения в должности губернатора – однажды заняв эту должность, можно пожизненно быть губернатором. Это в какой-то степени усиливает потенциал политической субъектности региональных элит. Но, с другой стороны, расширяются основания для досрочного прекращения полномочий губернаторов в связи с универсальной и трудно формализуемой позицией – утрата доверия президента, а значит, ослабляется защищенность существующей меры политической субъектности региональных элит. В свою очередь это ущемление политической субъектности глав регионов компенсируется тем, что они сами смогут потребовать отставки глав муниципалитетов за плохую с их точки зрения работу. Вопрос политической субъектности заметно переформатируется и начинает «играть новыми красками» постольку, поскольку федеральные и региональные органы смогут, если это не противоречит Конституции, передавать друг другу часть своих полномочий, а глава субъекта одновременно будет считаться как главным региональным чиновником, так и политиком, обладающим одновременно

---

<sup>160</sup> XI рейтинг политической устойчивости глав регионов Госсовет 2.0. Декабрь 2021 // [https://minchenko.ru/netcat\\_files/userfiles!/Gossovet\\_XI\\_DEC\\_2021\\_FINAL.pdf](https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles!/Gossovet_XI_DEC_2021_FINAL.pdf) (дата обращения: 28.09.2022).

<sup>161</sup> Там же.

статусом федерального чиновника в регионе. По сути, он станет связующим звеном в цепи звеньев всё более формализующейся вертикали власти, получившей новое терминологическое оформление – элемент публичной власти.

Нарастающую зависимость региональных элит от федерального центра демонстрируют по-новому регулируемые рамки перечня показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации. В 2018 году перечень показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации включал всего 15 показателей, в настоящее время он расширен до 20 показателей. Добавим к этому, что с июня 2022 года в России начали действовать обновлённые критерии оценки эффективности деятельности губернаторов и региональных органов власти. Всего оценка эффективности глав регионов включает 38 методик: 19 – для расчёта показателей за предыдущий год, ещё 19 – для установления целевых значений на будущее<sup>162</sup>.

Несмотря на большое количество KPI, которые имеют пусть важное, но вспомогательное значение, федеральный центр будет стремиться фактически оценивать губернаторов и их команды по умению сохранять высокий уровень управляемости региональным политическим процессом, способность не допускать внутриэлитных конфликтов, а также умело решать возникающие по разным причинам социально-экономические проблемы в субъекте федерации.

В завершении предложенного читателям раздела монографии отметим, что в современных российских условиях региональные элиты хотя и действуют в полисегментированном пространстве влияния, однако всё реже выступают в качестве автономных, суверенных политических субъектов, скорее они транслируют политическую субъектность и влияние федеральных органов власти и заняты в большей степени региональным администрированием, то есть не политическим, а административным управлением. Таким образом, благодаря принятым и законодательно оформленным решениям федерального центра реальная политическая субъектность региональной элиты, даже в том сформировавшемся объёме, в котором она наблюдалась в 90-е годы, оказалась утрачена. Признаком этой утраты является отсутствие в субъектах федерации такого актора политической деятельности как контрэлита.

---

<sup>162</sup> О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2021 г. № 542 // <http://static.government.ru/media/files/pAAUAFURcAaGuxFcCcFzc7Aaoz7dDBYL.pdf> (дата обращения: 28.09.2022).

В связи с этим Г. Павловский формулирует довольно примечательное умозаключение: «В путинский период российские элиты существовали как мяч для пинков. Яркое выражение этого – путинские неодобрительные кавычки при упоминании «так называемых элит». Они позволяли дистанцироваться от слоя, к которому Путин совершенно явно полностью принадлежал, играя бонапартистскую роль Защитника-Медиатора, перекрестного гаранта безопасности – элитам от масс, массам – от элит. Путин обжил эту нишу, внешне презирая людей в кашемировых пальто. Он нуждался в элитах не как в группе заслуг, а в виде иероглифа виновника бед страны. Но сам-то жил среди них, и любил то же, что они. Все догадывались, что «антиэлитность» Путина является защитной раскраской. Путин сообщал народу: я простой парень, как вы! А элиты восхищались – экий у нас ловкач! Один Путин, собственно говоря, и был тогда «элитой», а мы старательно стушевывали политиков рядом с ним – с их же согласия. В политике нулевых Путин один замещал место лучших, став местоблюстителем людей заслуги – «первым гражданином». И на вопрос Достоевского: кто наши лучшие люди? – роковой вопрос всех российских режимов, Путин скромно позволял указывать на себя. Путин символически заместил собой весь истеблишмент»<sup>163</sup>.

Дискуссионным и открытым остаётся вопрос о том, работают ли на приобретение политической субъектности и усиление возможности влияния региональных элит возвращение губернаторских выборов, а также возврат практики выборов по одномандатным округам в Государственную Думу РФ. Возможности представительства и политической внутриэлитной конкуренции существенно меняются в сторону уменьшения и упрощения на муниципальном уровне. Видимо предстоящее принятие новой редакции закона о местном самоуправлении, проект которого внесён в Госдуму 16 декабря 2021 г. П. Крашенинниковым и А. Клишасом тоже сформулирует и внесёт свой вклад в очередную реконфигурацию политической субъектности российской региональной элиты.

Вместе с тем, не стоит забывать о том, что политическая субъектность не может рассматриваться сама по себе, в отрыве «от контекста», а выявляется и существует лишь во взаимодействии субъектов политики разных уровней ресурсности. Сейчас скажем банальную вещь: политическая жизнь в России в настоящее время – явление достаточно сложное и динамичное, сопровождаемое постоянным прилётом «чёрных лебедей» (в 2020 – пандемия ковида, в 2022 – специальная военная операция), требующее конкретных, а порой и быстрых решений и поэтому рамки политической субъектности региональной

---

<sup>163</sup> Павловский Г. Гениальная власть! Словарь абстракций Кремля. М.: Европа, 2012. С. 104–105.

элиты постоянно корректируются и, видимо, будут меняться и корректироваться в постоянном и непрерывном режиме, а к чему это приведёт – покажет будущее.

Итак, в условиях «вертикали власти» политическая субъектность элит оказалась строго иерархизирована по уровням: федеральный, региональный, муниципальный и поэтому право на её демонстрацию отдано федеральному центру и ядру федеральных элит, а у региональных элит осталась возможность быть исполнителем их воли.

При отсутствии традиционной для устойчивых политических режимов политической пары субъектов «власть – оппозиция», политическая субъектность из универсального явления, то есть права суверенно действовать на политическом поле по всем возможным направлениям, трансформируется в деятельность в узком коридоре оставшихся политических полномочий действует только в формате поддержки инициатив, исходящих от верхних эшелонов «вертикали власти», то есть демонстрации своей лоялистской позиции, имея право дополнять их улучшающей инициативой снизу.

Сама сложившаяся и выстроенная «вертикаль власти» обретает статус единственно возможного коллективного политического субъекта, вся активность которого напоминает работу полупроводника – все политические решения и инициативы принимаются на самом высоком уровне вертикали, а на всех других уровнях политическая субъектность должна соответствовать размеру подконтрольного политического пространства, то есть региону или муниципалитету и действовать в направлении реализации принятого на вершине «вертикали» правильного решения.

Выход политической субъектности за рамки параметров «вертикали власти» воспринимается как появление и проявление гражданско-протестных установок, опасной для системы автономности и несогласие с линией «вертикали власти», готовности конфликтовать с ней. Далее, естественно, следует вывод о ненадёжности данного политического субъекта и удалении его из поля взаимодействия.

## **Праздник к нам приходит (субъект в праздничной культуре)**

Праздник является важным социокультурным феноменом, который возникает в человеческом сообществе на самых ранних стадиях развития и является неотъемлемой составляющей культуры. Этот феномен привлекает внимание самых разных исследователей – философов, историков, культурологов, социологов, этнографов. В праздничной культуре представлены ценности, нормы, культурные образцы каждой эпохи, и праздники постоянно трансформируются вслед за трансформациями в политической, экономической, социальной и культурной сферах общественной жизни.

Государство нуждается в праздниках, поскольку праздничные ритуалы объединяют население вокруг актуальной культурно-политической повестки. Через участие в массовых праздниках происходит идентификация индивида в национальном культурном поле, а через участие в политических праздниках стимулируется политическая лояльность. Поэтому любое государство формирует свой праздничный календарь, который включает либо праздники, основанные на уже сложившихся в обществе традициях, либо праздники, сконструированные исходя из приоритетов государственной политики определенного исторического периода. При этом далеко не каждый учреждаемый государством политический праздник превращается в долгосрочную, поддерживаемую народом традицию, и далеко не всегда в политическом празднике закрепляются именно те системы ценностей, которые изначально в него закладывались.

Механизмы формирования, функционирования и умирания праздничных традиций не могут быть объяснены исключительно политическим контекстом конкретного праздника, они не укладываются в законодательные акты. Праздник не является конвенцией народа и власти, составляющие его субъект-объектные отношения гораздо более разнообразны и сложны.

Если понимать субъекта как актора, «владельца» какого-либо процесса, который не только стремится оказать воздействие на объект, но и способен это воздействие оказать, то единственным субъектом политического праздника государство считать нельзя. В качестве субъекта праздника может выступать и социальная группа, и социальный институт, и общество в целом.

Для анализа структуры субъекта и субъект-объектных отношений политического праздника обратимся к разработанной нами ранее трехуровневой модели праздничной культуры.

**Первый уровень – нарративная модель**, отражающая содержание праздника в виде функционирующих внутри него и сопровождающих его текстов.

Чаще всего она складывается вокруг «нулевого события» – события-триггера. В качестве «нулевого события» может быть принято реальное историческое событие (социалистическая революция, победа над фашистской Германией, полет Юрия Гагарина) или проекция некоторого текста культуры, например, религиозного учения или мифа, на календарный цикл (Рождество, Пасха). Исключение составляют профессиональные праздники или праздники, укорененные в языческой древности и завязанные на природные явления.

Государственные праздники формируются вокруг так называемых памятных дат – событий, важных с точки зрения политической элиты, добавляющей новый праздник в уже сложившийся календарь. Исключение составляет, пожалуй, Рождество.

Помимо нулевого события, нарративная модель включает связанный с ним культурно-исторический контекст (точнее, его интерпретацию) и формулу сакрализации – способ выстраивания отношения к «нулевому событию» как к священному, в результате чего культурно-исторический контекст, связанный с нулевым событием, мифологизируется, формируя своего рода политический «эпос» или «драму».

Ценность праздника, с точки зрения К. Жигульского, в том, что праздничная символика способна в нужный момент активировать связанный с ней миф<sup>164</sup>. Субъектом в этом процессе, на первый взгляд выступает государство, точнее политическая элита, выступающая носителем государственной субъектности.

Общество во многом строит свою жизнь на мифах, оно мифологизирует свое прошлое и оформляет в соответствии с мифологизированным прошлым настоящее и будущее. В контексте праздничной культуры это очевидно.

С этим связано то, что праздничный нарратив складывается как трансляция определенных ценностей. Вероятно, праздничная культура – самый мощный «транслятор» ценностей в социуме. Ценности, попадающие в нарратив ежегодно отмечаемых праздников, получают статус «вечных», поскольку такие праздники (религиозные, политические, профессиональные) устанавливаются каждый раз «навсегда». Однако, при смене политической обстановки, культурного фона, или из-за исторической давности, праздники могут быть забыты, упразднены политическим решением или модифицированы. Очевидным примером может служить то, что происходит со многими праздниками, которые были сформированы вокруг давно минувших исторических событий. Во-первых, нет в живых участников этих событий, а, следовательно, нет возможности передать «живые» тексты-воспоминания о прошлом. Во-вторых, утрачена актуальность самих поводов. Поэтому попытки конструирования

---

<sup>164</sup> Жигульский К. Праздник и культура: Праздники старые и новые. Размышления социолога. М.: Прогресс, 1985. С. 69.

праздников вокруг давно минувших неактуальных событий скорее всего обречены на провал. Согласно Л.Н. Когану, «если ценность культуры оказывается не востребованной в настоящем времени, о ней нельзя говорить как о функции культуры: она автоматически исключается из культурной коммуникации. Включенная в систему культуры ценность продолжает оставаться в настоящем времени»<sup>165</sup>.

Для успешности праздника, ценности, транслируемые им, должны разделяться той частью населения, которая отмечает этот праздник. Поэтому самые успешные праздники – те, которые опираются на ценности общечеловеческого характера.

На нарративном уровне источником субъектности выступает транслятор нарратива, в случае политического праздника – государство.

**Второй уровень – ритуальная модель**, описывающая процесс празднования (совокупность обычаев, ритуалов), в котором актуализируется нарративная модель.

Праздничная традиция складывается не только вокруг нарратива, но и вокруг ритуала, который может поддерживать праздник даже при радикальной смене политических режимов и культурных парадигм. В качестве примера можно привести Масленицу, языческий праздник, который в том числе и благодаря своей ритуальной части продолжал актуализироваться и после принятия христианства и после Октябрьской революции (хотя нарратив отрицался). А.И. Щербинин в статье «Коммуникативная природа праздника» пишет о том, что «именно ритуалы, а не насущные и надзирающие институты, объясняют сущность социального порядка, а также его устойчивость. В этом кроется, на наш взгляд, особая социализирующая сущность праздников»<sup>166</sup>.

Ритуал – это перформативное своеобразие праздника. Праздничный ритуал должен быть, во-первых, *уникальным и универсальным одновременно*. Уникальность праздничного ритуала придает празднику свое «лицо» – колорит, привлекательность как для носителей праздничной культуры, так и для сторонних «наблюдателей». Он отличает определенный праздник от всех остальных, как, например, шествие Бессмертного полка в День Победы, украшение елки к Новому году.

Во-вторых, ритуал должен подразумевать активность субъекта. Й. Бьерре говорит о том, что праздник – не только сознание, но и действие, которое начинается с мифологических представлений<sup>167</sup>. Участник праздника – не просто

---

<sup>165</sup> Коган Л.Н. Теория культуры. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1993. С. 41.

<sup>166</sup> Щербинин А.И. Коммуникативная природа праздника // Политический маркетинг. 2007. № 6. С. 17.

<sup>167</sup> Еремеев А.Ф. Первобытная культура: происхождение, особенности, структура. Кн. 2. Саранск: Издательство Мордовского университета, 1997. С. 185.



зритель, любующийся на салют, а человек, совершающий действие – покупающий соответствующие подарки, готовящий ритуальную еду, участвующий в праздничном шествии и пр. Во многом на ритуальном уровне складывается субъектность праздника, который «...является не формальным выполнением какой-то навязанной извне роли, а внутренним необходимым душевным порывом и реализацией присущего ему настроения»<sup>168</sup>.

На ритуальном уровне субъектом является участник ритуала – народ, население, общество.

**Третий уровень – пространственно-темпоральная модель**, отвечающая за регулярность, продолжительность праздника, включенность его в календарный цикл, локации, на которых осуществляются ритуалы.

Я. Ассман уточняет, что «исходная функция праздника состоит в том, чтобы придать времени – времени вообще – членораздельность, а не в том, чтобы создавать некое “священное время”, противоположное “повседневному”»<sup>169</sup>. Таким образом, праздник выступает как способ упорядочения времени. Время упорядочивается через систему-сеть символических «узлов», скрепляющих общество.

Отражает временную структуру праздника продолжительность и регулярность празднования (Новогодняя неделя или выходной день 1 Мая); длительность периодов подготовки (подготовка к юбилейным праздникам может занимать годы); наличие и продолжительность постпраздничного “шлейфа” в повседневной жизни людей; наличие и частотность “экстремумов” в интенсивности ритуальных практик, связанных, например, с юбилейными датами.

В отличие от праздничного времени, которое выступает более независимым по отношению к празднующему субъекту, праздничное пространство во многом определяется именно празднующими. М.М.Бахтин, рассуждая о средневековом карнавале, пишет: «От него некуда уйти, ибо карнавал не знает пространственных границ»<sup>170</sup>. Исследователи отмечают, что в момент праздника создается особое пространство, иное, чем реальное. «В пределах культурного пространства помещается более высокая, чем существующая реальность, культура, которой нет, но которая могла бы быть»<sup>171</sup>. Люди, помещенные в это «пространство возможного» не просто наблюдают за ним, но живут в этом вымышленном пространстве, которое на определенный промежуток времени

---

<sup>168</sup> Еремеев А.Ф. Первобытная культура: происхождение, особенности, структура... С. 187.

<sup>169</sup> Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 61.

<sup>170</sup> Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. С. 12.

<sup>171</sup> Коган Л.Н. Теория культуры. С. 61.

становится самой что ни на есть реальной жизнью. «Если сравнить пространство праздника с городским пространством, то, несомненно, праздник будет центром города, в то время как будни рассредоточатся по периферии»<sup>172</sup>. Многие современные массовые праздники обычно как основную площадку для ритуалов избирают именно центральные городские кварталы. Однако есть праздники, которые проходят в специальном замкнутом пространстве (скажем, церковные праздники – в соборе, Новый год – в доме) или в определенных природных локациях (день Ивана Купалы). Очевидно, пространство праздника определяется празднующей группой и смыслом самого праздника.

Таким образом, бытование праздника обусловлено его существованием как системы, выпадение одного или нескольких элементов которой может воспрепятствовать формированию праздничной традиции или способствовать ее угасанию. Субъектность в этой системе зависит от уровня бытования и анализа этого явления.

Системность праздника как элемента культуры означает, что внутри него человек «играет роль» и его субъектность в некотором смысле сомнительна: отмечая праздник, мы в своих действиях не автономны – мы выполняем ритуалы, предписанные традицией, либо наблюдаем, как их выполняют другие. Можно предположить, что субъектом (актером) праздничной культуры является тот, кто ее учреждает. В случае политического праздника таким субъектом должно быть само государство.

Итак, в тех случаях где праздничная традиция (пока) не сложилась – государство сохраняет свою субъектность, что мы имеем в случаях празднования Дня России, Дня Государственного флага Российской Федерации и пр.

Но как только праздничная традиция сформирована и «присвоена» нацией, государство утрачивает полный контроль над этим процессом и вопрос о субъектности приобретает неожиданный аспект, поскольку в этом случае «инициатором» праздника становится: природный цикл, календарный круг, ежегодная повторяемость праздника (темпоральный уровень). И эта «воля» реализуется через праздничный нарратив вкупе с уровнем ритуальным: в каком-то смысле сам праздник становится субъектом. В случаях, когда субъектность вынесена за пределы политики, «вынесена в космос», мы имеем «идеальный» праздник. В этом смысле субъектом праздника выступает родовая сущность человека. Она проявляется там, где в нарративе проявлены какие-то грани ее сущности. И сложившийся, устоявшийся праздник «приходит сам по себе».

---

<sup>172</sup> Попова В.Н. Праздник как социокультурный феномен. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2010. С. 14.

## Субъекты религиозного дискурса в современном обществе

Несмотря на постоянно меняющиеся социальные реалии, религия продолжает оставаться той константой, которая оказывает значимое влияние на функционирование социокультурного континуума. Она претендует на активное участие в политической жизни, диктует части членов социума правила социального поведения, конструирует фобии и надежды на будущее. Стоит отметить, что обозначенная активность в социальном пространстве реализуется исключительно благодаря деятельности конкретных акторов, которые занимаются, производством, воспроизводством и реформированием религиозного дискурса. Под последним в нашем случае будем понимать набор высказываний и суждений, касающихся представлений о сути религии и ее месте в современном мире. Смыслы этих высказываний являются продуктом дискурсивной деятельности целого ряда субъектов, коллективных и индивидуальных, своими текстами определяющих координаты присутствия религии и ее институтов в пространстве человеческого бытия.

Именно от природы этих субъектов зависит, насколько значимым является производимый ими дискурс, представляет ли он собой специфическое общественное явление или выступает в качестве дискурсивной реплики по отношению к другим сферам социального бытия, вносят ли предлагаемые высказывания что-то принципиально новое в социокультурную сферу, влиятельны ли по отношению к различным социальным стратам.

Множественность субъектов религиозного дискурса определяется самой природой религии как социального института – «единство любой церкви или конфессии представляет собой социальную иллюзию»<sup>173</sup> не только на уровне богословских высказываний и церковных проповедей. Применительно к современной культуре не существует возможности говорить об обязательном/доминирующем типе (или виде) дискурса, равно как и о том, в какой форме этот дискурс может осуществляться (классическая проповедь, церковный документ, литературное произведение, кружок единомышленников по чтению религиозной литературы и т. п.). В настоящее время любой верующий обладает потенциалом самостоятельного конструирования дискурса, эффективность и влиятельность которого могут абсолютно не зависеть от институциональной позиции конструктора, соответствия высказываний каноническим нормам, реализации принципов целесообразности и прагматизма по отношению к социальной деятельности говорящего и тех, кто воспринимает эту речь. Поэтому в

---

<sup>173</sup> Панченко А.А.: «...на практике провести границу между церковным и народным православием (как, впрочем, и католицизмом, исламом и т. п.) невозможно» // Панченко А.А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. 2-е изд. М.: ОГИ, 2004. С. 69.

тексте ниже будут показаны только основные векторы и значимые тренды в формировании и распространении дискурсивного содержания, необязательно – с ожидаемым результатом, но строго связанные с определенными субъектами.

Не в последнюю очередь особенности дискурса – масштабы распространения, способность оказывать влияние на социальную жизнь, конкурентоспособность в условиях современного рынка религий<sup>174</sup> – определены породившей его традицией и сообществами, по отношению к которым субъект высказывания аффилирует себя.

### **1. Традиционные сообщества верующих как определяющие границы дискурса**

Применительно к границам существования религиозных дискурсов в настоящее время можно говорить об окончательном складывании. Несмотря на имеющую место конкуренцию между так называемыми традиционными системами верований и точно так же условно выделяемыми новыми религиозными движениями, а также периодические попытки миссионерской деятельности со стороны представителей больших и малых религиозных сообществ, приходится признать, что ареалы существования религий являются относительно закрепленными. Понемногу развивающаяся экспансия со стороны евангельских церквей в регионах традиционного распространения католицизма, православия и автохтонных верований по своим масштабам пока не может считаться значимым трендом современной религиозной картины мира. Ислам и буддизм, несмотря на наличие неэтнических неофитов, также продолжают оставаться закрепленными по отношению к традиционному исповедующим их этносам. На первый взгляд это позволяет говорить о наличии устоявшегося культурного пространства, которое инспирирует специфические варианты религиозного дискурса, априорно имеющего отношение к высказывающимся субъектам. Существование института, коллектива или отдельного верующего в границах сложившегося религиозного пространства должно определять принципы восприятия веры и связанных с ней феноменов, логику их взаимодействия с социальными институтами, особенности статуса и поведения верующих.

Однако реальная ситуация оказывается неизмеримо более сложной. Практически все системы верований изначально распространялись в социальной среде при помощи силового воздействия, не предполагавшего осознанное восприятие религиозных канонов и норм. Насильственно насаждаемые идеи и ис-

---

<sup>174</sup> Stark R., Iannaccone L. Supply-side reinterpretation of the “Sekularization of Europe” // Journal of the Scientific Study of Religion. 1994. № 33.

каженные ускоренным переносом образы стали причиной дальнейшей мифологизации религиозного учения и расщепления предполагавшегося единым религиозного пространства на сферы канонических норм, богословских построений и вернакулярных верований, зачастую формирующих упрощенные представления рядового верующего о священном начале и связанными с ним действиями и институтами. П. Бергер определяет это как «приблизительность» и «одомашнивание» религиозного опыта при его закреплении в традиционной культуре, что позволяет закрепить новое в языке и сделать обыденным<sup>175</sup>. Отчасти этому закреплению способствовали религиозные институты, занятые организацией культовой деятельности, облегчающей нахождение субъекта в пространстве веры. Взаимодействие индивида и института легитимировалось традиционным укладом жизни, постепенно трансформируясь в закрепленную стратегию социального поведения и мироотношения. В случае, если ритуальные практики оказывались сложными для восприятия, в сочетании с невысоким уровнем религиозной грамотности происходило стимулирование роста самостоятельных истолкований как места ритуала в социальной жизни<sup>176</sup>, так и всей вероучительной системы в целом. Применительно к структуре религиозных институций это означало формирование не только народных верований и культовой практики в рамках официально закрепленных религий, но и формирования ответвлений, закрепившихся в форме т.н. «исторических сект»<sup>177</sup>. Как правило, участие в такого рода образованиях обеспечивает заинтересованность членов сообществ и постоянное обновление (или реанимирование) религиозного дискурса. Именно из этой среды выходят яркие проповедники и клирики, способные не только к осуществлению значимых высказываний, но и консолидирующие вокруг себя верующих.

Что касается пространства официальной церкви, то, особенно в условиях формализма и обязательности включения в религиозную жизнь, постепенно формируется прагматически-прикладное отношение к институту и связанной с ним деятельности, приводящее к угасанию религиозного чувства, за исключением особых случаев экзистенциальной природы. Религиозный дискурс начинает отождествляться с этническим, что в условиях современной культуры создает ограничения для эффективного включения неопитов в устоявшееся культурное пространство религиозного сообщества. Формальное участие

---

<sup>175</sup> Berger P. L. *The Heretical Imperative. Contemporary possibilities of religious confirmation*. N. Y.: Anchor Press, 1979. P. 49.

<sup>176</sup> Gladigow B. *Complexity // Theorizing rituals: Issues, Topics, Approaches, Concepts. Ed. by J. Kreinath, J. Snoek and M. Stausberg Numen Book Series Studies in the History of Religions*. Leiden-Boston: Brill, 2006. P. 494

<sup>177</sup> Панченко А.А. *Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект*. 2-е изд. М.: ОГИ, 2004. С. 45–54.

в религиозной жизни в сочетании с ее дискретностью для современного человека породило не только значительное количество мифологем и вольных интерпретаций, но и поставило вопрос о том, насколько религия и ее институты нужны в имеющемся варианте и открыты к изменениям.

Поскольку традиционный уклад большинства регионов мира постепенно размывается даже в сельской местности, оплота устоявшихся форм поведения и мироотношения, традиционные религиозные институты в эпоху новейшего времени все больше поддаются модернизационным изменениям, помещая и сообщества, и отдельных людей в ситуацию постоянного выбора, в том числе – и содержания дискурсивного высказывания. Недостатки внутренней жизни религиозных институций, проблемы во взаимоотношениях руководства всех уровней, неофициальных религиозных лидеров и рядовых верующих, несоответствие декларируемого и реального поведения части лидеров общин стали основанием для размывания устоев, на которых базировался традиционный религиозный дискурс при сохранении представлений о месте религии в обществе<sup>178</sup>, особенно в ритуальной части. Т. Гюнтер объясняет такую модель участия тем, что ритуал сам по себе не требует осознанного отношения, гораздо более важной является вовлеченность в него как действие<sup>179</sup>. При отсутствии жесткого мировоззренческого контроля такое «неосознанное» участие выступает источником для множественности дискурсивных интерпретаций и связанных с ними моделей мировосприятия и образа жизни. Многообразие взглядов на религию в сочетании с отсутствием в современной культуре жестких границ традиционных религиозных сообществ<sup>180</sup>, включающем в себя традиционалистов, мистиков, скептиков и маргиналов, позволяют самому сообществу оставаться жизнеспособным<sup>181</sup>.

На уровне социального действия рядовой верующий в большинстве случаев стремится к стереотипному поведению и воспроизведению устоявшейся традиции, а в мировоззренческом плане можно наблюдать элементы как реформистского, так и консервативного отношения. В этом плане возможными становятся как дискурсы, претендующие на коренное реформирование религиозного сообщества, так и точечные варианты трактовок религиозного содержания.

---

<sup>178</sup> Asad T. The Construction of Religion as an Anthropological Category // A reader in the anthropology of religion. Michael Lambek ed. P. 112.

<sup>179</sup> Thomas G. Communication // Theorizing rituals: Issues, Topics, Approaches, Concepts. Ed. by J. Kreinath, J. Snoek and M. Stausberg Numen Book Series Studies in the History of Religions. Leiden-Boston: Brill, 2006. P. 334.

<sup>180</sup> Яркий пример – группа «неверующих православных» в религиозном пространстве России.

<sup>181</sup> Bell K. Ritual theory, ritual practice. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 184.

В настоящее время открытым остается вопрос о том, сможет ли сумма дискурсивных изменений привести к трансформациям в культовой практике и бытовом поведении последователей религий. Толчком в этом направлении увеличение числа верующих, испытывающих потребность в интенсивной религиозной жизни, отказывающихся от механического воспроизведения церковных требований и конструирующих собственные версии религиозного отношения. Будущее покажет, останутся ли традиционные религиозные сообщества консолидированными вокруг ригидной системы официальной иерархии / системы управления, зачастую недееспособной на периферии, либо превратится в конгломерат разнообразных моделей понимания религии, реализуемых на уровне отдельных специфичных сообществ с ярко выраженной, осознанно реализованной конфессиональной идентичностью.

## **2. Религиозные элиты как субъекты дискурса**

В рамках религиозных сообществ выделяются разные типы субъектов, способных к осуществлению дискурса. В первую очередь, речь идет о религиозных элитах, претендующих на определение вектора развития религиозных же институтов. Речь в равной мере идет как о формальной элите (высшие иерархи и руководители религиозных структур разного характера; религиозные лидеры, имеющие высокий статус и участвующие в работе на местах), так и об элите как функционально выделяемой группы (выведенные за штат, но уважаемые паствой священнослужители; авторитетные богословы и публицисты, подвижники харизматического склада, юродивые, которым условно делегируются сакральные качества, мистики и др.).

Формирование религиозной элиты в современном обществе может протекать в «профетическом» и «бюрократическом» вариантах. Первый случай подразумевает спонтанное и достаточно быстрое формирование группы последователей за счет харизматических качеств лидера и его реформаторского потенциала. Вторым вариантом связан с попытками увеличить количество интерпретаций, существующих внутри сложившейся религиозной системы, с сохранением форм религиозной организации. В любом случае в ходе развития религиозного сообщества постепенно происходит замена харизматической элиты на бюрократическую, более приспособленную для решения повседневных проблем (финансовая деятельность религиозной общины, конкуренция с новыми религиозными объединениями, горизонтальная и вертикальная коммуникация, особенно в условиях недружественного окружения).

Религиозные сообщества в своей деятельности реализуют гильдейскую систему отбора, способствующую устойчивости состава, стереотипности поведения. Этот принцип предполагает закрытость, отбор претендентов на более высокие посты из нижестоящих слоев самой элиты, медленный путь вверх;

высокую степень институционализации отбора, наличие множества фильтров – формальных требований для занятия должностей (возраст, стаж работы, образование, характеристика руководства); небольшой, относительно закрытый круг селектората; подбор и назначение кадров узким кругом руководителей, отсутствие открытой конкуренции<sup>182</sup>. В результате обеспечиваются меньшая степень риска внутренних конфликтов и большая предсказуемость политики. Обратной стороной становятся бюрократизация, консерватизм, личный произвол, использованию коротких связей, конформное поведение. Дискурс элит такого рода претендует на монополию в духовной жизни, не допуская множественность интерпретаций.

Чаще всего религиозная элита из четырех возможных видов<sup>183</sup> реализует только авторитарный (монопольной авторитарной власти: унитарная по составу кадров и ценностным ориентациям; закрытая по механизмам формирования; монопольная по идеологическим установкам; конфронтационная по стратегии и тактике идейно-политической борьбы). Иногда религиозная элита может сражаться с политической, что в абсолютной форме приводит к установлению клерикального режима или его имплицитных форм, что приводит к дополнительной легитимации производимого дискурса. В качестве игрока в политическом пространстве религиозная элита способна оперировать политической терминологией, игнорируя собственно религиозный дискурс.

При этом стоит говорить о невысокой степени горизонтальной интеграции, редкости принятия коллективных решений, существующей практике вытеснения из религиозной деятельности тех священнослужителей и активистов, которые не согласны с непопулярными административными решениями и предлагают собственный вариант религиозного дискурса. Поэтому применительно к действующим религиозным элитам стоит говорить о претензиях на монопольную интерпретацию канона и соответствующее ориентирование верующих.

### **3. Маргинальные сообщества как генераторы религиозных идей**

Религиозный дискурс необязательно формируется в границах мейн-стрима. Возможностью для его конструирования в полной мере обладают и небольшие религиозные общины, иногда – с достаточно коротким сроком существования, представители которых оказываются способными оказывать

---

<sup>182</sup> Демидов Н.М. Основы социологии и политологии. М.: Academ'a, 2004. С. 143–145.

<sup>183</sup> Зотов А.А. Теория элит Парето: ее формирование и связь с современной элитологией // Российские властные институты и элиты в трансформации. Материалы восьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации». СПб.: Интерсоцис, 2011. С. 8–29.



влияние на верующих, либо формировать само состояние веры. Во всем многообразии таких генераторов дискурса представляется возможным выделить два типа – т.н. новые религиозные движения (НРД) и т.н. «исторические секты», каждый из которых заслуживает отдельного рассмотрения.

Возникновение новых религиозных движений и их положение в конфессиональной картине мира до последнего времени является предметом дискуссий в исследовательской среде. С уверенностью можно говорить о том, что НРД возникает на основе той или иной религиозной системы, путем добавления в культ и канон черт, которые ранее не были ей свойственны, а также коррекции имеющихся вероучительных положений и норм культового поведения в сторону адаптации к потребностям современной культуры. К ним относятся эклектическая доктрина<sup>184</sup>; модернизированная обрядность, дополненная инокультурными новациями, особый стиль жизни<sup>185</sup>, новые структуры социальной солидарности, апокалиптизм, прагматизм и организационная открытость<sup>186</sup>. Очень часто имеет место интенсивный прозелитизм<sup>187</sup> и наличие элементов секуляризма<sup>188</sup>. Данные атрибуты устанавливают очень спорную демаркационную линию, создавая еще и основания для обвинений в «сектантстве» со стороны исторически закрепленных в регионе или стране религий и возможности манипулирования общественным мнением. НРД широко распространены по всему земному шару, что позволяет их считать их актуальным социальным явлением. По-прежнему нерешенным остается вопрос о том, в какой момент можно говорить о новизне религии: нужно обладать очень точным взглядом, чтобы установить, в какой точке эволюционирующая религия

---

<sup>184</sup> Балагушкин Е.Г. Критика современных нетрадиционных религий (истоки, сущность, влияние на молодежь Запада). М., 1984; Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в капиталистических странах Запада и их влияние на молодежь. М., 1980; Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России. Морфологический анализ. М., 1999.

<sup>185</sup> Wilson B. R. Absolutes and relatives: two problems for new religious movements. Pp. 11-20 in; *Challenging Religion. Essays in honor of Eileen Barker*. Edited by James A. Beckford and James A. Richardson. London and NY, 2005.

<sup>186</sup> Campbell B. A Typology of Cults // *Sociological Analysis*, 1978, 39:3, pp. 228-240; Stone D. New religious consciousness and personal religious experience // *Sociological Analysis*, 1979, 39:2, pp. 123–134.

<sup>187</sup> Ткачева А.А. Индуистские мистические организации и диалог культур. М.: 1989; Ткачева А.А. Кришна Харе // *Азия и Африка сегодня*. 1993. № 8. С. 56–57. Ткачева А.А. Неиндуистский мистицизм // *Вопросы научного атеизма*. Вып. 38. Мистицизм: проблемы анализа и критики. М.: 1989. С. 128–146.; Ткачева А.А. «Новые религии» Востока. М.: Восточная литература, Наука, 1991.

<sup>188</sup> Сафронова Е.С. Основные направления распространения дзэн-буддизма в странах Запада // *Вопросы научного атеизма*. Вып. 38. Мистицизм: проблемы анализа и практики. М., 1989. С. 147–166.

осуществляется гегелевский переход от количественных изменений к качественным, к возникновению принципиально нового образования. В качестве выхода предлагаю говорить не о наличии новых религий, а об эволюции сложившихся форм проявления религиозности.

Оставив в стороне незавершенную до сих пор дискуссию о природе НРД и их специфических чертах<sup>189</sup>, воспользуемся зонтичным характером самого термина и обратим внимание на тот факт, что все они, прежде всего, объединены, относительно небольшим сроком существования. Несмотря на это, новые сообщества сформировали собственную стратегию социальной деятельности, обрели последователей, адаптировались и трансформировались соот-

---

<sup>189</sup> Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России. Морфологический анализ. Москва: ИФРАН, 1999; Баркер А.В. Новые религиозные движения: Практическое введение. СПб.: Издательство Русского христианского гуманитарного института, 1997; Григулевич И.Р. Пророки «новой истины»: очерки о культах и суевериях современного капиталистического мира. М.: Политиздат, 1983; Гуревич П.С. Нетрадиционные религии на Западе и восточные религиозные культы. М.: Знание, 1985; Кантеров И.Я. Новые религиозные движения в России. Религиоведческий анализ. М., 2006. 472 с.; Кацура А. Мистические культы и экологический пессимизм // Иностранная литература. 1985. № 6. С. 195–202; Ключев Б.И. Неорелигиозные движения в современной Индии // Народы Азии и Африки. 1984. № 6. С. 25–34; Матвеев В. Преданные Кришны – кто они? // Наука и религия. 1990. № 10. С. 25–28; Митрохин Л.Н. Религии «нового века». М.: Советская Россия, 1985; Невилл Р. «Бостонское конфуцианство» – корни восточной культуры на западной почве // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 1. С. 138–149; Никифорова Б. Искания молодежи и «Движение Иисуса» // Наука и религия. 1976. № 5. С. 78–80; Сафронова Е.С. Основные направления распространения дзэн-буддизма в странах Запада // Вопросы научного атеизма. Вып. 38. Мистицизм: проблемы анализа и практики. М., 1989. С. 147–166; Ткачева А.А. «Новые религии» Востока. М.: Восточная литература, Наука, 1991; Robbins T., Anthony D., Richardson J. Theory and Research of Today's "New Religions" // Sociological Analysis, 1978, № 39, pp. 95–122; Dawson L.L. Anti-Modernism, Modernism, and Postmodernism: Struggling with the Cultural Significance of New Religious Movement // Sociological Analysis, 1998, № 59:2, pp. 131–156; Bull M. The Seventh-day Adventists: Heretics of American Civil Religion // Sociological Analysis, 1989, № 50:2, pp. 177–187; Beckford J.A. Some Questions about the Relationship between Scholars and the New Religious Movements // Sociological Analysis, 1983, № 44:3, pp. 189–196.; Beckford J. A. Cults, Controversy and Control: A Comparative Analysis of the Problems Posed by New Religious Movements in the Federal Republic of Germany and France // Sociological Analysis, 1981, №42:3, pp. 249–264; Robertson R. Religious Movements and Modern Societies: toward a Progressive Problemshift // Sociological Analysis, 1979, № 40:4, pp. 297–314; Wallis R. Paradoxes of Freedom and Regulation: the Case of New Religious Movements in Britain and America // Sociological Analysis, 1988, № 48:4, pp. 355–371; Berger A. L. Hasidism and Moonism: Charisma in the Counterculture // Sociological Analysis, 1981, № 41:4, pp. 375–390; Johnson B. On Founders and Followers: Some Factors in the Development of New Religious Movements // Sociological Analysis, 1992, № 53:S, pp. 1–13; Gussner R. E., Berkowitz S.D. Scholars, Sects and Sanghas: Recruitment to Asian-Based Meditation Groups in North America // Sociological Analysis, 1988, № 49:2, pp. 136–170.

ветственно социокультурной ситуации. Все это позволяет говорить о формировании собственного дискурса и наличии у НРД потенциала в преобразовании социального континуума.

Новое понимание объекта религиозного отношения в трактовке лидеров НРД приводит к включению в высказывания элементов научного знания, светской культуры, традиционной и современной мифологии. Часто использование последователями новых религий традиционных образов сочетается с упрощенной интерпретацией, что наделяет дискурс специфическими, «бытовыми», вернакулярными чертами. Встречаются примеры отказа неоплота признать себя членом религиозного института в принципе, элементы атеизма.

В исключительных случаях верующий формирует собственное учение, «индивидуальную религию». Ее дискурса формируется как независимый личностный конструкт, допускающий волевое сочетание элементов разных типов мировоззрений. Благодаря синкретической, либо эклектической природе учения, носители новых учений распространяют свои идеи за пределами собственно сферы религиозного опыта.

Основатели новых религиозных движений в наибольшей мере оказались готовы отойти от канонической трактовки догм на основе личного религиозного и социального опыта. Приоритет эмоционального отношения к Богу, основанного на любви как одновременно онтологическом и антропологическом признаке, рождает требование вовлечения верующих во все стороны жизни религиозного сообщества и их психоэмоциональную перестройку. Популярность предлагаемых в границах НРД идей может быть объяснима наличием описанных инноваций как попыток приспособить религию к меняющемуся культурному пространству.

К второму типу «маргинальных» генераторов дискурса относятся сообщества, претендующие на воспроизводство традиционной религии, но при этом представляющие собой альтернативное религиозное отношение. Многочисленные сайты, форумы, молодежные сообщества и передачи предоставляют широкие возможности для религиозного творчества. Традиция самостоятельного истолкования текстов и образов священных книг, присутствующая в большинстве вероучительных систем, подкрепленная идеей свободы совести и плюрализма мнений, привела к возникновению сообществ с оригинальными идеями, отсылающих к культурному багажу региона<sup>190</sup>, либо радикально

---

<sup>190</sup> Ryazanova S. Talking to God: Religion, Para-Science and Disciplinary Practices as Consolidation Tools. *Changing Societies & Personalities*, 2022, 6(1); Рязанова С.В. Закрытые сообщества как феномен современной религиозной жизни // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2021. Вып. 96. С. 119–135; Рязанова С.В. Закрытое религиозное сообщество: стратегия складывания и принципы функционирования // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 2. С. 86–100.

его переосмысливающих<sup>191</sup>. Неважно при этом, какой статус приобретают эти общины в представлении официальных религиозных институтов.

На возникновение как субъектов такого дискурса, так и на его содержание оказал влияние исторический контекст: реабилитация религии в условиях «постсекулярного» общества, новые условия для подготовки духовенства при доминировании системы светского образования, интенсивный поток разнообразной информации вокруг индивида. Невозможность сохранения старых религиозных форм, увеличение возможностей для неофициальных версий религиозной жизни через понимание религии как частного дела стали основой для появления модернизированного дискурса, сохранившего внешне религиозные черты. Урбанизм и постепенное умирание малых поселений сделало мегаполисы центрами религиозной жизни, определив особенности восприятия священного и дав возможности для возникновения точечных вариантов высказываний о религии.

Перечисление субъектов религиозного дискурса в современной культуре можно продолжать и дальше: в обществе модерна и постмодерна сферы социальной жизни частично совпадают, накладываются друг на друга, что вызывает, соответственно, наложение различных дискурсов. Высказывания в отношении религии теперь касаются не только собственно сферы религиозного, но и большинства феноменов социокультурного пространства. Тем самым производящий и воспроизводящий религиозные идеи и смыслы субъект становится своеобразным демиургом общественной жизни и потенциальным инициатором происходящих в ней изменений. Это влияние не всегда является ощутимым, но однозначно вносит свой вклад в то, что сейчас принято называть культурой нового тысячелетия.

---

<sup>191</sup> Рязанова С.В. «Народное богословие» в церкви «Семья божия»: сюжеты, образы, мифы // Вестник ПНИПУ. 2019. № 1. С. 85–100.

## **Субъекты формирования атеистического дискурса в современном обществе**

Атеистический дискурс сопровождает всю историю человеческой культуры, прямо или опосредовано присутствуя в направлениях свободомыслия, скептицизма, агностицизма и материализма в философии, а также в научном познании, искусстве, политических, этических и правовых учениях. По мере развития процесса секуляризации, ставшего общемировой тенденцией, атеистический дискурс обретает все более определенные социальные, теоретические и институциональные основания. Вместе с тем, высокая степень автономности духовной сферы жизни общества не позволяет однозначно выделить субъектов атеистического дискурса в силу опосредованной детерминации человеческой детальности в духовной сфере экономическими, социальными, социально-психологическими, познавательными процессами, а также действием исторических традиций и ценностных систем. Совокупное действие этих детерминант на субъектов атеистического дискурса в современном обществе осложнено быстро растущей ролью информационных сообществ и в целом влиянием информационных технологий, а также динамикой процессов глобализации и регионализации, которые обостряют проблемы мировоззренческой самоидентификации, когда, например, человек нерелигиозный может позиционировать себя публично как принадлежащий к той или иной религии, исторически определявшей принадлежность к какой-либо региональной общности.

В атеистическом дискурсе можно выделить целый ряд составляющих его идей, определяющих градации и различия внутреннего содержания этого дискурса. Прямое непосредственное значение понятия атеизм – отрицание бога, следовательно, отрицание любой теистической религии. В этом узком смысле атеизм характерен для нетеистических религий и внеконфессиональной религиозности. Например, известный православный богослов А. Мень называл буддизм чистым атеизмом, т. к. объектом верований буддистов является не сверхъестественная, бесконечная и вечная духовная личностная реальность, что утверждает принцип теизма, а духовное самосовершенствование и стремление к абсолютному собственному духовному просветлению. То есть, в узком смысле атеистический дискурс как отрицание принципа теизма, подразумевает субъектами такого дискурса всех, кто выражает мировоззрение, противоположное теистическим религиям.

Более широкий смысл атеистического дискурса подразумевает отрицание религии вообще в гносеологическом, социально-культурном, аксиологическом планах и утверждение иного мировоззрения. И этот смысл доминирует в

исследованиях социологов, религиоведов, философов. Этот дискурс также содержит свои градации, где подразумеваются различающиеся между собой субъекты по различным основаниям. По философским основаниям отрицание религии может базироваться на различных формах материалистического мировоззрения, на принципах скептицизма, на принципах агностицизма. С большей или меньшей степенью рефлексии относительно различий этих базисных форм и принципов могут быть дифференцированы субъекты атеистического дискурса.

В научной социологической литературе присутствуют пессимистические оценки по поводу возможности определить зависимости между политическими, экономическими, культурными основами жизни людей и их отношением к религии. Так П.А. Баев полагает, что «эмпирические данные часто проводимых социологических исследований малоубедительно свидетельствуют о прямой зависимости между религиозными чувствами, сакральной практикой и повседневным образом жизни людей в политических, экономических, культурных и иных аспектах»<sup>192</sup>. Однако ведущие российские религиоведы И.Н. Яблоков, М.Г. Писманик, В.И. Гараджа и другие стремятся определить специфику изменений отношения к религии в ходе изменения современного общества, включая изучение религиозных групп, их различий и форм активности в отрицании религии.

В.И. Гараджа, исследуя различные отрицания религии, обращает внимание на разнородность и самих феноменов, обозначаемых термином «атеизм» и, соответственно, на различия субъектов, реализующих в мировоззрении, социальной активности и образе жизни эти феномены. К атеизму В.И. Гараджа относит религиозное свободомыслие, радикальный атеизм, религиозный агностицизм. Сам предмет отрицания дифференцирует атеизм и реализующих его идеи субъектов на отрицание монотеизма, политеизма, деизма и пантеизма. Но наряду с отрицанием тех или иных форм религиозных верований атеизм, как правило содержит утверждение иных в сравнении с религией, экзистенциальных, познавательных, мировоззренческих принципов.

Наиболее радикально оформленными и идеологически значимыми формами атеизма в XX столетии и сохраняющими свое значение в современном обществе, стали формы атеистического экзистенциализма и марксистский атеизм. Атеизм экзистенциализма (Ж.-П. Сартр, А. Камю) оказал влияние на духовную жизнь западного общества, где можно говорить о субъектах атеисти-

---

<sup>192</sup> Баев П.А. Религиозные и нерелигиозное сознание российского общества эпохи перемен // Вестник Адыгейского гос. университета. Серия: регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 1. С. 160.

ческого дискурса в литературе, формах искусства, политической деятельности. Субъекты марксистского атеистического дискурса получили институциональное оформление в деятельности коммунистических партий, общественных организаций, учреждений науки.

В СССР теоретическим и организационным центром, определявшим развитие атеистического дискурса, был Институт научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС. Региональные опорные пункты этого учреждения, а также вся система образования, система партийной пропаганды образовали и поддерживали в обществе в целом атеистический дискурс как существенный компонент марксистской идеологии и философии. С распадом СССР основные организационные формы, поддерживающие атеистический дискурс, прекратили свое существование.

В анализе характеристик субъектов, формирующих атеистический дискурс, в современном современном общества значима философская позиция относительно объяснения как сущности религии, так и возможных социальных, экзистенциальных, гносеологических, аксиологических оснований отрицания этими субъектами религии и утверждения нерелигиозного мировоззрения, а также разнообразных форм социальной активности. При этом следует учитывать, что при различии философских объяснений характеристик субъектов атеистического дискурса, значимо различие пассивных и активных атеистов, что учитывают исследования в области социальной философии, социологии и религиоведения. Пассивная атеистическая позиция заключается в том, что субъект атеистического мировоззрения исходит из понимания бесполезности, бессмысленности борьбы с религией. Поэтому, обладая нерелигиозным мировоззрением, находясь в позиции отрицания любой религии, такой субъект не проявляет атеистической активности и непосредственно не влияет на духовную жизнь общества. Среди значительной части индифферентных, которые фиксируются социологическими исследованиям, имеют место и пассивные атеисты. А активная атеистическая позиция характеризует тех субъектов, кто в различных публичных формах отрицает религию, утверждает светское мировоззрение средствами философии, науки, искусства, антиклерикальной политики, используя возможности информационного пространства интернета. Как пассивный атеизм, так и активный атеизм могут быть объяснены в рамках идей атеистического экзистенциализма и марксистского атеизма.

Философская позиция атеистического экзистенциализма подразумевает возможность и адекватную человеческой сущности реализацию процесса самоопределения человеческого существования вне смыслового поля символов религии. Важнейшей в этом отношении характеристикой субъекта, формирующей атеистический дискурс, является спонтанная собственная активность

творения человеком своей судьбы в онтическом мире и онтологического самоопределения своего существования из бесконечности собственного предпонимания всего существующего. «Нет никакой природы человека, как нет и бога, который бы её задумал. Человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но и такой, каким он хочет стать. ... Человек – это прежде всего проект, который переживается субъективно, а не мох, не плесень и не цветная капуста»<sup>193</sup>. Активное самоопределение собственного существования – это то, что характеризует человека вне каких-либо религиозных принципов, идей, символов. Но, вместе с тем, такое онтологическое, а вместе с тем, аксиологическое и гносеологическое вненахождение по отношению к религии определяет и возможность атеизма. Поэтому в атеистическом экзистенциализме философское объяснение самой возможности быть субъектом активной или пассивной формы атеизма коренится в реализации принципа онтологической дифференциации человеческого существования и онтического мира с исходным принципом признания приоритета существования самого по себе по отношению к тому что существует.

В отличие от экзистенциализма, марксистское объяснение религии, а вместе с тем и обоснование необходимости атеизма как мировоззренческой позиции, необходимости сознательного формирования атеистического дискурса всеми социальными субъектами, осуществляющими революционное преобразование общества, связано как раз с объективными социально-экономическими условиями существования человека, а не с отрывом «чистого» существования от мира онтических сущностей. «Всякая религия является ничем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, – отражением, в котором земные силы принимают форму неземных»<sup>194</sup>. Марксистский анализ не только и не столько мировоззренческая или философская позиция, а ориентация на социально-практическую деятельность по преобразованию общества, преодолению форм отчуждения, порождающих религию, стремление поставить под контроль социальные и природные силы на основе научного познания общества и природы. То есть марксистский атеистический дискурс является неотрывной частью революционной, творческой, практической деятельности по преобразованию общества, человека, природы. Рабочий класс, как социальный субъект, потребности и цели которого совпадают с объективными тенденциями развития общества, является в теоретическом плане субъектом,

---

<sup>193</sup> Ж.-П. Сартр. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 323.

<sup>194</sup> Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 328.



для которого научное материалистическое мировоззрение, включающее атеизм, наиболее адекватно отражает и его объективные потребности, и объективные тенденции развития общества.

В философском аспекте марксистский атеизм опирается на материалистические принципы. Так принцип материального единства мира лишает всякого онтологического смысла религиозные идеи о боге, богах или вообще сверхъестественных силах. Когда же речь идёт об атеистической активности субъектов марксистского атеистического дискурса, то очевидна существенная дифференциация не только на крайние формы «воинствующего атеизма», субъекты которого не просто критиковали религию, но убивали священников и верующих, и формы «гуманистического атеизма», предполагавшего понимание борьбы против религии не как борьбы против верующих, а как борьбу за верующих, за освобождение их от религиозных иллюзий.

Объективно в социально-исторической практике марксистский атеизм принимали и «эмотивные неверующие» (термин современных религиоведов), которые переживали чувство неприязни к религии, и та часть интеллигенции, которая была вовлечена в идеологическую работу и коммунистическое воспитание, и партийно-государственные функционеры, методично внедрявшие антирелигиозные директивы во все сферы жизни общества, и «немалая и устойчивая подгруппа тех, кто активно участвовал в этой «системе» не столько под воздействием идеологической предвзятости, сколько в силу личной глубоко осознанной материалистической убеждённости»<sup>195</sup>.

Субъект атеистического дискурса неоднороден как в актуализации идей атеизма в сферах политики, науки, искусства, образования, так и в целом в информационном пространстве. И, соответственно, специфическим основаниям атеизма, субъекты атеистического дискурса проявляют ту или иную степень активности в различных сферах жизни общества. Представители экзистенциализма актуализируют свои идеи в философских или художественных произведениях, и трудно представить, что, например, Жан-Поль Сартр или Натали Саррот обращались бы всерьёз к естественнонаучному материалу. А представители марксистского атеизма вряд ли всерьёз приводили бы какие-либо аргументы из области субъективных переживаний, эмоциональных состояний или апеллировали бы к какому-либо особому смыслу смерти.

Эти различия свидетельствуют о том, что атеистический дискурс формируется не только и не столько из отрицания религии, но из особенностей позитивного смысла понимания себя и всего сущего субъектами, включёнными в свое бытие и деятельности в контекст социальной жизни, культуры и соот-

---

<sup>195</sup> Писманик М.Г. Религия в культуре и гражданском единении. Пермь: ПГИК, 2019. С. 243.

ветствующих традиций, и ценностей. А социальная жизнь, культура и ценности неуклонно освобождаются от воздействия религии. В современном обществе объективный процесс секуляризации продолжается, несмотря на те или иные региональные или временные подъемы религиозности. Социологи в России оценивают на основе социологических опросов число убеждённых атеистов на уровне 2% и прогнозируют рост числа убеждённых атеистов в ближайшем десятилетии не менее чем до 5%<sup>196</sup>. Атеистический дискурс формируется у ученых, преподавателей и учителей, особенно связанных с естественнонаучным познанием, философов светской ориентации, религиоведов, политиков антиклерикальной направленности.

Формирующееся в России антиклерикальное движение становится основой деятельности организаций, где атеистические идеи формируются не только в мировоззренческом плане, ну и воплощаются в формах социальной активности. Региональный общественный фонд «Здравомыслие», Российское гуманистическое общество, «Россия без мракобесия» – эти и другие организации сохраняют и воспроизводят атеистические идеи в рамках антиклерикальной борьбы.

Тенденция политизации религии, рост клерикализма в России создали общественную атмосферу атеофобии, когда общественному мнению навязывается идея о том, что любой атеист – это проявление того воинственного атеизма, который в 20–30 гг. прошлого века был воплощен в массовых репрессиях против священников и верующих. А.В.Царегородцев справедливо отмечает, что «на сегодняшний день де-факто табуированной стала пропаганда атеистических взглядов, что воспринимается теми, кто их разделяет, как дискриминация и нарушение их конституционного права на свободу совести»<sup>197</sup>.

Неоднородность субъектов атеистического дискурса в условиях атеофобии не только игнорируется, но любые носители атеистических идей подводятся религиозно ориентированными пропагандистами под негативные характеристики.

Так сегодня можно прочесть, что вопрос об атеистических воззрениях «стал актуальным, благодаря сегодняшним коллизиям, связанным с оскорблением чувств верующих, поскольку остается неясным, существуют ли аналогичные чувства у атеистов»<sup>198</sup>. Автор этого высказывания не отдает себе отчёт в том, что, оскорбляя атеистов, он отрицает то позитивное этическое основа-

---

<sup>196</sup> Писманик М.Г. Религия в культуре и гражданском единении... С. 189.

<sup>197</sup> Царегородцев А.В. Идеология антиклерикального движения в современной России // Вызовы глобального мира. Вестник ИМТП. 2014. № 2–3. С. 63.

<sup>198</sup> Дробышев В.Н. Идентификация атеистической религиозности // Диалог культур и цивилизаций. Материалы Международной научно-практической конференции. М.: МГЛУ, 2019. С. 93.

ния, которое образуют достоинство любого человека. Полагать, что убеждения, принципы, взгляды, ценностные ориентации, составляющие мировоззрение субъектов атеистического дискурса, существуют вне эмоционально – чувственной сферы, означает явное или неявное оправдание ксенофобии как крайних воинствующих атеистов, так религиозных экстремистов и фанатиков. Но, более того, можно прочесть, что «(пост)секулярность является естественным продуктом атеизма, состоящим только лишь из критики религиозного, которая не способна принять собственное экзистенциальное решение, и поэтому остается сугубо философским мета-дискурсом (пустой формой отрицания)»<sup>199</sup>.

Образ субъекта атеистического дискурса вне эмоционально-чувственной сферы и лишённого собственного экзистенциального выбора – это удобная мишень для критических стрел. Эти стрелы в современном обществе, особенно в современных геополитических условиях объективно оказываются направлены на разрушение многообразных форм единства общества, включая гражданское единение.

В социальном, политическом и культурном планах в обществе существует приоритет единства субъектов религиозного и атеистического дискурса. Но в экзистенциальном плане следует иметь в виду наличие компонента тождества самоопределения человеческого существования, формами которого являются манифестации религиозных и атеистических идей. Что касается современной философии религии, то методологический принцип академического объективизма не только уравнивает в гносеологическом и аксиологическом аспектах различия религии и форм атеизма, превращая их в объект философского исследования из внешних этим формам гносеологических позиций. В современной философии религии также вскрывается глубокая взаимосвязь, взаимополагание принципов теизма и атеизма. На эту глубокую взаимосвязь с совершенно разных философских позиции уже указывали в свое время П. Тиллих и К. Юнг.

Атеистический дискурс в контексте развития современного общества в своей критической составляющей направлен не на мировоззрение верующих той или иной религии, а связан с выявлением отрицательного воздействия религии на те или иные сферы общественной жизни. Так манипулятивное использование религии в информационных войнах, политической борьбе, экстраполяция религиозных идей на всю духовную жизнь общества и другие процессы негативного воздействия религии на общество образуют сферу атеистической критики религии. Ряд авторов полагает, что «в большинстве современных стран должен развиваться дискурс, связанный с обсуждением

---

<sup>199</sup> Дробышев В.Н. Идентификация атеистической религиозности... С. 94.

угрозы той или иной, «своей» или «чужой», традиционной или нетрадиционной религии»<sup>200</sup>.

Интенсификация и содержательное обогащение атеистического дискурса в современном обществе зависит от формы атеизма, способа его философского обоснования, включения социальных субъектов этого дискурса в процессы секуляризации. Отмеченные выше прогнозы религиоведов о количественном росте убеждённых атеистов, позволяют говорить и о перспективных формах атеистического дискурса.

В этой связи можно говорить о значительных перспективах атеистического дискурса на основе научной материалистической философии. Если в качестве критерия оценки значение дискурса принимать возможность объединения людей, формирование социальных субъектов общества, где растёт роль науки и информационных технологий, то атеистический дискурс предпочтительнее теистического дискурса. В силу научной обоснованности материалистический атеистический дискурс менее подвержен субъективно-произвольным интерпретациям и может ассимилировать различающиеся ценностные позиции. Поэтому мировоззрение, формирующееся под воздействием этого дискурса, может быть основой объединения больших масс людей, что особенно актуально в современном обществе в связи с решением глобальных проблем. Для сравнения можно констатировать, что принцип теизма, объединяя людей, парадоксальным образом ведет ко все большему их разъединению. Во-первых, история всех теистических религий – это история расколов, история дифференциации их на множество направлений, которые противопоставляют общности людей. Во-вторых, культурные, цивилизационные разделы человечества проходят по линиям теистических противостояний различных религий. И очень существенно в сравнении с научным материалистическим атеистическим дискурсом то, что антропоморфность теистического и, шире, религиозного дискурса в целом ведёт к росту субъективно-произвольных интерпретаций, обуславливающих все большее число различий и противоречий в мировоззрении людей, ориентирующихся на этот дискурс.

Кроме того, принцип теизма в аспекте рациональной обоснованности является крайне слабым принципом – принципом, который уязвим для научной критики. В условиях современного общества, где объективно растёт значимость науки, технологий и соответственно объективно-истинных знаний, которые становятся значимыми в мировоззрении все большего числа людей,

---

<sup>200</sup> Жуков А. В., Жукова А. А., Романова Н. П. Религиозная угроза как категория классического философского, религиоведческого и политического дискурса // Вестник Забайкальского государственного университета. 2018. Т. 24. № 2. С. 47.

научная критика принципа теизма и религии в целом, ведет к приоритету атеистического дискурса, по отношению к теистическому. Само по себе и научное знание религии содержит атеистический потенциал. Неслучайно в 2000-м году патриарх Алексий II выразил мысль о недопустимости преподавания научного религиоведения в школе.

Однако нужно констатировать, что религиозное мировоззрение является массовым, а научное материалистическое атеистическое мировоззрение элитарным. То есть приоритет атеистического дискурса выглядит лишь абстрактной возможностью, хотя и теоретически обоснованной возможностью. Такое положение дел обусловлено действием исторических традиций, долговременными тенденциями взаимодействия религии с культурой в целом, укорененностью религиозного дискурса в морали, искусстве, формах общественного мировоззрения. Поэтому говоря о реализации приоритетного развития атеистического дискурса нужно иметь в виду долговременные перспективы. Вместе с тем, в современном обществе есть не только объективные процессы снижения значения религиозных дискурсов, но и объективные условия, детерминанты, обуславливающие само существование религии. Поэтому эффективность, позитивная роль социальных субъектов, формирующих атеистический дискурс, в современном обществе предполагает развитие научного познания религии.

## Сведения об авторах

### **Аверьянова Дарья Валерьевна**

зав. лабораторией прикладной политологии и социологии РАНХиГС (Челябинск)

*bdv@chel.ranepa.ru*

### **Береснев Владимир Дмитриевич**

старший преподаватель кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий Пермского государственного национального исследовательского университета

*vensereb@gmail.com*

### **Береснева Наталья Ириковна**

доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий Пермского государственного национального исследовательского университета *nataliaberseva@gmail.com*

### **Внутских Александр Юрьевич**

доктор философских наук, профессор кафедры философии Пермского государственного национального исследовательского университета

*avnut@inbox.ru*

### **Зырянов Сергей Григорьевич**

доктор политических наук, профессор, с.н.с. лаборатории моделей пространственного развития РАНХиГС (Челябинск)

*ziryanov-sg@ranepa.ru*

### **Комаров Сергей Владимирович**

доктор философских наук, декан философско-социологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета

*philos.perm@gmail.com*

### **Лоскутов Юрий Викторович**

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Пермского государственного национального исследовательского университета

*yuri-loskutov@mail.ru*

**Мусаелян Лёва Асканазович**

доктор философских наук, заведующий кафедрой философии Пермского государственного национального исследовательского университета

*lmusaelyan@yandex.ru*

**Оконская Наталия Камильевна**

доктор философских наук, профессор кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета

*nataokonskaya@rambler.ru*

**Поросёнков Сергей Владимирович**

доктор философских наук, профессор кафедры философии Пермского государственного национального исследовательского университета

*svp53@mail.ru*

**Рязанова Светлана Владимировна**

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований Уральского отделения РАН (Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН)

*svet-ryazanova@yandex.ru*

**Стерледев Роман Константинович**

доктор философских наук, заведующий кафедрой философии Пермского государственного медицинского университета имени акад. Е.А. Вагнера

*4438767@rambler.ru*

**Стерледева Тамара Дмитриевна**

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета

*cenzia@rambler.ru*

*Научное издание*

**Аверьянова** Дарья Валерьевна  
**Береснев** Владимир Дмитриевич  
**Береснева** Наталья Ириковна  
**Внутских** Александр Юрьевич  
**Зырянов** Сергей Григорьевич  
**Комаров** Сергей Владимирович  
**Лоскутов** Юрий Викторович

**Мусаелян** Лёва Асканазович  
**Оконская** Наталия Камильевна  
**Поросёнков** Сергей Владимирович  
**Рязанова** Светлана Владимировна  
**Стерледев** Роман Константинович  
**Стерледева** Тамара Дмитриевна

**Субъектность в современном обществе:  
социально-философский аспект**

Монография

*Под общей редакцией Ю. В. Лоскутова*

Печатается в авторской редакции  
Компьютерная верстка: *Е. А. Шкураток*

---

Подписано в печать 03.11.2022. Формат 60×84/16  
Усл. печ. л. 7,44. Тираж 100 экз. Заказ 165

---

Издательский центр  
Пермского государственного  
национального исследовательского университета  
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография ПГНИУ  
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15